

О Ч Е Р К Ъ
ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ
ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА
ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ОЧЕРКЪ
ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ
ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ

Н. И. КОСТОМАРОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

—
1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 17 дня 1860 года.

Цензоръ *Θ. Рахминовъ.*

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

Наша историческая литература не бѣдна сборниками актовъ и лѣтописей и многими добросовѣстными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ русской старины. Но это составляетъ драгоценность или для специальныхъ ученыхъ или для лицъ, которымъ положеніе ихъ и воспитаніе дозволяетъ слѣдить постоянно за ходомъ науки и знакомиться со всѣми текущими явленіями въ ея области. Но за этимъ немногочисленнымъ классомъ читателей есть гораздо большая масса публики, погруженная въ занятія, которыя лишаютъ ее и времени и средствъ, чтобъ обращаться къ чтенію ученыхъ изслѣдованій, рѣшающихъ тотъ или другой вопросъ прошедшей русской жизни. Нерѣдко случается слышать укоры въ невѣжествѣ и отсутствіи мысли, обращенныя не на тѣхъ, которые, получая журналы, читаютъ въ нихъ только легкія статьи и оставляютъ неразрѣзанными ученыя; но какъ поступаютъ люди образованные и развитые и столько въ своей сферѣ полезныя для общества, какъ и авторы учебныхъ статей, нечитаемыхъ ими. Нельзя ихъ обвинять, если послѣ въ на своемъ поприщѣ они ищутъ въ чтеніи отдохновенія: можно требовать, чтобъ ихъ интересовала частный вопросъ

по наукѣ, когда ихъ дѣятельность обращена къ другимъ предметамъ. Еще менѣе возможно, чтобъ они читали сырые материалы, какъ напримѣръ, Акты Археографической комиссiи. Но это не значитъ, чтобъ прошедшая жизнь не возбуждала въ нихъ никакого интереса: для этой части публики нужны только не частныя изслѣдованiя, а очерки, изъ которыхъ они могутъ составить себѣ цѣлостныя представленiя.

Для этого класса читающей публики я предпринялъ составить очеркъ прошедшей русской жизни во всѣхъ ея видахъ. Отрывокъ моего труда — О торговлѣ въ нашемъ государствѣ — былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1857 года; теперь я предлагаю «Очеркъ домашней жизни». Такимъ образомъ я надѣюсь составить впоследствии очерки церковнаго устройства, администраци, судопроизводства, военнаго быта. Я далекъ оттого, чтобъ считать предлагаемый очеркъ оконченымъ трудомъ, но смѣю надѣяться, что собранiе разсѣянныхъ въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣнiй о нашей старой домашней жизни не останется безъ нѣкоторой пользы.

I.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ старой Руси были: городъ, пригородъ, посадь, слобода, погостъ, село, сельцо, деревня, починокъ.

Названіе городъ принималось въ различныхъ смыслахъ. Первоначально это слово значило огороженное мѣсто. то есть то, что нынѣ *ограда*, *огорожа*. Въ старыя богатырскія времена людскимъ жилищамъ часто угрожали то нашествія чужихъ, то свои домашніе непріатели, при частыхъ неурядицахъ и междоусобіяхъ, по этому ихъ старались укрѣплять — огороживать. Для такой важной цѣли достаточно было тогда плетня, или частокола, поэтому одно и тоже слово городъ (огородъ, горóдь) въ смыслѣ огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жильё отъ животныхъ, и твердыню отъ непріательскаго нашествия. Мѣстности, гдѣ укрѣпленія представляли больше надежды на безопасность въ случаѣ вѣдшихъ нападений, сдѣлались центрами прилива народонаселенія: одни селились въ самыхъ городахъ, другіе по близости къ нимъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать въ охранный мѣсто, когда наступитъ опасность. Всѣ больше или меньше имѣли нужду въ городахъ; отсюда возникло, что города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными поселеніями и послѣдніе подпадали имъ въ зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась часто и легко порабоженіемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство по своей крѣпости; крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись другіе. Тогда между городами образовались два рода—старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или города и пригороды. Въ связи съ стратегическими условіями подчиненію меньшихъ городовъ большимъ способствовали историческія обстоятельства народной жизни. Такимъ образомъ, собственно слово

городъ начало означать господствующее мѣсто — столицу надъ краемъ, заключавшимъ нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ Кіевъ былъ городомъ земли полянъ или земли русской, Черниговъ, городомъ земли сѣверской, Новгородъ — земли новгородской, Псковъ — земли псковской, Хмыновъ — земли вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ — были пригороды Кіева, Ладога — пригородъ Новгорода, Изборскъ пригородъ Пскова, и такъ далѣе. Когда раздѣльныя части восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смыслъ города всей русской земли, — но тогда самое слово *городъ* измѣнило прежнее значеніе. Городомъ не называлось уже главное *правительственное* мѣсто, гдѣ находился центръ правленія, напротивъ, это слово начали употреблять въ обратномъ смыслѣ. Москва называлась Москвою: собственное имя ея не рѣдко принималось нарицательнымъ именемъ русской столицы; говорили: «на Москвѣ и въ городахъ», какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ названіе *городъ* сохраняло два значенія: укрѣпленной мѣстности и административнаго провинціального пункта. Въ городахъ происходило соприкосновеніе народа съ властію; тамъ была складка военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ, наконецъ тамъ жители края искали убѣжища во время военныхъ опасностей. По мѣрѣ расширенія народонаселенія возникали города одинъ за другимъ и, сообразно благопріятнымъ условіямъ, одни получали предъ другими преимущества въ отношеніи важности своей. Такимъ образомъ, города были большіе и меньшіе, и большіе начальствовали надъ послѣдними. Кромѣ городовъ, постоянно населенныхъ, существовали еще укрѣпленныя мѣста, называемыя острогами; они находились преимущественно въ отдаленныхъ отъ средоточія власти пограничныхъ и малонаселенныхъ областяхъ, были вообще меньше городовъ и часто не имѣли постоянного населенія: изъ городовъ посылались туда служилые люди, для стражи, на перемѣнку. Мало по малу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались въ города.

Посадомъ называлось то, что теперь мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадскій человекъ* означало тоже, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности. Они строились близъ городовъ, такъ что *городъ* находился посреди посада, и въ этомъ смыслѣ назывался кремлемъ, а посадъ раскидывался около него. Часто *городъ* былъ на горѣ, а *посадъ* внизу. Въ мѣстахъ, гдѣ жителямъ *посада* опасно было оставаться въ своихъ жилищахъ безъ защиты, *посады* обводились валами, стѣнами и рвами. У насъ въ отношеніи *посада* къ городу было тоже

что на западѣ; то, что у насъ называлось посадъ — на западѣ было city, cité, stadt, miasto, mesto, и то, что на западѣ было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grad, у насъ называлось городъ, а въ древности градъ. Тоже было въ древнемъ классическомъ мірѣ: такъ акрополисъ былъ градъ Аѳинъ, а самые Аѳины около него посадомъ. Въ нашей старой Руси поселеніе, подобное тому, что въ настоящее время называется городомъ, состояло нерѣдко изъ трехъ частей: градъ или городъ, посадъ и слободы. Посадъ раздѣляется на двѣ части: острогъ или укрѣпленная часть околороднаго поселенія и поселокъ внѣ острога или собственно посадъ, а за нимъ слободы. И теперь въ земляхъ турецкихъ славянъ таже троичность: градъ, соотвѣтствующій нашему городу, варошь — острогъ, и *паланка* — поселеніе за укрѣпленіемъ, которое можетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, соотвѣтствовать нашему посаду или слободамъ.

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими нибудь особенными условіями; но такъ какъ эти условія давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, то за такими обществами преимущественно удерживались названія слободъ. Онѣ были большею частію около посадовъ и городовъ.

Погостъ, село, сельцо, деревня, поселокъ, займище были поселенія земледѣльческаго класса. Въ древности погостомъ называлось поселеніе съ церковью, при которой всегда сосредоточивались сношенія окрестныхъ жителей и устанавлилася административный центръ. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались вообще только селами. Слово погостъ, бывшее нѣкогда въ повсемѣстномъ употребленіи, въ XVI и XVII вѣкѣ сохранилось только въ новгородской землѣ, чь смыслъ большаго села съ средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Различіе между селомъ и сельцомъ заключалось только въ величинѣ ихъ. Деревни были поселенія безъ церквей. Починки были маленькія деревушки недавно заселенныя. Займище было небольшое поселеніе на дикой землѣ, занятое обыкновенно однимъ дворомъ. Когда къ этому двору присоединялись другіе, то изъ займища образовался починокъ; починокъ по прошествіи времени, которое лишило его значенія новизны, и по мѣрѣ возраставшаго населенія, переименовался въ деревню; а наконецъ съ постройкою церкви деревня измѣнялася въ сельцо, и, съ умноженіемъ пародонаселенія, въ село. Жилыя земледѣльческія мѣстности безъ церквей и даже небольшія сельца принадлежали къ селамъ. Такая принадлежность однихъ мѣстностей другимъ не была только административнымъ распоряже-

ніемъ, а истекала изъ образа ихъ основанія, ибо новыя поселенія основывались посредствомъ выселковъ изъ старыхъ. Изъ селъ выходило нѣсколько семействъ: основывали деревню; когда она значительно возрастала, или же находились въ ней зажиточные люди, чтобъ построить церковь (т. е. въ то время это было не трудно по обилію лѣса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась въ сельцо, потомъ въ село. Въ свою очередь изъ новаго села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшіяся въ свою очередь въ сельца и села и такъ далѣе. Первое родоначальное село удерживало старшинство надъ своими выселками и оставалось между ними центромъ свощеній по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время не изглаживало изъ памяти этой старинной исторической связи. Такимъ образомъ, въ Новгородской землѣ погосты, въ смыслѣ первенствующихъ поселеній, были старыя поселенія съ старыми церквами, а села съ новопостроенными церквами были ихъ выселками. Смотря по историческимъ обстоятельствамъ, измѣнявшимъ движеніе народонаселенія и по относительной быстротѣ его размноженія, эта связь поселеній удерживалась долѣе или ослаблялась скорѣе.

II.

Г О Р О Д А .

Потребность возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ не заселенныхъ, чтобъ дать возможность жителямъ существовать на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ южныя степи Московскаго государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, засѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другаго, указывали на господство русской державы въ безлюдной землѣ. Въ Сибири—каждый шагъ подчиненія земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ. Повсюду въ XVI и XVII вѣкѣ постройка городовъ была одною изъ первыхъ заботъ правительства и городское дѣло важнѣйшею изъ повинностей всего народа. Когда въ старыхъ актахъ говорится о постройкѣ городовъ, то разумѣется подъ этимъ возведеніе и устройство укрѣпленій, и въ этомъ случаѣ самое слово городъ означало ограду, а не то, что находилось въ ней;

говорилось: города каменные (включая въ это названіе и кирпичные), города деревянные и земляные. Въ XVI вѣкѣ каменныхъ и кирпичныхъ оградъ было чрезвычайно мало, исключая монастырскихъ стѣнъ, которыя чаще, чѣмъ городскія, дѣлались изъ кирпича. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, послѣ того, какъ смутныя времена показали ненадежность деревянныхъ твердынь, ощутительная потребность охраненія государства отъ всѣхъ сторонъ побуждала выписывать изъ Голландіи мастеровъ для каменныхъ построекъ. Какъ медленно шло это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ Астрахани, несмотря на ея одинокое и небезопасное положеніе, прежде 1625 года не было каменныхъ стѣнъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, во всемъ московскомъ государствѣ были, исключая монастырей, въ двадцати городахъ каменные или кирпичныя укрѣпленія; но это число кажется преувеличено; по крайней мѣрѣ, собирая разсѣянные извѣстія того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать ихъ столько. (Москва, Новгородъ, Ладога, Псковъ, Смоленскъ, Тула, Нижній, Казань, Астрахань, Яикъ, Ярославль, Путшвлъ, Вологда, Полоцкъ.) Вообще же безчисленные города, усѣвавшіе пространство русскихъ владѣній, были съ укрѣпленіями деревянными или земляными, то есть съ валами и съ тыномъ по валу. Города располагались такъ, чтобъ около нихъ находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стѣны, а иногда и нѣсколько сторонъ примыкали къ озеру, пруду или болоту, а съ другихъ сторонъ, менѣе обезопасенныхъ мѣстоположеніемъ, подъ стѣнами проводился ровъ. По большей части деревянные укрѣпленія соединялись съ земляными, разнымъ способомъ: напримѣръ, насынался валъ или осыпь, а на осыпи устранилась деревянная стѣна или тынъ; или же стѣна стояла на плоской землѣ, но за нею слѣдовала осыпь; или же деревянные стѣны были присыпаны хрящемъ, то есть кучею каменьевъ, песку и земли. Простые остроги или острожки дѣлались безъ осыпей и ихъ деревянные стѣны были ограждены только рвами. Часто городъ, окруженный деревянною стѣною и ровомъ, былъ еще разъ обведенъ осыпью или деревянною стѣною — такъ называемымъ острогомъ, — а между городомъ и острогомъ находилось поселеніе. Такое городовое расположеніе было и въ самой Москвѣ: Кремль съ Китаемъ Городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна такъ называемаго Бѣлаго Города, далѣе, также послѣ значительнаго промежутка, земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Подобное устройство было и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, окруженный

острожною деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ каменный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою вдоль Волги, и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этою послѣднею назывался, какъ и въ Москвѣ, Бѣлымъ Городомъ. Въ Псковѣ среднее укрѣпленіе называлось Дѣтинецъ: оно стояло въ углу, образуемомъ рѣкою Великою и впадающею въ нее Псковою. Отъ угла, противоположнаго той сторонѣ, гдѣ была Великая, шла стѣна вдоль рѣки Псковы и упиралась въ башню; отъ этой башни въ обѣ стороны шли стѣны, огибавшія городъ, построенный на двухъ сторонахъ рѣки Псковы; эти стѣны сходились къ двумъ угламъ Дѣтинца на берегу рѣки Великой. Сверхъ того въ срединѣ города, на лѣвой сторонѣ Псковы, въ сторону отъ Дѣтинца, существовалъ еще одинъ внутренній городъ, называемый Кромъ, а за предѣлами большой внѣшней стѣны, огибавшей весь городъ, былъ ровъ, за которымъ расположено было многолюдное поселеніе, называемое *Застѣнье*, обведенное деревянною стѣною. Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ былъ каменный городъ, окруженный землянымъ валомъ; между тѣмъ и другимъ находился посадь; укрѣпленія землянаго города шли неправильными линіями, то приближаясь къ каменному, то удаляясь отъ него; за предѣлами землянаго расположены были поселенія, тоже въ древности еще разъ обведенныя стѣною, а на Торговой сторонѣ былъ другой городъ съ башнями и рвомъ. Нѣкоторые монастыри (они вообще въ тотъ вѣкъ были твердынями), имѣли такую же форму укрѣпленій; напримѣръ, въ Кирилловскомъ въ началѣ XVII вѣка была кругомъ монастырскаго строенія каменная стѣна, а подалѣе, на значительномъ отъ нея разстояніи, по тому же направленію, эту каменную стѣну окружала деревянная острожная стѣна, за которою съ внѣшней стороны проходилъ вокругъ нея ровъ. Во множествѣ небольшихъ городовъ былъ такой же порядокъ; за стѣною, обыкновенно деревянною, опоясанною рвомъ по наружной сторонѣ, часть посада, иногда же и весь посадь, охранялся другою стѣною, острожною.

Какъ каменные такъ и деревянные стѣны не составляли правильныхъ очертаній; такъ напримѣръ, въ одномъ деревянномъ городѣ стѣна въ одномъ мѣстѣ суживалась до 21 сажени, а въ другомъ расширялась до 98 (Доп. III. 102). Почти всегда городъ въ однихъ мѣстахъ былъ шире, въ другихъ параллельныхъ первымъ—уже. Окружность городовъ соразмѣрялась съ мѣстоположеніемъ и важностію города. Въ Новгородѣ, напримѣръ, каменный городъ былъ въ четыреста-девятисто-восемь саженой кругомъ, земляной въ семьсотъ-двѣнадцать, деревянный въ двѣ тысячи четыреста-шесть. Окружность астраханскаго каменнаго города заключала ты-

сячу—одиннадцать саженей (А. И. III. 217). Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ окружность второстепенныхъ городовъ въ двадцать (А. А. Э. III. 147), въ сто—восемьдесятъ—четыре (Доп. IV. 155), въ триста—девяносто—пять, въ пятьсотъ—пятьдесятъ (Доп. VI. 130. Влад. Сборн. 141. А. Ю. 253) саженъ и такъ далѣе.

Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлался на верху зубцы, такіе высокіе, что иногда занимали до трети вышины всей стѣны (А. И. IV. 235). По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменные, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ башни были каменные, какъ напримѣръ въ Ярославѣ (кв. Больш. Черт.). Кромѣ башенъ, въ стѣнахъ дѣлались различной формы выступы, носившіе названія: городки, выводы, костры, кружала (круглыя выемки, гдѣ обыкновенно помѣщались кладовыя со входами пзнутри и амбары); обломы (скатныя пристройки, выдававшіяся въ наружную сторону) съ деревянными котами (катками или колесами безъ спиць), которые спускались на непріятеля во время осады; печоры (углубленія внутрь стѣны); быки — расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились укрѣпленія, образовывавшія сверху другую стѣну (Доп. II. 31. III. 6. V 295. А. И. III. 283. Ворон. Акты II. 99). Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями, называемымъ пряслами. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ въ новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 саженей, въ другой до 50 въ третьей до 40 и менѣе. Въ новгородскомъ земляномъ городѣ между оными башнями было 150 саженей, между другими 46 (Доп. III. 101). Въ Тотмѣ вообще отъ 70 до 25 саж. (Доп. II, 155). Въ одномъ деревянномъ городѣ, въ южномъ краю Московіи, на одной сторонѣ вся стѣна имѣла 75 саженей, на другой 44 (Врем. V Ст. 29). Въ Воронежѣ въ 1666 г. въ одномъ мѣстѣ пространство между башнями заключало 155 саженей, въ другомъ 30, въ третьемъ только 18 и т. п. (Вор. Акты I. 35). По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобъ метать на осаждающихъ, и бой, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ нушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три ряда и назывались: подошевный, средній и верхній. Въ Астрахани на пространствѣ четырехъ—сотъ—двадцати—пяти саженей, составлявшихъ часть городской стѣны, было пятьдесятъ—девять боевъ. Въ малыхъ городахъ ихъ было обыкновенно два ряда: подошевный и верхній (А. И. IV, 312. Доп. IV 3. А. И. III. 217). Толщина и высота стѣнъ въ разныхъ городахъ была также различна, какъ и окружность. Въ Астрахани

въ 1649 г. каменная стѣна въ толщину была въ полторы сажени, а въ вышину съ зубцами четыре сажени, безъ зубцовъ двѣ сажени съ четвертью; самые зубцы возвышались надъ стѣною на сажень съ тремя четвертями и въ толщину были въ одну сажень (А. И. IV. 134). Стѣны московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству англичанъ (Angl. Navig. 7. edit. Starcz.), имѣли въ толщину восемь-надцать футовъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ вышина внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней десять; толщина первой въ девять съ половиною, а внутренней въ полтора аршина (Поѣздка въ Кирил. Бѣл. мон. 25). Въ Суздали валъ съ приступной, то есть съ внѣшней стороны, имѣлъ отъ восьми до десяти сажень вышину, а съ внутренней отъ трехъ до шести. Земляные валы дѣлались къ низу шире, къ верху уже: такимъ образомъ, въ этомъ же суздальскомъ валѣ толщина его съ почвы была отъ восьми до десяти сажень, а на верху ширина простиралась только до полторы сажени (А. И. III. 382).

Изнутри по стѣнамъ проводились лѣстницы и ходы, обыкновенно изъ башенъ отъ одной къ другой; по мѣстамъ эти ходы имѣли тайные выходы наружу. На большихъ выступахъ или быкахъ устраивались мосты, на которыхъ, какъ сказано прежде, возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности (Доп. III. б. VI. 130). Очень часто стѣны города были двойныя, тройныя и четверныя. Пространство между стѣнами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежутокъ (Поѣздка въ Кирилло Бѣлоз. монаст. 26 А. И. I. 322. Влад. Сб. 170). Сверху дѣлались надъ ними кровли изъ теса или рѣшетины (Доп. II. 229. III. 169. — А. И. III. 285). Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшіяся надъ стѣнами городовъ, были по фигурѣ круглыя, четверугольныя, шестиугольныя, осьмиугольныя. Кровли на нихъ иногда были такъ велики, что сами по себѣ превышали вышину остальнаго строенія; такъ въ Олонцѣ вышина башни до кровли была пять сажень, а съ кровлею одиннадцать. Вообще вышина, длина и ширина башенъ была очень различна и не одинакова въ одномъ и томъ же городѣ. Напр., въ Воронежѣ въ 1666 году одна башня имѣла въ вышину семь сажень, а другія пять, четыре, три и даже одну. Вышина вообще не соразмѣрялась съ объемомъ башенъ; напримѣръ, въ одномъ городѣ изъ двухъ башенъ въ полтора сажня въ діаметрѣ, одна была вышиною въ три сажня съ половиною, другая въ полтора сажня. Рѣдко длина башни была одинакова съ шириною. Чаще всего въ одну сторону онѣ были длин-

нѣе, въ другую, внутреннюю, короче, напр., четыре сажня длины и два съ половиною ширины. Но самая обыкновенная мѣра башень была около трехъ сажень въ длину и двухъ въ ширину. Въ нѣкоторыхъ городахъ башни строились въ уровень съ стѣною, въ другихъ выступали сажня на два, на три и даже на четыре въ наружную сторону. Количество башень въ городахъ было чрезвычайно различно, смотря по объему стѣны: въ новгородскомъ каменномъ городѣ ихъ было десять, въ земляномъ девять, въ деревянномъ тридцать семь; въ Астрахани десять, въ Яикѣ восемь, въ Олонцѣ тринадцать, въ Тотьмѣ семь, въ Смоленскѣ и Муромѣ четырнадцать, въ Воронежѣ семнадцать, въ Архангельскѣ девять, въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ двадцать три. Тѣ, которыя стояли по угламъ, назывались наугольными, стоявшія по срединѣ стѣны — середними, съ воротами — проѣзжими, безъ воротъ — глухими. Вездѣ были тайнискія башни, стоявшія обыкновенно по близости къ рѣкѣ; оттуда дѣлали подземные ходы со струбами, иногда сажень на шесть, десять и болѣе. Башни назывались по урочищамъ, по мѣстности, или же по ихъ назначенію, напр., розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная, — также по имени праздниковъ или святыхъ, напр. пречистенская, введенская, никольская. Послѣдняго рода названія давались преимущественно проѣзжимъ башнямъ. Башни раздѣлялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строенія, называемыми въ тѣ времена мостами. Этихъ ярусовъ было обыкновенно три: нижній или подошвенный, средний и верхній, а иногда, особенно въ меньшихъ городахъ, только два. Въ каждомъ ярусѣ устраивались бои; въ подошвенномъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался пушечнымъ, а въ верхнихъ надъ нимъ изъ пищалей и мушкетовъ и потому они назывались пищальнымъ и мушкетнымъ боями. Не всегда въ одномъ и томъ же городѣ были башни съ равнымъ количествомъ боевъ. Такъ въ Смоленскѣ въ нѣкоторыхъ башняхъ были не полные бои, хотя съ полнымъ количествомъ мостовъ. Напрямь, въ одной башнѣ бои устроены были только въ среднемъ мосту, въ другой только въ верхнемъ, а въ нижнемъ и среднемъ не было боевъ. Ходы по башнѣ были иногда снаружи, иногда изнутри, такъ что башня въ среднѣ по столбу раздѣлялась на отдѣлы, а верхніе отдѣлы съ нижними соединялись посредствомъ лѣстницъ. Иногда на кровляхъ башень устраивались чердаки, клѣтки, или караульни, небольшія постройки для обозрѣнія далекихъ предметовъ; въ нихъ также были наготовѣ пищали. Число проѣзжихъ башень соразмѣрялось съ величиною города. Въ каменномъ новгородскомъ городѣ изъ де-

сяти башень было шесть проѣзжихъ, въ земляномъ изъ девяти три, въ Воронежѣ изъ семнадцати шесть, въ Бѣлозерскѣ изъ восьми двѣ, въ Инсарѣ изъ восьми три, въ Муромѣ изъ четырнадцати двѣ проѣзжихъ и третья съ воротами водяными, то есть ведущими къ водѣ; въ небольшихъ городкахъ изъ четырехъ башень строилось по двѣ проѣзжихъ; вѣкогда не строились города съ однимъ только выходомъ. Ворота въ башняхъ были толсты и широки и потому проѣзжія башни всегда значительно были и выше, и массивнѣе глухихъ; напр. въ семь сажень съ половиною длиною и столько же шириною. Въ воротахъ вѣдывались боевыя окна, какъ въ глухихъ башняхъ и въ пряслахъ. Надъ ними находилса образъ святаго или какого нибудь большаго праздника и по имени образа называлась башня; а въ нѣкоторыхъ городахъ въ башняхъ надъ воротами устраивались маленкія церкви. Ворота запирались огромными замками. Въ мирное время, однако, створы воротъ не запирались, а только на ночь опускалась рѣшетка, а для удобства въ самыхъ воротахъ продѣлывались калитки, которыя также запирались особыми замками. Обыкновенно на проѣзжихъ башняхъ устраивались боевыя часы и вѣстовой колоколь, который всегда былъ массивнѣе и громче обыкновенныхъ церковныхъ или благовѣстныхъ колоколовъ. Его называли также полошнымъ колоколомъ, потому что звонили въ него на тревогу и призывали народъ къ сбору. Вмѣстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ стояла вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли только тогда, когда подавали сигналъ. На прочихъ башняхъ привѣшивались также колокола; въ нихъ звонили во время отбоя непріятеля или вылазки, для возбужденія охоты къ битвѣ и храбрости. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Случалось, что передъ самыми проѣзжими башнями дѣлали острожки или города въ маломъ видѣ. Такъ въ Муромѣ передъ двумя проѣзжими воротами сдѣланы были острожки: одинъ длиною въ восемь сажень, а поперекъ въ три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня. (А. Ю. 253, 366. А. А. Э. III. 447. — А. И. IV. 339, 502. V. 82. — Доп. II. 155. 229. 266. III. 169, 225. V. 295. 302. VI. 130. 225. Временн. V. см. 30 XIII. XIV. 12. 14. Русск. Вѣст. 1843 г. 341. 353. Владим. Сбор. 140. 141. Воронежс. Акты 1.

Городовыя стѣны или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направлению твердынь съ ихъ вѣншей стороны. Въ небольшихъ городахъ встрѣчались рвы глубиною въ сажень и шириною въ двѣ сажени, или глубиною въ двѣ сажени, шириною въ двѣ съ тремя четвертями сажени (А. А. Э. III. 447. Доп. IV. 30. Временн. V см. 30); но въ большихъ городахъ

рвы были и глубже и шире, и достоинство ихъ вообще полагалось въ томъ, чтобъ они были глубоки и круты (Доп. IV. 30). Въ иныхъ мѣстахъ въ эти рвы проводили воду, а въ другихъ забивали сваи, называемыя частикомъ или чеснокомъ; а иногда самый чеснокъ утыкали сверху желѣзными спицами; иногда кромѣ того рвы ослоняли особою оградою изъ дубовыхъ бревенъ. Случалось, что такихъ рвовъ за главною стѣною или городскимъ валомъ было нѣсколько рядовъ, одинъ возлѣ другаго по одному направленію. (Доп. IV. 30. 231. А. И. I. 322. А. А. Э. III. 427.

Отъ рвовъ въ наружную сторону проводили отводныя стѣны и дѣлали длинный рядъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами. То были столбы изъ толстыхъ бревенъ (обыкновенно дубовыхъ), поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другаго и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбы были двойныя и тройныя, то есть въ два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями изъ бревенъ на верху и такимъ образомъ представляли видъ корридоровъ, всегда въ извиломъ направленіи. Около Воронежа такіе корридоры шли отъ города на прогяженіе пяти съ половиною верстъ до караульнаго городка, устроеннаго для наблюденія и для подачи вѣстей въ городъ; иногда же ряды надолбъ шли отъ города верстъ на двадцать и даже болѣе и были окаймлены рвами, а по мѣстамъ между ними устраивались башенки. Тамъ, гдѣ нужно было сдѣлать выходъ, устраивались ворота съ опускаемыми колодами. Отъ такихъ мѣстъ пускались въ стороны ряды новыхъ надолбъ, называемыхъ отметными, а отъ этихъ въ надлежащихъ мѣстахъ расходились въ боковыя стороны другія отметныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ надолбахъ дѣлались тайные выходы, извѣстные однимъ служилымъ людямъ. Надолбы на своихъ поворотахъ упирались въ лѣсные завалы, то есть кучи срубленнаго и сваленнаго лѣса, шириною сажень въ двадцать или тридцать. Непрiатель, подступая къ городу, долженъ былъ сначала пройти черезъ эти завалы, потомъ путаться около лабиринта надолбъ, упичтожать ихъ, и тогда уже достигнуть городскихъ укрѣпленій, которыя, какъ выше сказано, были нерѣдко двойныя и тройныя и сопровождались двойнымъ и тройнымъ рядомъ рвовъ. Дороги, служившія сообщеніемъ для городовъ, пролагались вдоль надолбъ и проходили черезъ устроенныя въ нихъ ворота, которыя, въ случаѣ нужды, запирались, какъ выше сказано. Кромѣ надолбъ, существовали еще укрѣпленія, называемыя тарасами. Они состояли изъ бревенъ продольныхъ и положенныхъ на нихъ поперечныхъ и если были въ два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрѣпленія береговъ отъ полой воды, близъ города ставили такіе тарасы и насыпали внутрь рядовъ ихъ землю. Тарасы приста-

влялись также къ прясламъ городскихъ стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ. (Вор. Акты I. 137. А. А. Э. II. 447. Врем. XIV. см. I. 7. Доп. IV, 236).

Въ украинскихъ странахъ отъ городовъ до городовъ проводились земляныя насыпи, и по ихъ протяженію устраивались въ разныхъ мѣстахъ жилые и стоялыя острожки. Первые были тѣ, гдѣ постоянно жили служилые: они впоследствии обращались въ города; въ другіе же посылались служилые на временную службу: послѣдніе нерѣдко возникали и скоро потомъ исчезали. По сторонамъ устраивались лѣсныя засѣки, состоявшія изъ кучъ наваленнаго лѣсу, обведенныя рвомъ, но иногда дѣлались въ нихъ башни и онѣ принимали видъ построенныхъ наскоро городовъ. Эти засѣки возводились преимущественно въ лѣсныхъ мѣстахъ; туда отряжался засѣчный приказчикъ съ отрядомъ служилыхъ: они должны были, слышавъ о неприятѣ, тотчасъ подавать вѣсть въ городъ. Такимъ образомъ южная часть Московіи представляла ту особую физиогномію, что, при своей малонаселенности, устьяна была городами и острогами съ надолбами по окрестностямъ и была изрѣзана земляными валами въ разныхъ направленіяхъ, со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Всѣ эти укрѣпленія дѣлались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кромѣ остатковъ валовъ, нѣтъ и слѣда ихъ, да и въ то время, когда они строились, край былъ больше защищаемъ твердостью служилыхъ людей, чѣмъ этими бревнами. Наши городки не корыстны — говорили въ XVI вѣкѣ Донскіе казаки крымскому хану: — оплетены плетнями, увѣшены тернами, да доставать ихъ надобно твердо головами. (С. Г. Гр. IV 471. — Врем. IX. разр. кн. 124. 1. 17. — А. А. Э. III. 273. 411. — Доп. III. 167. Доп. VI. 182).

Во внутренности этихъ каменныхъ, земляныхъ и деревянныхъ оградъ, называемыхъ общимъ именемъ городовъ, стояли казенныя зданія. Тамъ была приказная изба, гдѣ сосредоточивалось управленіе города, посада и всего уѣзда, если городъ былъ уѣздный; предъ сѣнями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводскій дворъ, огороженный заборомъ или замкомъ, съ разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, какъ-то: горницами, избами, погребомъ, ледникомъ, мыльнею, поварнею. Затѣмъ слѣдовали дворы священниковъ и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною надъ церквами всего посада, прилегавшаго къ городу. Далѣе были казенный погребъ, для храненія зеленой казны (то есть пороху), пушечный амбаръ, гдѣ хранились свинецъ въ свиньяхъ, пули, ядра и оружія. Для этихъ хранилищъ дѣлались зданія земляныя или каменныя, а иногда вмѣсто особыхъ построекъ онѣ помѣ-

щались въ стѣнахъ и башняхъ или же во внутреннихъ пристройкахъ къ стѣнамъ. Въ городѣ находилась государева житница, откуда раздавались служилымъ хлѣбные запасы или хлѣбное царское жалованье. Въ городѣ была тюрьма, иногда помѣщаемая въ деревянной избѣ, врытой въ землю и огороженной тыномъ, иногда же въ струбѣ, засыпанномъ совершенно землею. Въ городѣ находились избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затынщиковъ; но въ каменныхъ городахъ эти помѣщенія устраивались и въ стѣнахъ. Наконецъ въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для простородія на случай военного времени, когда воеводы посылали черезъ бирючей скликать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до двухъ сотъ человѣкъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду.

Количество строеній въ городахъ было различно, смотря по величинѣ города. Въ большихъ городахъ помѣщались даже и гостиные дворы; города въ такомъ случаѣ дѣлались средоточіемъ торговли и оттого-то впоследствии названіе города стало вообще означать мѣсто торговой и промышленной дѣятельности. Прежде другихъ такой характеръ получили тѣ города, гдѣ сосредоточивалось управленіе нѣсколькими уѣздами.

III.

МОСКВА.

Переходя отъ городовъ къ посадамъ, слѣдуетъ остановиться на Москвѣ, которая въ большей части своего протяженія была и городомъ и посадомъ вмѣстѣ.

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно онъ существовалъ съ основанія самой Мо-

сквы и былъ, какъ вообще русскіе города, деревянный. Въ 1367 году впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 году правительницею Еленою. За Кремль и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями, и назывался Бѣлымъ городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этой стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который также былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы рѣки, какъ продолженіе Землянаго города, стоялъ городокъ, и наконецъ много монастыри, укрѣпленные по тогдашнимъ обычаямъ стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городковъ. Такъ при Михаилѣ Феодоровичѣ, во время нашествія королевича Владислава, монастыри Симоновъ и Новодѣвичій обращены были въ отдѣльные форты.

Москва своей огромностью пугала иностранцевъ; впрочемъ отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. Въ XVI вѣкѣ она была больше, чѣмъ въ XVII. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41.500 домовъ. Посѣтившій ее при Феодорѣ Ивановичѣ Флетчеръ полагаетъ, что въ прежнее время было въ ней тоже количество домовъ, но присовокупляетъ, что она очень потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гирсемъ въ 1571 году (Fletch. 13). Оlearій, посѣщавшій Москву при Михаилѣ Феодоровичѣ, также говоритъ, что она была огромнѣе до этого бѣдствія и что вѣнчанская ограда имѣла тогда двадцать пять верстъ въ окружности. По его извѣстію, разореніе крымцами было для ней гибельнѣе, чѣмъ разореніе во время поляковъ, хотя послѣднее въ то время свѣжѣе напечатлѣвалось въ народномъ воспоминаніи. Тогда она занимала три нѣмецкихъ мили кругомъ. (Olear. 140, 144). Мейербергъ, посѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ окружность ея съ одной стороны въ 12000 сажень, а съ другой въ 7,000—это составляетъ девятнадцать верстъ, но какъ тогда версты были тысяча-саженныя, то это значитъ, что Москва имѣла въ окружности нынѣшнихъ тридцать восемь верстъ (Mejerb. 200). Мейербергъ полагаетъ ее съ слободами, а Оlearіи, ка-

жется, не считаетъ слободъ, ибо онѣ въ его время были истреблены пожаромъ, уничтожившимъ до пяти тысячъ домовъ. Изъ этихъ извѣстій можно только приблизительно и не волиѣ ясно представить себѣ величину древней столицы; да и сами описатели ея не могли соблюсти точности, потому что сама Москва безпрестанно измѣняла свой видъ отъ частыхъ пожаровъ (Carlisle 71).

Кремль занималъ среднюю столицу и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Тамъ жилъ царь и Кремль былъ священнымъ мѣстомъ русскаго народа. Съ трехъ сторонъ Кремль окруженъ былъ водою; съ юга окаймляла его Москва-рѣка, съ запада и съ сѣвера Неглинная. Эта болотистая рѣка, теперь уже не существующая, въ верхней части Кремля образовала прудъ, изъ котораго была проведена вода въ канавы, прорытыя около кремлевскихъ стѣнъ. Въ XVI вѣкѣ канавы эти были такъ многоводны и глубоки, что на нихъ были построены мельницы. При Михаилѣ Федоровичѣ онѣ сдѣлались только рвами, однако значительной глубины (Oleag. 146). По направленію канавъ или рововъ Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ (Jenkins. Нас. 350. — Math. Mich. 4). Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія, въ 1658 г. переименованныя въ Спасскія и теперь удержавшія это названіе, Никольскія, Константиновскія (теперь несуществующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія, переименованныя Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 году въ Пречистенскія (П. С. З. I. 450), Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомойныя на юго-западномъ углу у водозводной башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжіе (Das gr. Reich von Mosc. 21). Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги (Mejerb. 61). Кремлевскія стѣны были уставлены пушками (Carlisle 71).

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменные зданія. При Юаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и

Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворець для жилья, оконченнѣй въ 1508 году. Ужасный пожаръ въ 1547 г. повредилъ этотъ дворець. Иоаннъ возобновилъ его и украсилъ золоченою кровлею (Гербер. 9), но въ 1571 г. онъ былъ разоренъ Девлстъ-Гиреемъ. При Ѳедорѣ онъ былъ однако уже отдѣланъ и находился въ нарядномъ видѣ. При Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ и въ первую половину царствованія Михаила строили только деревянные дворцы. Но послѣ пожара 1626 г., въ другой разъ при Михаилѣ истребившаго царское жилье, принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳедоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворець; но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу, и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянные здоровѣе каменныхъ. (Olear. 146, Carlisl. 71). При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворець. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца (Das. Gr. Reich von Mosc. 121). При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII в. цари продолжали предпочитать деревянные зданія для жилья, и для каждаго члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. Царскій дворъ огороженъ былъ рѣшеткою (Jenkins. Nacl. 350) съ воротами, на которыхъ висѣли образа. Эти ворота были: Куретныя, Колымажныя, украшенныя высокою башнею и часами, Воскресенскія и Золотыя или гербовыя съ башнею, на вершинѣ которой находился золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ были изображены гербы областей Московскаго государства. Куретныя ворота въ 1658 г. переименованы въ Троицкія (П. С. З. I. 350) и находились на сѣверѣ, безъ башни на верху, подъ палатами царскихъ мастерицъ; за ними внѣ двора было множество зданій, занимаемыхъ разными отраслями царскаго хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлѣбный, приспѣшныя палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная, аптека, денежный дворъ, конюшенный дворъ и проч. На взгорьѣ къ Москвѣ рѣкѣ былъ запасный дворець — каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и Церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкаскаго, Бориса Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и загнѣиливость

украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ, но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца (Olear. 146; Jenkins. Nacl 350.—Mejerb. 160. Домаш. Б. русск. цар. Забѣл. О. З. 1851). Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменные, во въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ (Olear. 146), а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ только тридцать (Das. gr. R. von Mosc. 121). Вѣрно только то, что ихъ было больше чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ: Срѣтенскій соборъ, Троицкій монастырь, церковь Сергія Чудотворца (Mejerb. 160). Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями; близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ (Olear. 147). Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать четыре человекъ, чтобъ раскатать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-Городъ. Китай Городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта (побѣленной при царевнѣ Софьѣ), которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимскою, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностію и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. Не далеко отъ нея былъ амфитеатръ изъ тесанаго камня, поднимавшійся вверхъ уступами, мѣсто значительное въ старой обрядности нашей въ праздникъ вербнаго воскресенія. Близъ амфитеатра стояла церковь св. Меркурія Смоленскаго; съ другой стороны амфитеатра находилась Земскій приказъ — покрытое землею зданіе съ двумя огромными орудіями на верху и съ другими двумя внизу на землѣ (Mejerb. 161.— Das gr. Reich. v. Mosc. 119). На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы и покупатели и празднолюбцы, а вблизи амфитеатра сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія (Olear. 147). На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай Городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, дома

знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегій англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостинныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по рассказамъ иностранцевъ слѣвавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ.

За предѣлами Китай-Города слѣдовалъ Бѣлый Городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-Города. До Федора Іоанновича стѣна, построенная на этомъ мѣстѣ, была деревянная; при этомъ государѣ вѣсто нея сооружена каменная. Она была высока и толста, шла въ видѣ полумѣсяца отъ одного пункта близъ Москвы рѣки до другого близъ той же рѣки, въ обоихъ пунктахъ загибалась и примыкала съ запада къ Кремлю, а съ востока въ Китай Городу, такъ что у подножія царскаго двора всѣ три города соединялись въ одну кремлевскую стѣну, которая шла вдоль Москвы рѣки. По стѣнамъ Бѣлаго Города шли башни; изъ нихъ двѣнадцать были проѣзжихъ съ воротами: на югозападѣ Троицкая, въ поворотѣ, посредствомъ котораго Бѣлый Городъ соединялся съ Кремлемъ; отсюда по круговой линіи на западъ, съ запада на сѣверъ, а съ сѣвера на востокъ слѣдовали одни за другими ворота въ проѣзжихъ башняхъ: Чертольскія, переименованныя въ 1658 году въ Пречистенскія (П. С. З, 1. 456), Арбатскія, въ томъ же году нареченныя Смоленскими, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Дмитровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, переименованныя въ 1658 г. въ Фроловскія, Покровскія, Яузскія и Васильевскія. Между Срѣтенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, черезъ которую проходила рѣка Неглинная, протекавшая черезъ Бѣлый Городъ по направленію отъ сѣверовостока къ сѣверозападу. Эта башня называлась Неглинною трубой. Между проѣзжими башнями стояли глухія: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по двѣ; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное названіе Наугольной (С. Г. Гр. III. 173). Въ началѣ XVIII вѣка только между двумя воротами было по одной башнѣ, между другими вездѣ по двѣ, а между нѣкоторыми и по три (De Bruyns. 41). Стѣны Бѣлаго Города шли по линіи нынѣшнихъ бульваровъ и какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый Городъ или Царь Городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частію Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе

изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: — послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола; въ другомъ мѣстѣ былъ царскій конюшенный дворъ съ конюшнями (Oleag. 149). Еще въ концѣ XVII вѣка на правой сторонѣ Неглинной возвышался построенный Иоанномъ Грознымъ въ 1565 году въ итальянскомъ вкусѣ дворецъ (Das gr. Reich v. Mosc. 117).

За предѣлами Бѣлаго Города былъ расположенъ Земляной Городъ. Стѣну его построили въ 1591 году по поводу опасенія отъ набѣга крымцевъ, которыхъ посѣщеніе двадцать лѣтъ передъ тѣмъ слишкомъ много надѣлало горя московскимъ жителямъ. Эта стѣна была построена очень скоро и вѣроятно отъ этой скорости весь Земляной городъ назывался Скородумомъ, то есть скорозадуманнымъ городомъ. Англичанинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчалъ, что въ этой стѣнѣ было такъ много дерева, что изъ него можно было построить рядъ тонкостѣнныхъ англійскихъ домиковъ на тринадцать миль длины (Коллинсъ 20). Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ земляномъ городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсные издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ (Oleag. 149). Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ (А. отн. къ юр. быту 16). Жители здѣсь были большею частію посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Дома были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностію пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Великій князь Василій Ивановичъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ: имъ дозволяли пить вино, потому-то ихъ и вывели отдѣльно отъ русскихъ, которымъ вино разрѣшалось только по праздникамъ (Herberst. 113). Отъ этого Зарѣчье прозвано *Наливки* отъ слова, наливай. Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Землянаго города, потому что подходила къ Москвѣ рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. Двое воротъ — Серпуховскія и Калужскія — въ

проѣзжихъ башняхъ служили выходомъ и входомъ для-этого города (С. Г. Гр. III. 173).

За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много; однѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ; мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотень), ордынцевъ, сѣдельниковъ, гончаровъ, котельниковъ, серебрятниковъ, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ, воротниковъ, гранатниковъ, кречетниковъ, трубниковъ, барашей, пушкарей, сокольниковъ, хлѣбниковъ; Бронная, Конюшенная, Казенная; другія носили названія по собственнымъ именамъ: Семеновская, Воронцовская, Алексѣевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было сверхъ того нѣсколько ямскихъ слободъ: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Напрудная (А. И. III. 104; Доп. 17. 183. 191. Врем. IX). За Яузой, гдѣ помѣщались многія изъ исчисленныхъ здѣсь слободъ, была между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Послѣ смутнаго времени нѣмцы расселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ Городѣ; но по настоянію духовенства при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви.

Сверхъ всѣхъ слободъ, по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать (С. Г. Гр. IV. 215). Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусъ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпреставно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали ихъ, какъ свою собственность, подъ загородные дворы. Но въ 1649 году правительство со всѣхъ такихъ дворовъ постановило собирать въ казну оброкъ и запретило впередъ селиться на выгонной землѣ. Такимъ образомъ было остановлено естественное расширеніе столицы (П. С. З. I. 123—235).

IV.

ПОСАДЫ.

Посады, какъ выше сказано, обыкновенно располагались при городахъ и часто укрѣплялись острогами (А. И. III. 56) или осыпями (Влад. Сб. 141); но въ мѣстахъ, гдѣ отдаленность отъ границы не

представляла опасности, посады были безъ городовъ. Жители посадовъ—торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; ихъ тяглые дворы служили единицами въ полицейскихъ и фипансовыхъ отношеніяхъ посадовъ къ государству. Кромѣ тягловыхъ дворовъ были на посадахъ дворы *не тяглые* или бѣлые, не подлежашіе тѣмъ повинностямъ, какія налагались на тяглыхъ. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырскія подворья, гдѣ жили старцы, завѣдывавшіе дѣлами своихъ монастырей, участвовавшихъ какъ извѣстно въ торговлѣ, дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые рѣдко жили въ нихъ сами, а чаще содержали тамъ своихъ дворниковъ. Были еще на посадахъ оброчные дворы, то есть такіе, которые сдавались отъ казны въ оброкъ на подобныхъ основаніяхъ, какъ и поземельные участки. Этотъ обычай велся издавна и существовалъ еще при великихъ князьяхъ. Наконецъ въ посадахъ между дворами составляли особый разрядъ дворы бобылей, людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія и платившихъ соотвѣтственно своему состоянію меньшіе налоги. (С. Г. Гр. I. 86. Врем. II. стр. 114. VI. Писц. кн. 65. Доп. I. 391. А. г. Шуц. 182. — А. А. Э. III. 212. А. И. II. 63).

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская,—иногда же по занятіямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по какимъ нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напримѣръ, Бугрѣева, Парфеновка. По краямъ улицъ, или гдѣ онѣ пересѣкались между собою, ставили образа въ кіотахъ. Вообще онѣ были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглые деревяшки, сложенные плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирався съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала впрочемъ женщинамъ ходить не иначе какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было чловѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялось стерво и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Если въ са-

мой столицѣ такъ мало наблюдали чистоту, то еще менѣе заботились о ней въ посадахъ, но за то при малолодствѣ ихъ въ сравненіи съ Москвою не столько причиняла зла такая небрежность. (А. Ю. 156. 250. 331. — А. отн. къ юр. б. 463. — А. И. III. 117. IV. 27.—Olear. 146. — Struis. 188. — Carlisle 71. 353).

Вездѣ въ посадахъ были площади, иногда очень пространныя и всегда почти неправильныя. Въ Бѣлозерскѣ въ XVI вѣкѣ при трехъ стахъ дворахъ была площадь въ двѣсти—сорокъ сажень длиною, а шириною въ одномъ концѣ въ шестьдесятъ—восемь сажень, а въ другомъ тридцать—пять, въ серединѣ семьдесятъ. Въ Муромѣ площадь была въ длину 94 сажня, а въ ширину въ одномъ мѣстѣ 26, а въ другомъ 12 сажень. Обыкновенно всѣ улицы посада съ разныхъ сторонъ неправильными линіями сходились къ площадямъ, которыя были центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній жителей посада. Тутъ стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ разными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, гдѣ собиравсь гуляки, и земская изба — мѣсто выборнаго управленія. Въ большихъ посадахъ также торговые рынки находились въ той части, которая окружена была стѣною и часто называлась городомъ; напримѣръ, въ Астрахани въ той части посада, которая была окружена каменною стѣною и называлась Бѣлымъ городомъ, была площадь, гдѣ находился большой гостиный дворъ и торговыя заведенія, а въ другомъ мѣстѣ была площадь, гдѣ продавалось дерево. Около посадовъ оставялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною, если тамъ были луга, то луговою, или же боровою, когда посадъ окружали лѣса (А. Ю. 248. 253.—А. отн. къ юр. б. 568.—Влад. Сборн. 141.—Доп. I. 92. VI. 283).

Главнымъ украшеніемъ посадовъ были церкви. Не говоря уже о Москвѣ, гдѣ число всѣхъ церквей, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрявшихъ наблюденія одинъ другого (Барб. 9. Olear. 149. Carlisl. 71) простиралось до двухъ тысячъ, вообще въ посадахъ, даже немногочисленныхъ, находилось множество церквей, несоразмѣрное съ населеніемъ. Въ Бѣлозерскѣ, гдѣ всѣхъ душъ въ 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и изъ нихъ одна каменная соборная (А. Ю. 256). Въ Муромѣ въ 1687 году было, кромѣ трехъ церквей въ городѣ, четыре монастыря и двадцать церквей въ посадѣ, а между тѣмъ Муромъ не отличался многолюдствомъ (Влад. Сборн. 160). Въ старыя времена каждый зажиточный челоѣкъ строилъ церковь, содержалъ для ней попа и молился въ ней съ своею семьею. За то многія церкви были такъ малы, что простирались не болѣе, какъ на пятнадцать футовъ (Olear. 179); онѣ были деревян-

ныя, не бѣленыя, крытыя тесомъ или гонтомъ, но часто главы покрывались бѣлымъ желѣзомъ и блистали противъ солнца. Въ Вологдѣ всѣ главы церквей, которыхъ было всего 67 (21 каменныхъ, 43 деревянныхъ и три монастыря), были покрыты такимъ образомъ (de Bruyns).

Вообще посады наши были не многлюдны. Разныя бѣдствія, столь обильно изливаемая судьбою на Русь, оказывали постоянно вредныя послѣдствія на размноженіе населенія посадовъ. На югѣ Россіи никакъ не могли процвѣтать посады, потому что безпрестанныя набѣги крымцевъ не давали народу возможности вести осѣдлой жизни, тѣмъ менѣе заботиться о житейскихъ удобствахъ. Очень часто посѣщали Русь моровыя повѣтрія; какъ страшно онѣ опустошали посады, можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ напри- мѣръ, въ Шуѣ, гдѣ въ 1654 и 1655 послѣ мороваго повѣтрія изъ двухсотъ двадцати-четырёхъ дворовъ вымерли совершенно обита- тели девяносто-одного двора и послѣ трехъ лѣтъ въ 1668 г. многіе дворы еще оставались по той же причинѣ пустыми (Оп. г. Шуй 334). Дурное управленіе и тягости, возложенныя на посадскихъ отъ правительства, побуждали жителей оставлять свои жительствова и шататься съ мѣста на мѣсто; другіе, гонимые бѣдностію, заклады- вались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ; иные постригались въ монахи (А. г. Шуй 80).

Выше показана скудость населенія въ Бѣлозерскѣ и Шуѣ; въ другихъ мѣстахъ и въ различное время представляется тоже. Такъ напри- мѣръ, въ 1574 году въ Муромѣ было 738 дворовыхъ мѣстъ, назначенныхъ для поселенія, но изъ нихъ только сто-одиннадцать было жилыхъ; сто-семь дворовъ съ своими строениями стояли пу- стыми, а прочія мѣста не были и застроены, или, можетъ быть, бывшія на нихъ строенія уже исчезли (А. Ю. 257). Въ 1637 году въ Устюжѣ было всего 78 дворовъ, а людей въ нихъ 254 человѣка (А. А. Э. III. 419). Около того же времени или нѣсколько позже въ Чердынѣ было 304 двора, а въ Соли Камской 355 (А. И. III. 361); а эти города, по своему мѣстоположенію, удаленному отъ внезапныхъ набѣговъ хищническихъ народовъ и по приволью, представляли возможность правильнѣйшаго населенія. Въ Холмогорахъ, которыя стояли недалеко отъ моря и притомъ на главномъ торговомъ пути, въ 1675 году было всего 645 дворовъ, а людей въ нихъ 1,391 чело- вѣкъ (Доп. VI. 396). Сама власть не способствовала развитію посад- ской жизни. Пренніе цвѣтущіе города — Новгородъ, Псковъ, Тверь, потерявъ свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правит- ельство, стремившееся къ единовластію, не допускало въ посадахъ развитія самоуправленію, которое всегда идетъ рука-объ-руку съ

благосостояніемъ (Das. Gr. Reich v. Mosc. 173). При непрерывныхъ, неотвратимыхъ бѣдствіяхъ, побуждавшихъ народъ къ шатавію, было невозможно, чтобъ въ посадахъ заботились о красотѣ и прочности постройки зданій; притомъ же пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе (Маржер. 3.). Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоитъ припомнить пожаръ 1493 года, истребившій всю Москву и Кремль (И. Г. Р. VI. 73), славный пожаръ 1547 года (Карамз. VIII. Прим. 173), когда, кромѣ строеній, сгорѣло болѣе двухъ тысячъ народа, пожаръ 1591 года, доставившій Борису случай показать предъ народомъ свою щедрость; пожары при Михаилѣ Федоровичѣ были такъ часты, что не обходилось безъ нихъ ни одного мѣсяца; иногда на нихъ было такое плодородіе, что они слѣдовали одинъ за другимъ каждую недѣлю и даже случалось, что въ одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ были такъ опустошительны, что истребляли въ одинъ разъ третью часть столицы (Olear. 149), При Алексѣе Михайловичѣ Москва нѣсколько разъ испытывала подобныя пожары, напр., во время возмущенія народнаго по поводу пошлвы на соль въ 1648 г., потомъ въ 1664 и 1667 годахъ (Olear. 144. Carlisle 206. Struiss 128).

Въ другихъ городахъ пожары были также опустошительны; напримѣръ, въ Псковѣ въ 1623 г. былъ пожаръ, истребившій городъ до тла, такъ что жители, обѣдѣвши, долго не могли послѣ того поправиться (А. А. Э. III. 19). Несмотря однако на такія частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами; запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ и притомъ не всѣ ей подлежали: нѣкоторымъ зажиточнымъ хозяевамъ, такъ называемымъ служилымъ людямъ, по хорошимъ ихъ отношеніямъ съ воеводами, позволялось то, что вообще запрещалось другимъ; воевода могъ разрѣшить топить лѣтомъ избу, если находилъ, что день довольно пасмуренъ или влаженъ, и мыльню изъ снисхожденія къ больнымъ и родильницамъ (И. С. З. I. 675, 677. Г. Гр. III, 163). Когда вспыхивалъ пожаръ, всѣ дѣйствія противъ него ограничивались тѣмъ, что старались ломать строенія, стоявшія близъ горящихъ зданій. Только въ Москвѣ были нѣкотораго рода обычныя мѣры гашенія огня при пожарахъ. При Михаилѣ Федоровичѣ существовали какіе-то хол-

стинные парусы аршинъ въ пять длиною и щиты изъ лубьевъ съ рукоятъми (А. И. III. 102). При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

V.

СЛОБОДЫ.

На Руси встрѣчались слободы трехъ родовъ: служилыхъ людей, промышленниковъ и наконецъ вообще поселянъ, пользующихся льготами. Къ слободамъ служилыхъ людей относились стрѣлецкая, пушкарская, пищальная, затинщиковъ, воротниковъ, козачьи, ямскія. Въ нихъ были поселены служилые люди одного какого нибудь наименованія, которые составляли корпорацію и исполняли опредѣленную служебную обязанность въ отношеніи правительства. Слободы этого рода пользовались особымъ управленіемъ и особыми правами. По большей части онѣ находились близъ городовъ и составляли предмѣстія посадовъ, если подъ городомъ находился посадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, особенно на югѣ московскаго государства, мѣсто самаго посада занимали слободы. Близъ одного острога были слободы: стрѣлецкая, козачья и пушкарская, а посадскихъ былъ одинъ только дворъ; такимъ образомъ весь посадъ хотя и числился существующимъ, но заключался въ одномъ только дворѣ (Временн. Припр. кн. уѣзда Ряз. Маршевс. стана 7124 года). Величина служилыхъ слободъ соразмѣрялась съ потребностію военной силы по важности народа, близъ котораго онѣ были расположены; иногда онѣ были очень не велики, напр., человекъ въ пятьдесятъ жителей и даже менѣе (*ibid.*).

При исчисленіи слободъ, находившихся близъ Москвы, показаны роды промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ слободъ. Подобныя названія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Руси. Нѣкоторыя промышленныя слободы были въ тоже время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ царскому двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и кречетниковъ и проч., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно такъ же, какъ близъ Москвы жители слободы

Кадашовки занимались тканьемъ полотень и отбывали повинности доставкой своихъ произведеній на потребности двора.

Въ Сибири, кромѣ служилыхъ слободъ, такое же названіе носили поселенія, гдѣ жители занимались земледѣліемъ и пользовались льготами, которыя давались новопривывшимъ туда поселенцамъ въ уваженіе къ ихъ недавней осѣлости. Въ XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народъ въ Сибирь, заманивая обѣщаніями разныхъ льготъ; сверхъ того, для перехода давались охотникамъ подможныя деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать извѣстное количество земли и, собирая съ ней хлѣбъ, доставлять его въ города для прокормленія служилыхъ; такія слободы назывались пашенными (А. И. V. 20).

VI.

СЕЛА И ДЕРЕВНИ.

Земледѣльческія жилыя мѣстности вообще по административному положенію были черныя, тяглыя, дворцовыя, помѣстья и вотчины. Первые были государственныя имѣнія, вторыя — собственность государя и его фамиліи; помѣстья были казенныя имѣнія, которыя раздавались служащимъ людямъ, какъ бы вмѣсто жалованья за ихъ службу: владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни завѣщать ихъ, и хотя онѣ очень часто переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, но не по праву наслѣдства, а по новой отдачѣ отъ правительства, такъ что каждый разъ, получая во владѣніе отцовское помѣстье, сынъ долженъ былъ справлять его за собою, т. е. пріобрѣтать отъ правительства на него право съ обязанностію нести за то службу. Вотчины были собственностію владѣльцевъ. Вотчины были: владычнія, то есть принадлежавшія архіереямъ или соборамъ, или, какъ тогда говорилось, домамъ святыхъ, напр. дому Пресвятыя Богородицы, дому Софійскому, — монастырскія и наконецъ частныхъ лицъ, т. е. бояръ, окольничихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Сельскіе жители всѣхъ наименованныхъ здѣсь поселеній вообще назывались крестьяне и для означенія, къ какого рода владѣніямъ они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырскіе крестьяне, владычніе крестьяне, дворцовые крестьяне, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне. Въ XVII вѣкѣ крестьяне въ вотчинахъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, вообще назывались боярскими и господскія имѣнія носили общее имя боярщины (А. отн. къ юр. б. 356). Съ прекращеніемъ личнаго права крестьянъ на

переходъ съ владѣльческихъ земель, на которыхъ они были поселены, по мѣрѣ большаго прикрѣпленія къ землѣ, крестьяне мало по малу входили въ одинъ разрядъ съ холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, въ XVII вѣкѣ село чаще было раздроблено между разными владѣльцами, чѣмъ составляло собственность одного: только владѣнія бояръ и князей представляли исключенія. По большей части въ одномъ селѣ было нѣсколько владѣльческихъ усадебъ (Временн. припр. кн. 7124 г.). Около нихъ поселены были обыкновенно рядами дворы ихъ подданныхъ и раздѣлялись на дворы людскіе, крестьянскіе и бобыльскіе. Въ людскихъ жили люди или холопы, обращенные господами на полевые работы; иногда въ одномъ дворѣ и даже въ одной избѣ помѣщалось нѣсколько семей этихъ рабовъ, не имѣвшихъ ничего собственнаго и жившихъ на скаредномъ содержаніи отъ владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ обыкновенно жилъ хозяинъ не только съ семьєю, состоящею изъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, и раздѣлявшеюся на двѣ, на три и четыре семьи съ общимъ достояніемъ (не въ раздѣлѣ), но часто съ нѣсколькими посторонними семьями работниковъ или подсосѣдниковъ, которые не имѣли своего угла, жили по пайму и въ отношеніи юридическомъ и административномъ вмѣстѣ съ хозяйскою семьєю составляли одну единицу (Доп. I. 279. V 96). Отличіе крестьянъ отъ бобылей возникло въ давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянамъ съ извѣстными условіями переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, крестьянинъ, поселявшійся на землѣ вотчинника или помѣщика, бралъ отъ него участокъ, носившій юридическое названіе жеребья, и долженъ былъ отбывать повинности, лежавшія на этомъ жеребьѣ. Тѣ, которые не могли брать цѣлыхъ жеребьевъ, селились на владѣльческихъ земляхъ, платя только за свой дворъ и обрабатывая землю по добровольнымъ особымъ условіямъ съ владѣльцемъ, а потому не подчинялись уже обязанностямъ, лежавшимъ на жеребьяхъ. Такіе назывались бобылями (Доп. I. 273). Послѣ укрѣпленія крестьянъ, бобыльскому сословію предстояло современемъ смѣшаться съ крестьянскимъ, но и въ XVII в. еще оно не успѣло совершенно потерять свое отличіе. Бобыльскіе дворы всегда писались отдѣльно отъ крестьянскихъ (Врем. IV писц. кн.), ибо всякій крестьянинъ, какъ и прежде, отправлялъ свои повинности съ тяглаго жеребья, хотя назначеніе такого жеребья и зависѣло отъ владѣльца, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Бобылями, то есть неимѣющими жеребья, стали называться тогда тѣ, которые, по бѣдности, не могли удержать за собою жеребьевъ. Но встарину, въ XVI вѣкѣ, не всякій бобыль былъ бѣднякомъ. Когда поселяне имѣли право переходить съ земель владѣльческихъ на другія, многіе могли

не обязываться жеребьемъ не потому только, что по скудости не въ силахъ были вынести лежавшихъ на жеребьяхъ повинностей, но также и для того, что не нуждались въ такомъ количествѣ земли, какое приходилось на жеребій, и сверхъ земледѣлія извлекали изъ другихъ занятій средства къ содержанію. Послѣ воспрещенія перехода и укрѣпленія крестьянъ, когда распредѣленіе жеребьевъ зависѣло уже отъ владѣльца, естественно тѣ, которыхъ владѣлецъ не считалъ удобнымъ посадить на тяглый жеребій, были только бѣдные люди; безъ того владѣлецъ конечно далъ бы имъ жеребій и обложилъ повинностью. Такимъ образомъ, слово бобыль перешло въ значеніе бѣдняка, пролетарія и осталось съ нимъ до нашего времени.

До прекращенія перехода земледѣльцевъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ было всегда значительное число пустыхъ дворовъ съ строениями, готовыми принять къ себѣ новыхъ жильцовъ (А. И. I, 159). Одни строились самими владѣльцами и сдавались подходящимъ крестьянамъ, другіе крестьянами, смотря по договорамъ. Но и въ XVII вѣкѣ, несмотря на укрѣпленіе крестьянъ, повсюду въ имѣніяхъ было не менѣе прежняго пустыхъ дворовъ, потому что многіе изъ земледѣльцевъ бѣгали, оставляя свои жилища, другіе, вѣроятно, сами были увольняемы владѣльцами. Сельская жизнь попрежнему носила на себѣ явный недостатокъ осѣлости.

Вообще сельское народонаселеніе, какъ и посадское, было скудно и бѣдно. Частыя войны и моровыя повѣтрія истребляли его. Въ украинскихъ земляхъ татары сожигали до-глаго поселенія, умерщвляли и забирали въ плѣнъ людей, не успѣвшихъ схорониться въ городахъ. При Михаилѣ Федоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не упало духомъ и дѣятельно старалось о заселеніи ея вновь; но долго еще несчастныя условія препятствовали всякимъ успѣхамъ. Земледѣлецъ не могъ спокойно располагать своимъ временемъ и часто среди лѣтнихъ работъ принужденъ былъ покидать на полѣ не собранный хлѣбъ и по зову бирючей спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось отъ правительства строить житницы, а велѣно было держать зерновой хлѣбъ въ ямахъ. Самыя избы обыкновенно сожигались, какъ только непріятель приближался, и крестьянинъ убѣгалъ въ городъ съ тѣмъ, что успѣвалъ захватить съ собою. Не рѣдко плоды долготѣльныхъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ плодоноснѣйшія полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными. (А. А. Э. II 99. 111. 409. С. Г. Гр. 111. 362. — Вор. Акты 1. 54). Подобныхъ бѣдствій не чужды были и другія русскія области. Такъ, въ раздѣлѣ между Строгоновыми,

постановленными были условия, чтобъ строенія, построенныя за укрѣпленіями въ ихъ сибирскихъ владѣніяхъ, были сожигаемы во время опасности. (Доп. V. 94).

Недостатокъ прочной осѣдлости не допускалъ жителей прилагать стараній о сборѣ запасовъ продовольствія на случай скудныхъ лѣтъ. Отъ этого въ случаяхъ неурожаявъ, которые, благодаря климату и почвѣ, были не рѣдки, пустѣли цѣлые края отъ голода, какъ отъ заразы (А. А. Э. II. 49). Слѣдуетъ прибавить, что несправедливое управленіе, отягощавшее жителей, принуждало ихъ къ побѣгамъ и пріучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь осѣдлой. Всѣ эти причины препятствовали увеличиваться народонаселенію и мѣшали его благосостоянію. Многія извѣстія старыхъ временъ указываютъ на повсемѣстные пустые дворы, которыхъ обитатели или вымерли, или побиты, или разбѣжались. Цѣлыя села исчезали, оставляя по себѣ названіе пустыихъ селищъ (Доп. I. 279. Ворон. Акты 54. Опятин. Новг. Невол.) Въ XVII вѣкѣ, не подалеку отъ Москвы, слѣдовательно въ самомъ населенномъ краѣ, въ двухъ селахъ и одной деревнѣ насчитано только двѣсти десять дворовъ и въ нихъ 1,722 души (Врем. IV см. 3). Въ 1675 году въ двинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ его станахъ и волостяхъ, было всего 2,531 дворъ и въ нихъ 5,602 человекъ (Доп. VI. 369). Во всемъ Чердымскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка было всего до трехъ тысячъ дворовъ (А. А. Э. IV. 6). Какъ сельское населеніе колебалось въ каждомъ мѣстѣ, то увеличиваясь, то умаляясь, можно видѣть изъ описанія одного стана въ вятскомъ уѣздѣ: въ 1628 году тамъ было 44 деревни и 23 починка; въ нихъ дворовъ было живущихъ сто, а людей 106; въ 1645 году тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей 1,055 человекъ, да сверхъ того пять деревень и семь дворовъ пустыихъ; въ 1657 году въ томъ же станѣ 53 деревни, 44 починка, живущихъ дворовъ 133, а людей 714 человекъ (Доп. IV 76), Болѣе чѣмъ въ другіе края населеніе въ XVII вѣкѣ подвигалось, кажется, на востокъ, именно въ края, занимавшіе нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Нижегородской, гдѣ въ XVI вѣкѣ почти не было русскихъ жителей, а въ половинѣ XVII является много городовъ, слободъ и селъ, какъ видно изъ дѣлъ о возмущеніи Стеньки Разина. Этому причиною кажется было то, что воинственность тамошнихъ туземцевъ — мордвы и чувашей — была уступчива къ силѣ русскихъ поселенцевъ. Вообще событія XVII вѣка одно за другимъ представляли очень неблагопріятныя условия для осѣдлости и умноженія народонаселенія. Въ первыхъ годахъ XVII вѣка эпоха самозванцевъ со всѣми ея послѣдствіями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всѣхъ ея концахъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ

не успѣла Русь еще оправиться отъ прошедшихъ бѣдствій, какъ ее терзали непрерывныя набѣги татаръ на южныя области. Отдохнувъ немного въ первые годы царствованія Алексѣя, русское населеніе вслѣдъ за тѣмъ подверглось цѣлому ряду бѣдствій: извурительныя войны съ поляками, набѣги крымской орды, моровыя повѣтрія, внутренніе мятежи истощали его. Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пяти сотъ верстѣ едва можно было встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину (Кош. 13). Не должно обольщаться обиліемъ селъ и деревень, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ актахъ: были села съ церквами, въ которыхъ всего на всего было десять дворовъ (Врем. XIII. 58), а деревни были столь малолюдны, что въ нихъ значилось двора по три, по два и даже по одному (Врем. IX). Избѣгая непрерывныхъ бѣдствій, народъ переселялся въ Сибирь; нѣсколько времени она была обѣтованною странною Россіи; но правительство, покровительствуя заселенію этого края, неоднократно и останавливало стремленіе народа на дѣвственную, плодородную, хотя и студеную ея почву. Уже въ 1658 году сибирскій владыка просилъ е прибавкѣ земли въ его домовыхъ волостяхъ, и представлялъ, что народонаселеніе увеличилось, а земля выпахалась (Доп. IV. 148). Впрочемъ и въ Сибири *солнце свѣтитъ*, гласитъ русская пословица: и тамъ были воеводы, поборы, разметы, набѣги иноземцевъ, моровыя повѣтрія и неурожай.

ХII.

ДВОРЫ И ДОМА.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что, для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ (П. С.З. 1.165). Встарину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы и даже два князя владѣли однимъ дворомъ (С. Г. Гр. 1.80). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судебныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ (С. Г. Гр. I.397). Въ XVII вѣкѣ царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины (Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 г. Мартъ). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе девяти

десятины (Влад. Сборн. 173). Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ; напр. въ Хлыновѣ дворъ владыки имѣлъ 65 сажень въ длину, а поперегъ въ переднемъ концѣ сорокъ четыре, и въ заднемъ пятьдесятъ четыре сажени, да сверхъ того отведенъ былъ дворъ для его церковныхъ дѣтей боярскихъ въ 64 сажени въ длину и въ 12 въ ширину (Доп. VI. 76). Торговый дворъ печенскаго монастыря въ Вологдѣ имѣлъ въ длину 60 саж. а поперегъ восемь (Доп. VI. 346). Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажень въ длину (Влад. Сборн. 176). Какъ велики бывали въ Москвѣ дворы бояръ и знатныхъ особъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ XVII вѣка: боярскій дворъ въ длину тридцать семь сажень безъ трети и поперегъ въ одномъ концѣ — переднемъ — девять, а въ заднемъ тридцать три сажени (Рус. Вѣстн. 1841. I. 229); другой дворъ (стольника) въ длину тридцать одна сажень съ половиною, поперегъ въ одномъ концѣ девятнадцать сажень съ половиною, а въ другомъ двѣнадцать безъ чети (Доп. V. I. 351). При сдачѣ земли подъ постройки загородныхъ домовъ считалось достаточнымъ на дворъ двадцать сажень въ длину, а десять въ ширину (П. С. З. I. 232). Встрѣчались примѣры усадебъ гораздо меньшаго пространства, какъ-то: четырнадцать сажень въ длину а поперегъ въ одномъ концѣ тринадцать а въ другомъ десять (А. г. Шуи. 58). Въ посадахъ обыкновенная средняя величина усадебъ была отъ 10 до 20 сажень въ длину; встрѣчались даже и менѣе, напр. въ 7 саж. въ длину и въ три сажени поперегъ (А. отн. къ юр. б. 681. Доп. VI. 310). Вообще форма дворовъ была неправильная и поперечникъ не только не равнялся длинѣ, но въ переднемъ концѣ былъ иной мѣры, чѣмъ въ заднемъ. Всего чаще онъ подходилъ къ равной мѣрѣ съ длиною собственно въ городахъ, гдѣ ограниченность пространства не позволяла слишкомъ широко располагаться.

Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройки усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огороживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ (А. г. Шуи. 58. — А. Ю. 130. Домостр. 78). Обыкновенно эта городьба была деревянная, но въ XVII вѣкѣ явныя дѣлали каменные или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Такъ въ Москвѣ были усадебныя съ деревянными постройками и каменными оградами (С. Г. Гр. V. 391). Точно также въ царскомъ имѣннѣ, въ Измайловскомъ селѣ, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная съ свообразными жильями внутри для прислуги и для хо-

звѣстныхъ принадлежностей (Русск. Стар. Март. 131). Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходиться слуги къ его слугамъ (Домостр. 78). Въ ограду вело двое и трое (иногда болѣе: пять и семь) воротъ (А. Ю. 130. 132. Русск. Стар. Март. 131). и между ними однѣ были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе. Онѣ украшались съ особенною заботливостію, и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣзднаго строенія съ надстроенными на верху башенками; самыя створки украшались разными изображеніями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и тому подобное. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю главные входы въ дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ онѣ были только приперты, а ночью заперты на замокъ и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею. (А. Ю. 130. Домостр. 78. — Рус. Стар. Мартын. 131. Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 Мартъ).

Въ самой Москвѣ въ XVI вѣкѣ большая часть зданій были деревянныя (Jenkins 150) и во всей столицѣ едва можно было насчитать одну восьмую часть каменныхъ (Раф. Барб. 9); и тѣ занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильемъ: никто не почиталъ каменныхъ зданій удобнѣе деревянныхъ для жилья. При Михаилѣ Оедоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменные постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. При царскомъ дворѣ существовали такъ называемыя палатныхъ и городовыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики каменныхъ дѣлъ, не только иностранцы, но и русскіе, украшавшіе Москву зданіями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все таки сохраняли старинное убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе, — и самыя иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ этимъ соглашались (Carlisle 323). Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ въ Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменные строенія и для этого выдавали изъ приказа Большаго Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубли за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ соорудить каменные постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменные ограды (С. Г. Гр. IV.

391). Это была первая обязательная мѣра о каменныхъ постройкахъ въ Россіи.

Форма домовъ была четырехугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ (Насл. 183), иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусевъ (Русск. стар. 140). Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ; такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха и притомъ не употребляя въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя (Petr. 314), но скрѣпляли брусья, положенные одинъ сверхъ другого, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки (Fletch, 94). Цѣлые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ (Petr. 314, Mejerb. 165). Это называлось строить избу во мху; а если продавалась изба необитая мхомъ, такая изба называлась не избою, а струбомъ (Доп. IV. 97),

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегла къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее и сугробы въ зимнее время (Домостр. 166). Въмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ (Оп. г. Шуп 309). Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее, или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ, и значитъ кладовую, обыкновенно холодную. Въ старину хотя повалуши и служили для храненія вещей (Акты отн. къ юр. б. 366), но были также и жилыми покоями: неизвѣстно, въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что и повалуши иногда надстраивались надъ нижними строеніями, какъ горницы. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ. '

Очень часто по нѣсколько строеній всѣхъ этихъ видовъ находилось въ одномъ и томъ же дворѣ. Напримѣръ три горницы и одна повалуша (А. Юр. 132) или двѣ горницы и три повалуши (А. Ю. 126). При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, а часто двое

сѣней, одни переднія, другіе заднія, и тѣ и другія теплыя; иногда же два или три жилыхъ строенія подѣ одной крышей соединялись теплыми сѣнями, которыя были общими для того и другаго жилья. Обыкновенно жилья располагались такъ, что главный домъ былъ съ одной стороны сѣней, а по другую сторону, въ заворотѣ, другой домъ, а отъ этого дома еще какое нибудь составляющее съ нимъ уголъ строеніе (А. Ю. 133). Иногда въ одномъ дворѣ нѣскольکو домовъ соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолженіемъ сѣней. Эти переходы различными линиями проходили отъ одного строенія къ другому. Въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ у царей такіе переходы, покрытые тесомъ и съ слюдяными окончинами въ окнахъ, сходились, какъ у центра, у домовыхъ церквей (Оп. Изм. дв. О. З. 1851 мартъ 18 — 10. Русск. Стар. 140). Такое устройство вѣроятно было и въ домахъ знатныхъ людей, у которыхъ были церкви, ибо въ тѣ времена многіе бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имѣли у себя домашнія церкви (Доп. I. 91.—Котоших. 119), и тогда изъ всѣхъ жильевъ члены семейства могли сходиться всѣ разомъ для слушанія богослуженія.

Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ дворъ знатнаго человѣка, обнесенный снаружи каменнымъ заборомъ, представлялъ внутри нѣсколько каменныхъ строеній, стоявшихъ на погребкахъ и нижнихъ этажахъ. Передъ каждымъ были сѣни. Между ними торчали деревянныя зданія, избы, горницы, свѣтлицы, и множество избъ людскихъ и службъ каменныхъ и деревянныхъ, и все это было соединено переходами.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ русской землѣ (Petr. 319). У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина—строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подѣ одною кровлею соединялись между собою сѣнями (А. г. Шуи 178), иногда нѣсколько избъ связывались переходами.

Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родоваго единства съ личною и семейною отдѣльностью и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилья помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться меж-

ду собою, а въ случаѣ если бѣ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу (А. отн. къ юр. б. 684).

У простолюдиновъ избы были черныя, то есть курныя безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусьми и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. (Carl. 335.—Petr. 414.—Барбер. 10.—О. г. Ш. 13.—Врем. XX). Къ избамъ придѣлывались разныя пристѣнки и прирубки (А. Юр. 147). У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то есть двухъ-этажные домки (Доп. Ш. 97). Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ. (Раф. Барб. 10) Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ (А. г. Шун 58).

Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилия, нерѣдко съ надстройкою на верху, которая придавала дому снаружи видъ трехъ-яруснаго.

Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одно-этажныхъ избахъ вмѣсто крыльца съ ступенями былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ (А. Юр. 129). Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами (Ак. отн. къ юр. б. 463). Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колонами и покрывались остроконечными кровлями (Русск. Стар. 146). Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую отъ крыльца дверь или изнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балясами (Подр. на постр. дома цар. Ив. О. З. 1851 Мартъ 23), потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, другіе заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя (А. Ю. 132.—Доп. 11. 91.).

Нижній этажъ назывался подклѣтомъ и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они

служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во вторыхъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Въ купеческихъ домахъ въ подклѣтахъ сваливались товары. Въ казенныхъ зданіяхъ подклѣтамъ давали назначеніе, сообразное потребностямъ, для которыхъ существовало зданіе; напр. подклѣты подъ сѣбжею избою занимались тюрьмою; въ кабачныхъ зданіяхъ тамъ устраивались вообще подвалы. Иногда подъ самымъ подклѣтомъ былъ выходъ или погребъ для храненія напитковъ; но когда подклѣты были жилые, въ нихъ дѣлались печи, и оттуда проводились во второй этажъ нагрѣвательныя цѣпныя трубы (Домостр. 94.— Подр. на постр. О. З. 1851 мартъ 21. — А. г. Шуй 164. — Лѣтоп. Норманс. Врем. V.—Доп. III. 97.).

Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня: но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напр. горница съ комнатою (сѣдовательно два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ (Д. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 февраль), или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр. двѣ горницы на подклѣтахъ, и три повалуши, соединенныя между собою сѣньми (А. Ю. 126). Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столовыя (А. Юр. 132). Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня. Въ избушкахъ же построенныхъ для особъ царскаго семейства покоевъ было не болѣе трехъ, а иногда и двухъ (Оп. Изм. дв. От. Зап. М. 1851. 18 — 21. Русск. Стар. Март. 131). У зажиточныхъ людей, сверхъ горницы и комнаты, была также крестовая или образная, гдѣ хозяинъ молился съ своимъ семействомъ; но иногда такая комната находилась и въ особомъ жильѣ. Самая обычная постройка была въ два покоя, да сверхъ того при комнатѣ дѣлалась каморка, гдѣ ставилась постель, другія же горницы о-бокъ главнаго дома дѣлались въ одинъ покой и назывались одинокими (А. отн. къ юр. 6, 673).

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣньми вышками. Иногда эти надстройки имѣли затѣйливыя фигуры, какъ напримѣръ, на рисункѣ посольскаго двора у Олеарія: на одномъ концѣ зданія башня съ окномъ, а въ другомъ съ куполомъ, а на куполѣ шарикъ; на другомъ концѣ четверугольная башня съ зубца-

ми, по срединѣ шпигъ (Olear. 128). Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе втораго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовывали третій этажъ, равный второму; напримѣръ горница, а надъ нею повалуша съ полатками (Врем. XIV. См. 13). Въ царскихъ зданіяхъ верхніе этажи имѣли такое же расположеніе, какъ и средніе, съ передними и задними сѣнями, но съ большими отличіями; такъ напримѣръ, въ Измайловскомъ въ верхнемъ ярусѣ было три покоя, тогда какъ въ среднемъ четыре. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлѣе и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокыхъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ самымъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка — небольшая башенка или смотрильня. (Русск. стар. Март. 62. 131. — Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 мартъ. — Доп. VI. 351).

Сѣни вообще дѣлались пространнѣе самихъ покоевъ и особенно въ нижнемъ этажѣ, или подсѣннѣ, такъ что въ домѣ, который заключалъ на верху два покоя съ сѣнями, подсѣнье внизу охватывало пространство, занимаемое во второмъ этажѣ не только сѣнями, но и частію покоевъ (А. Юр. 132). Бывало и на оборотъ: сѣни были обширнѣе подсѣнья и среднее жилье выдавалось впередъ изъ линіи. Такимъ образомъ, не всегда соблюдалась пропорціональность между этажами и средній бывалъ снаружи больше нижняго, даже и по величинѣ самыхъ покоевъ, напр., подклѣтъ въ полторы сажени, а средній этажъ или горница въ три (Доп. I. 32). Заднія сѣни большею частію были просторнѣе переднихъ, напр., переднія въ четыре, заднія въ десять сажень (Оп. Изм. дв.). Вообще же средняя величина сѣней была отъ четырехъ до шести сажень; въ малыхъ домахъ, разумѣется, и менѣе. Изъ покоевъ только передняя или горница да столовая изба въ большихъ домахъ отличались просторомъ, напр., горницы въ четыре сажени, а столовыя въ шесть или семь сажень (Русск. стар. 131). Комната всегда дѣлалась меньше и уже, чѣмъ передній покой или горница. Но въ домахъ небольшого пространства иногда комнаты были одинаковы съ горницами, напр., обѣ по двѣ сажени. Самая же обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ сажень длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Такъ и въ Москвѣ палатныя строенія богатыхъ господъ имѣли отъ 2½ до трехъ сажень длины и около двухъ шириною (Доп. VI. 351). Верхніе этажи или чердаки по большей части были хотя меньше среднихъ, но покои въ нихъ не были тѣснѣе,

напротивъ просторнѣе, и для того сокращалось ихъ число противъ числа въ среднемъ этажѣ; напр., если въ среднемъ этажѣ было три покоя, на чердакѣ два. Иногда же чердакъ строился не надъ однимъ среднимъ этажемъ, а надъ двумя, тремя и даже четырьмя строеніями, соединенными связями; тогда комнаты въ немъ были значительно просторнѣе, напр., въ среднихъ жильяхъ отъ двухъ до двухъ съ половиною сажень, а на чердакѣ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною въ длину, и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ ширину (Доп. VI. 351. — Оп. Изм. дв. 18. Русск. Стар. 131). Средняя высота покоевъ вообще была отъ трехъ до четырехъ аршинъ (Подр. на постр.).

Обыкновенная крыша русскихъ домовъ была деревянная, тесовая, гонтовая или изъ драни. Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ въ предохраненіе отъ пожара. Обыкновенная форма крышъ была скатная на двѣ стороны съ фронтонами на другихъ двухъ сторонахъ, какъ теперь дѣлается у простолюдиновъ. Иногда всѣ отдѣлы дома, то есть подклѣтъ, средній ярусъ и чердакъ находились подъ однимъ скатомъ, но чаще чердакъ, а у другихъ и средніе этажи имѣли свои особыя крыши. У богатыхъ особъ были кровли затѣйливой формы, напр. бочечная въ видѣ бочекъ, япанечная въ видѣ плаща. По крайнѣ кровля окоймлялась прорѣзными гребнями, рубцами, полицами, или перилами съ точеными балаясами. Иногда же по всей крайнѣ дѣлались теремки—углубленія съ полукруглыми или сердцеобразными линіями. Такія углубленія преимущественно дѣлались на теремахъ или чердакахъ и были иногда такъ малы и часты, что составляли койму кровли, а иногда такъ велики, что на каждой сторонѣ было ихъ только по парѣ или по три, и въ срединѣ ихъ вставлялись окна. (Jenkins. Nacl. 349; Chansl. ibid.; Olear. 144; Petr. 319; Русск. Стар. Март. 131. 137; Доп. VI. 351; Дом. бытъ русск. цар. Отеч. Зап. мартъ 1851).

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники на коняхъ и проч. На каменныхъ зданіяхъ они дѣлались изъ камня или кирпича. Такъ въ древнемъ углицкомъ домѣ царевича Димитрія по фронтону во всю стѣну проведены широкія линейки, раздѣляющіяся на три меньшія, и въ каждой изъ послѣднихъ своеобразныя фигуры: узоры, башенки, города, трехугольники и проч. (Русск. Стар. Март. 137). На деревянныхъ зданіяхъ эти украшенія были рѣзные. Рѣзьба была старинною принадлежностію славянской образованности и до сихъ поръ у рус-

скихъ поселянъ составляетъ наружное украшеніе избъ. На царскихъ теремахъ рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками; тоже было и у частныхъ лицъ зажиточнаго состоянія, какъ это сохранилось отчасти и теперь въ житьѣ-бытьѣ поселянъ. Такими украшеніями особенно пестрили чердаки, чтобъ издали плѣнять взоры проѣзжихъ. Въ Коломенскомъ селѣ на верху были поставлены щиты и на нихъ написаны четыре части свѣта и судъ царя Соломона (Русск. Стар. Март. 140.—Дворц. Прих. XVII в. въ Дом. Бытѣ Русск. Цар. О. Зап. 4851 г. Сентябрь).

Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуску дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу (Chensl. 183.) вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы, для сохраненія теплоты (Petr. 314) и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, послѣднія были по фигурѣ своей продолговатыя и узкія (Chensl. 277. Olear. 146). Въ каменныхъ зданіяхъ онѣ были еще уже, чѣмъ въ деревянныхъ. Иногда въ одномъ и томъ же покоѣ дѣлались окна и красныя и малыя, послѣднихъ числомъ больше, такъ напримѣръ, одно красное и три малыхъ (Врем. XIV. См. 13.). Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матерією, а съ наружной стороны желѣзными ставнями; послѣднее было въ обыкновеніи въ каменныхъ домахъ въ Москвѣ и служило предохраненіемъ отъ пожаровъ (Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1851. Сент.—Olear. 146.—Carlisl. 74—Jenkins Nacl. 350). Въмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду (Врем. XIV. См. 13.), которая вставлялась въ окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способъ вставки слюдяныхъ кусковъ былъ посредствомъ сурковъ (Tuberg. Nacl. 433. 437.). Но они располагались иногда съ большимъ искусствомъ и нарядностію; дѣлался желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры вставлялись кусочки слюды; такимъ образомъ окна были образчатыя, когда слюда была вставлена четверугольными кусочками, репьястыя, когда вставляли ее репейками (Дом. Б. Русск. Цар. О. З. 1851. сент). Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла было мало въ употребленіи: до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ въ Новгородѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Преимущественно употреблялись стекла цвѣтныя, бывшія въ повсемѣстномъ употребленіи въ Западной Европѣ (Доп. I. 140).

Большія или красныя окна назывались косящетыми, — эпитетъ столь употребительный въ народной поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ красныхъ оконъ были двойныя, то есть два одинакихъ окна стояли рядомъ и раздѣлялись одно отъ другаго продольною перекладиною. Въ расположеніи оконъ не соблюдалось соразмѣрности. Большія и малыя перемеживались безъ разбора между собою и стояли въ одномъ и томъ же поясѣ строенія не на одной линіи. Разстояніе между одними и другими было неравномѣрное съ разстояніемъ другихъ между собою. Въ подклѣткахъ вообще оконъ было меньше. Въ изображеніи посольскаго дома, снятаго у Олеарія, въ нижнемъ ярусѣ только два окна, выше ихъ ряды съ обѣихъ сторонъ, выше ихъ на одной сторонѣ четыре окна четвероугольной фигуры имѣющія ширины, больше чѣмъ длинны, а далѣе на этой же сторонѣ еще выше два окна, на другой сторонѣ рядъ четвероугольныхъ оконъ, неправильно между собою размѣщенныхъ (Olear. 128). Кромѣ четвероугольной формы окна дѣлались еще съ дугowymi верхами, а иногда такъ, что дуги раздѣлялись на три меньшихъ дужки или выемки. Вообще русскіе любили свѣтъ въ парадныхъ своихъ покояхъ и потому, если большая часть оконъ была узкихъ и маленькихъ, за то иногда въ одной комнатѣ было ихъ нѣсколько, кромѣ краснаго окна. Чердаки дѣлались всегда свѣтлые. Случалось, что окна были съ трехъ, а если чердакъ былъ холодной, то и съ четырехъ сторонъ, и притомъ нерѣдко они были двойныя. Такіе-то покои назывались преимущественно свѣтлицами. Стѣны освѣщались окнами обильно.

Потолки въ каменныхъ зданіяхъ строились сводомъ, а въ деревянныхъ были плоскіе и назывались подволоками; ихъ часто обивали крашенымъ тесомъ. Полы дѣлались изъ такъ называемаго дубоваго кирпича (родъ торца). Стѣны какъ и потолки не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ строеніяхъ обивались краснымъ тесомъ; для чистоты ихъ нужно было мыть, но вообще русскіе держали ихъ неопратно. Сверхъ теса богатые обивали стѣны красною кожею, а люди посредственнаго состоянія рогожами. Въ XVII вѣкѣ начало входить во вкусъ расписывать потолки и своды, а иногда и стѣны. Печи дѣлались муравленныя, зеленныя, совершенно круглой, иногда четвероугольной формы, съ желѣзными заслонами. Часто топка, какъ уже было замѣчено, была только въ подклѣткѣ, а въ верхній этажъ проводились нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя не принадлежали къ мебели, но составляли часть постройки зданія и были прикрѣплены къ стѣнамъ неподвижно. Двери дѣлались деревянныя, столярной работы, на желѣзныхъ крюкахъ или на мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ

(петляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно; двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти; въ каменныхъ палатахъ и кладовыхъ дѣлались желѣзныя двери (Herberst. 38.—Chensl. Nacl. 277.—Olear. 203.—Mejerb. 136.—Врем. VII. 73.—От. Зап. 1851 г. М. 25.—Оп. Изм. дворца).

Весь дворъ жилищнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избышки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Такъ называемые лучшіе люди, которымъ было дозволено варить пиво, дѣлать медъ и курить вино для собственнаго обихода, имѣли въ своихъ дворахъ особыя пивоварни и покои, гдѣ сытлели меды, а нѣкоторые и винокурни. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Вездѣ почти она составляла особое строеніе; но въ домахъ царей и вѣроятно у знатныхъ особъ, кромѣ мылень въ особыхъ строеніяхъ, для ежедневныхъ омовеній устранивались еще небольшіе закоулки для мытья въ подклѣтахъ и домахъ. Часто у хозяевъ, очень небогатыхъ, въ числѣ надворныхъ строеній была мыльня, какъ принадлежность первыхъ жизненныхъ потребностей. Она состояла изъ комнаты съ печью для мытья, съ притворомъ, который равнялся сѣнямъ въ жилыхъ покояхъ и назывался передмылье и передбанникъ. Для храненія домашняго имущества строились клѣти: у богатыхъ было по нѣскольку клѣтей на дворѣ; каждая стояла на подклѣтѣ и такимъ образомъ состояла изъ двухъ этажей. Въ подклѣтахъ, которые дѣлались шире самыхъ клѣтей, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, стралные одры (рабочіе носилки) и проч. На верху же были кладовыя, и если клѣтей было во дворѣ нѣсколько, то для каждой назначались особые предметы; напримѣръ въ одной находились принадлежности ѣзды: сѣдла, попоны, войлоки, узды, тебенки; въ другой хранилось оружіе: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; въ третьей — все относящееся до столовой утвари; въ четвертой — одежды, и такъ далѣе. Погреба и ледники обыкновенно помѣщались вмѣстѣ, а надъ ними дѣлались надпогребицы: иногда онѣ занимаемы были клѣтьми, иногда повалушами, иногда хлѣбнею, чаще всего тамъ складывались разные припасы, не требующіе помѣщенія въ погребахъ и ледникахъ. Случалось, что надпогребицы служили мѣстомъ угощеній прислуги, прибывшей съ господами, приглашенными на домашній пиръ хозяиномъ. Въ самыхъ погребахъ и ледникахъ хранилось питье, всякаго рода

зелень, сыр, яйца, молоко и проч. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ службъ, въ дворахъ были житницы, гдѣ хранился зерновой хлѣбъ, мука и сухари, заготавливаемые въ большомъ количествѣ: въ бочкахъ, сундукахъ, пошевахъ, ночвахъ, коробахъ; надъ житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было надъ погребомъ или надъ конюшнею), гдѣ висѣло соленое мясо, вялая, вѣтрена, прутковая и пластовая рыба въ рогожахъ. Далѣе слѣдоваль другой дворъ, отгороженный отъ главнаго заметомъ; тамъ находилась конюшня съ сѣнницею наверху: въ сѣнницахъ дѣлалось два отдѣленія, одно для сѣна, другое для соломы. О бокъ ея были разные сараи съ экипажами, приготовленными для обычной ѣзды и вытасченными заранѣе изъ подклѣтовъ, сарай для дровъ и дерева, за нимъ слѣдовали хлѣвы для коровъ и свиней, птичники для куръ, утокъ, гусей, иногда надъ этими обителями четвероногихъ и пернатыхъ надстраивались сѣнники. Въ деревенскихъ имѣнiяхъ для скота, лошадей, также и для хлѣбнаго зерна были особые дворы, построенные о бокъ главнаго и назывались: скотный дворъ, овечій дворъ, конюшенный дворъ, житный дворъ, льняной дворъ. Конюшенные и скотные дворы, заключаая большое количество домашнихъ животныхъ, раздѣлялись на десятины и въ каждой десятинѣ содержалось извѣстное количество штукъ. Житные дворы заключали въ себѣ строения, называемыя житницами, куда ссыпалось хлѣбное зерно, по мѣрѣ умолата доставленное съ гумна, а льняной дворъ имѣлъ нѣсколько амбаровъ, гдѣ складывались ленъ, конопля и пряжа. Между этими дворами помѣщалось гумно и вмѣстѣ съ нимъ овинъ съ печами и ригами. По краю усадебныхъ строенiй находились кузницы. Такъ какъ очень часто владѣльческiя усадьбы находились близъ воды, рѣки или пруда, то вслѣдъ за дворомъ находилась водяная мельница. (Русск. Стар. Март. 128.—А. И. II. 283.—А. Юр. 120, 126, 129, 130, 132.—Доп. I. 301. VI. 233, 351.—Оп. Шуи 304.—А. г. Шуи 58, 100.—Врем. V Кн. Мороз.—XIII. 26.—Домостр. Врем. I. 12, 94,

Вообще хорошiй зажиточный хозяинъ старался, чтобъ его усадьбы имѣли возможнѣйшую полноту и заключали въ себѣ всѣ нужныя хозяйственныя заведенiя и постройки, но само собою разумѣется, что не всѣ дворы имѣли такое множество зданiй; иногда вся постройка ограничивалась одною избою, клѣткою, банею да погребомъ съ надпогребницею (Оп. Шуи 309). Въ посадахъ иногда дворы заключали только: избу съ сѣнями, сарай и погребъ, надъ которымъ находилась клѣтъ (А. отн. къ Юр. б. 88). Въ самой Москвѣ встрѣчались дворы, небогатыя количествомъ зданiй, на примѣръ три избы съ двумя пристѣнками, клѣтъ, мыльня, погребъ да ледникъ съ над-

погребницами (А. Юр. 14). Вотъ примѣръ деревенскихъ усадебъ: двѣ горницы: одна на подклѣтахъ, другая большая съ сѣнми, сѣнница, стоящая на подсѣнни, клѣтъ съ перерубами на подклѣтахъ, хлѣвецъ малый, сосновый сарай; или: изба съ прирубомъ, противъ нея клѣтъ, на подклѣтахъ хлѣвъ, сѣнникъ, да мыльня, сарай, овинъ съ ригичемъ, огороженный тыномъ. Примѣръ крестьянскаго строенія: изба трехсаженная, клѣтъ, сѣнникъ, сарай (иногда не было сѣнника, иногда сарая, иногда клѣтки), мыльня, амбаръ, иногда омшанникъ (А. Юр. 14, 129, 198, 202, 205. — А. отн. къ Юр. б. 684).

Казенныя зданія имѣли постройку, приравленную къ ихъ назначенію, напр., кабаки строились обыкновенно такъ: въ дворѣ возвышался деревянный домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненія питья, а о бокъ его омшанникъ съ печью, гдѣ ставили питье: вѣроятно печь была для того, чтобъ имѣть горячую воду для разведенія водки. Другія зданія на дворѣ были: ледникъ, надъ которымъ надстроено сушило, поварня, гдѣ производились работы и стояли инструменты, и стояльная изба, гдѣ находилась стойка, за которою сидѣли цѣловальники и продавали вино, а собираемыя ими деньги были относимы и хранимы въ горницѣ, стоявшей, какъ выше сказано, надъ погребомъ. (Доп. VII. 97).

При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и XVI и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. (Пав. Іов. 33). На посадахъ почти повсемѣстно встрѣчались при домахъ сады и огороды съ плодовитыми деревьями (А. Юр. 131). Сады сажались не только для удовольствія, но и для пользы, а потому они вездѣ почти были плодовитые. Обыкновенныя деревья были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень были мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; по этому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Нѣкоторые дѣлали парники и воспитывали на нихъ дыни. Около тына или забора, ограждавшаго садъ, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лѣсныя деревья сажались рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр. рябина или калина. (Доп. 1. 391. VI. 351. — Домостр. 79).

VIII.

ДОМАШНЯЯ МЕБЕЛЬ И УТВАРЬ.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ; ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ и амбарахъ. (Carl. 355. — Petr. 387). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами; такимъ образомъ царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре (Врем. VII. эп. им. ц. Ив. Вас. 3 — 6. — Врем. V См. 23). Тоже наблюдалось и въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою.

Образа были иконописныя произведенія русскихъ художниковъ: по всеобщему вѣрованію, благодать не пребываетъ надъ тѣмъ образомъ, который писанъ человѣкомъ не православной вѣры (Carlisle 351). Образа писались на доскахъ по краскамъ или по золотому полю. Около головы святыхъ дѣлали вѣнцы изъ золота или позолоченнаго серебра, украшенные по ободку драгоценными камнями или жемчужною обнизью. Часто цѣлый образъ окладывался золотымъ или серебряннымъ окладомъ — работы басмянной, чеканной, сканной, канфаренной и другихъ видовъ, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились въ кіоты. Кромѣ кіотовъ съ окончинами дѣлали кіоты со створками, и какъ на наружной, такъ и на внутренней сторонѣ створокъ писались изображенія. Одни образа представляли картины изъ священной исторіи, другіе изображали святыхъ во весь ростъ и назывались стоячими, а иные только по грудь — и назывались бплечными образами. Кромѣ дерева изображенія святыхъ вырѣзывались на перелефти, камнѣ или бѣлой кости; въ старину въ большомъ употребленіи были металлическія складни со створками, и на каждой створкѣ и снаружи, и изнутри нарѣзывались изображенія; средній образъ, закрываемый створками, былъ больше прочихъ. Иногда на складняхъ нарѣзывались или начеканивались молитвенныя слова, какъ напр. *О тебѣ радуется благодатная* или *Хвалите имя господне*, смотря по содержанію изображеній. Кромѣ складней можно было часто встрѣтить осмиконечные кресты золотые, серебрянные и больше всего мѣдные съ распятіями литыми или рѣзными. Наконецъ, въ употребленіи были золотыя и серебрянныя круглыя медали къ изображеніями на обѣ-

ихъ сторонахъ. Такія медали давали родственники своимъ кровнымъ: родители дѣтямъ, свекры невѣсткамъ и проч. Примѣромъ такой медали можно указать одну, XV вѣка, съ изображеніями: на одной сторонѣ Христа-Спасителя, на другой св. Николая въ святительской одеждѣ съ евангеліемъ, подаренную княземъ Холмскимъ своей невѣсткѣ, Такія медали привѣшивали къ образамъ. Другіе, кромѣ этихъ медалей, прицѣпляли къ нимъ старинныя гривны, червонцы, золотыя цѣпи, жемчужныя серги, перстни съ драгоценными камнями. (А. И. I. 283. II. 405. — Собр. госуд. гр. I. 301. — А. отн. къ Юр. б. 556. — Врем. VII. оп. им. царя Ив. Грозн. 3. 5. — Chaud. 113).

Трудно опредѣлить, какихъ святыхъ иконы встрѣчались чаще. Это зависѣло отъ вкуса и отъ обстоятельствъ жизни хозяевъ домовъ; но кажется, въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить нѣсколько образовъ Божіей Матери въ различныхъ наименованіяхъ; какъ то: Одигитріи-Пятницы, Богородицы милостивыя, Умиленія, Скорбящія и т. д. У Ивана Грознаго изъ тридцати семи образовъ двадцать одинъ изображалъ Пресвятую Дѣву. За тѣмъ очень часто можно было встрѣтить образъ св. Николая Чудотворца, котораго, какъ извѣстно, русскіе особенно уважали.

Образа ставились въ переднемъ углу покоя и этотъ уголъ задергивался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того, каждый образъ по одиначкѣ задергивался привѣшеннымъ къ концу его убрусцемъ, а внизу спускался кусокъ матеріи, называемый пеленою. Застѣнки, убрусцы и пелены у богатыхъ людей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блесткамъ), особенно по концамъ, а иногда на нихъ вышивались изображенія святыхъ. Убрусцы и пелены перемѣнялись на образахъ, и въ извѣстные праздничные дни привѣшивались болѣе нарядныя, чѣмъ въ будни и въ посты. Передъ иконами висѣли лампы и стояли восковыя свѣчи. Между всѣми образами, стоявшими въ одномъ углу, былъ одинъ главный, поставленный на первое мѣсто посрединѣ угла, а всѣ прочіе ставились по важности своего содержанія ближе или далѣе отъ него. Нѣкоторымъ образамъ по чѣму нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали ихъ преимущественно предъ другими. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ и жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, наподобіе церковнаго иконостаса, тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора Пресвятыя Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на по-

*

лицѣ подѣ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для отиранія. Такія-то комнаты какъ сказано выше назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ домашнихъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневное служеніе: затреню, часы и вечерню (Врем. VII. оп. им. царя Ив. Грозн. 1. 4. — Домостр. Врем. I. 67. — А. И. II. 405. IV 399. Собр. гос. гр. I. 301. — Котош. 119. — Mejerb. 2. 76. — Доп. 1. 192.)

Вообще въ домашнемъ устройствѣ замѣтенъ былъ у русскихъ обычай укрывать и покрывать. Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у мѣнѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для отиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя, какъ сказано уже, къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же самымъ, чѣмъ стѣны; но сверхъ того на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго; первое закрывало лавку во всю ея длину, а послѣднее свѣшивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина соразмѣрялась съ пространствомъ покоевъ. Были, напримѣръ, полавочники въ шесть аршинъ длиною и въ два шириною. Но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась ширина всего полавочника въ двухъ полотнищахъ (Оп. хоромн. нар. О. З. 1851, сент. 115). Полавочники перемѣнялись: въ будни клались попроще, въ праздники и во время пріема гостей понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни клались полавочники суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другаго цвѣта. Такіе же куски клались на окна и назывались наоконниками; въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковые куски, вышитые золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно, они спадали внизъ съ оконнаго карниза. Вообще, какъ полавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтлозеленаго, голубаго, кирпичнаго, гранатнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На полавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнья дѣлались еще скамьи и столы. Скамьи были шире лавокъ, напр. до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только сиделись, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накры-

вались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Стольцы были четверугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и стольцевъ въ домѣ было немного; а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ, въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частію дубовые, длинныя и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшались рѣзбою. Кромѣ большихъ столовъ были столы маленькіе, у богатыхъ людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками, тоже аспидные. Большіе столы ставили передъ лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работали обыкновенно дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ полавочники и наоконники, такъ и скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ; въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, айтабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ были полотняныя грубой отдѣлки, у богатыхъ шитыя браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было; церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ кромѣ иконъ; но въ XVII вѣкѣ мало по малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, свачала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между другими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священныя предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они не имѣли вовсе священнаго значенія.

Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоящую изъ трехъ частей: пуховика, или пери-

ны, изголовья и подушекъ. Было два изголовья — нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею изъ полотна или шолковой матеріи, а сверху закрывалась одѣяломъ, входившимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники или на свадьбахъ, попроче въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя, обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ; одѣяла постилались подбитыя соболемъ, атласныя, краснаго цвѣта съ гривами, то есть коймами золотой или серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Наволоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя бѣлыя или красныя, подбитыя крашениною. Простыя одѣяла подбивались заячьими мѣхами. Вообще однако постели были принадлежностію только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ, или на матрасѣ. У людей средственнаго состоянія обычную постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печакъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. (Оп. хоромн. нар. О. З. 1851 сентябрь. — Древн. Русск. Вивл. I. 9. — А. И. I. 285. II 405. — Доп. V 471. — С. г. гр. I. 303. — Оп. Шуи 419. — Домостр. Врем. I. 51. — Врем. VIII. Оп. им. Тат. 8. 32. — Olear. 204. 319. — Mejerb. 91. 137. — Tuberg. Nacl. 433—434. Кильбург. 67).

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись скрини (роль комодцевъ съ выдвигаемыми ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ: это были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками; къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже, на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами, и окаймлялись металлическими кружевами; такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ драгоценностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоценныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями и миниатюрныя изображенія разныя домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напри-

мѣръ: ящикъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре под-
свѣчника, разсолъникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарел-
ки, и проч. все въ маломъ видѣ, такъ что все вмѣстѣ вѣсило два фун-
та 38 золотниковъ; или напримѣръ: серебрянный ставецъ, въ кото-
ромъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европою ввело
къ намъ часы. Такъ у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣ-
сколько часовъ: одни показывали часы астрономическаго дня, на
другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, а третьи
показывали теченіе сутокъ съ полуночи въ полдень, какъ наши ча-
сы нынѣшняго времени. Часы зѣпные (карманные) составляли рѣд-
кость и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и сто-
ловые; устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ
не стрѣлка ходила по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Сто-
ловые часы дѣлались съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ, съ че-
тверугольною скринькою съ перилами наверху, или мѣдное изобра-
женіе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, или въ видѣ башни.
на чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой вер-
шинѣ изображеніе сидящаго орла (Chensl. Nacl. 277. — Домостр.
93. — Колицъ 21. — Матер. для ист. возм. Стѣнки Раз. 200. —
Врем. IV см. 22. — VIII. Оп. им. Тат. 37. — XIII. Расх. кн. Ник.
9. — Дом. Б. русск. цар. Забѣл. От. Зап. 1851 сент.).

Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Вос-
ковья употреблялись преимущественно у богачей и то единственно
въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраний; въ са-
момъ царскомъ дворцѣ въ XVI вѣкѣ зажигали сальные свѣчи. Свѣ-
чи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣп-
ленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые или
ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновен-
но изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ
людей были въ домахъ такъ называемые струнные мѣдные подсвѣч-
ники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣд-
ныхъ проволокъ. Ночью, чтобъ имѣть оговъ, держались ночники.
По случаю большихъ собраний освѣщали дома висящими паникади-
лами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебрянныя
и дѣлались съ разными фигурами. Для домашняго обихода держали-
сь слюдяные фонари, съ ними прислуга ходила въ конюшни и кла-
добыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами (А. Ю.
445. — А. И. II. 406. Доп. VI 105. — Врем. XIII Расх. кн. 9. 52 —
Mejerb. 232. — Барбер. 32.

Для храненія громоздкихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣ-
ткахъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объ-
ема. Бочки въ старину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстели-

щемъ и жидкостей и сыпучихъ тѣлъ, напримѣръ: хлѣбнаго зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушеннаго, поскони и разнаго мелкаго товара: какъ-то гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ, всѣхъ вообще принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенья въ поварняхъ были котлы мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготовлялась пища на большое количество людей въ дворѣ, они достигали большихъ размѣровъ, напримѣръ: въ семь ведеръ; другіе были въ четыре ведра, въ ведро, въ полведра, и вообще назывались поваренными или ѣстовными котлами, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведеръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородахъ не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ луженыхъ, съ рукоятками; для мѣсива тѣста употреблялись деревянные корыта и большіе чаши, для мытья бѣлья корыта, ночвы, буки, для носки воды ведра, кувшины, корчаги, ендовы, кувшины. По окончаніи обѣда, у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались и вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или въ чуланѣ. Въ праздники, когда въ домѣ все облекалось въ нарядный видъ, и въ поварню отпускалась посуда лучшей работы. (А. И. I. 285. II. 399. — А. Ю. 499. — Врем. VIII. Оп. им. Тат. 22. XIII. — Расх. кн. 43. — Домостр. Врем. 1.67).

Для умыванья употреблялись рукомойники и лахани; у богатыхъ людей онѣ были серебряныя и позолочивались, у людей средственнаго состоянія мѣдныя или оловянныя. Не рѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лахань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванья можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича серебрянный позолоченный съ изображеніемъ фигуръ (образинъ), на стоянцѣ, тоже исцещреннымъ чеканными фигурами; при немъ серебрянная лахань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ (А. И. 406. — Врем. VII. 45).

Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловяникахъ — мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, съ покрывашками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсолыникъ, также съ покрывашкою, родъ соусника: онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянные. Твердые кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и по этому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостями, такъ чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Последняго рода

блюда назывались блюдами. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ овощниками. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца, по два и по четыре; это показываетъ, что ихъ несли человекъ по два. У богатыхъ блюда были серебрянныя съ выбойчатыми мишенцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія — оловянныя или полуженыя мѣдныя. Тарелки, называемыя торели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а по этому въ домахъ ихъ было не много; у богатыхъ онѣ были серебрянныя граненыя, иногда позолоченныя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Въсомъ онѣ были до полфунта, а нѣкоторыя и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе торели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостями, называли торелями, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ дѣлались серебрянныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукояти и съ надписью кому принадлежатъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцомъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, укусница и перечница, иногда горчица. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, поставивъ скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ крышками и съ рукоятками, укусницы и перечницы на ножкахъ; иногда эти сосуды соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а наверху ея перечница. Серебрянныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ. (А. Юр. 444. 445. — Врем. IV См. 22. — Врем. VII. Оп. им. царя Ив. Вас. — VIII. Оп. им. Тат. — Врем. XVIII. Расх. кн. 38. Собр. гос. гр. I. 320. 401. 406 — 409. — Достоп. Кремля 36. 49. — А. И. II. 14. 406. 428. — Доп. VI. 101. — Русск. стар. 87. Пов. о пос. Щилѣ. Рук. И. Публ. Библ.).

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мунормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли разную величину, напримѣръ, инныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другія по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки. Рѣд-

$\frac{1}{2}$ ⁵

ко употребляемыя при столѣ, въ обычномъ обиходѣ онѣ были мѣдныя вылуженныя, съ носкомъ и съ рукояткою. Мушорма была сосудъ близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукояткою. Въ чемъ заключалось ихъ различіе — не извѣстно. Ведра были не только служебною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебрянныя сосуды въ формѣ ведра, носившіе это названіе, съ дужкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшинами, какъ теперь, называли сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ суженною шейкою, съ расширившимися краями, съ носками и съ кругообразною рукояткою. Были кувшины серебрянныя съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой ставились какія нибудь вынуклыя фигуры, напр., яблоко и т. д., иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. Четвертиною, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы—ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ раздутый по бокамъ, нѣсколько похожій на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ знакомымъ. Четвертины были разной величины и даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, былъ сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки, на подобіе горшка съ крышкой. Изъ нихъ пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. Сулеи были маленькія бутылки съ узкимъ и продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ. (С. г. гр. I. 401. 406. 409. — Врем. IV см. 20. — VII. Оп. им. Ив. Вас. 25. 45. — VIII. Оп. им. Тат. 22. 35. — А. г. Шул. 176. — А. И. I. 285).

Къ сосудамъ, изъ которыхъ пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрическіе сосуды съ рукояткою и крышкой, всегда въ одну стѣну съ низу до верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осьми-гранныя и четырехъ-гранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, ибо кружками собственно называлась опредѣленная мѣра половина четвертины $\frac{1}{8}$ ведра; но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса, (напр. въ 4 ф. и въ одинъ фунтъ), слѣдовательно объемъ кружекъ былъ различенъ. Чашами назывались круглыя разложистыя сосуды съ рукоятками, съ кольцами, съ пелюстками, съ скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и бо-

лѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: въ сію братину наливается богородицина чаша. Пить чашу чью либо значило пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: «государева чаша, патриаршая чаша.»

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышкою, на подставкѣ, иногда на ножкахъ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлявались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубковъ была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный кубокъ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ оружейной палатѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки, вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они въ небольшомъ количествѣ стояли только для украшенія на поставцахъ. Въ употребленіи были кубки вѣсомъ въ полфунта, фунтъ и около того. Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, носками и крышкою. Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукояткою, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддопахъ. Ковши были низенькіе сосудцы круглые или овальные съ круглымъ дномъ, съ досчатою ручкою, называемою полкою, иногда съ загибомъ на концѣ. Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчпками. Чарками назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ съ закругленною ручкою, иногда съ покрывшкою. Подлинно неизвѣстно, какая была отличительная черта сосудовъ, называемыхъ болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, какъ это доказывается описаніемъ одного болванца въ числѣ посуды царя Михаила Феодоровича, гдѣ значатся болванцы въ 4 ф. 62 золотн. и въ девять фунтовъ слишкомъ. (Времен. IV. см. 20—VII. Оп. им. ц. Ив. Вас. 25. 34—38. 41. 44.—VIII. оп. им. Тат. 22. 35.—С. г. гр. I. 40, 409.—Достоп. Кремля 131).

Кромѣ этихъ названій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ особою формою, существовали разные сосуды загибливой фигуры, напр., орѣхъ индійскій съ серебряною золоченою формою; рога, оправленные въ серебро; сосуды въ видѣ челнока, вола, лошади, пѣтуха и проч.

Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченые, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ

отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр. гладкіе, скан-ные, т. е. витые, грансные (или грановитые), чеканные, чешуйча-тые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, рѣшетчатые; иногда нѣсколько видовъ работъ соединялись въ одномъ сосудѣ, такъ что часть его была отдѣлана однимъ, другая инымъ видомъ. Фонъ стѣны сосуда назывался землею, а по землѣ дѣлались разныя фигурныя украшенія. На братинахъ чаще всего были узоры и тра-вы. На стѣнахъ кубковъ и чашъ дѣлались широкія выпуклости, называемыя нузами, и углубленія, называемыя ложками; сверхъ того неширокія, но высокія возвышенія, называемыя пупышами. Формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и т. д. Ча-сто пупыши очердовались съ ложками. Иногда на фонѣ одной ра-боты дѣлались кружки другой и въ этихъ кружкахъ помѣщались изображенія и надписи. По краямъ сосудовъ проводились вѣнцы, составлявшіе линіи разныхъ узоровъ; часто такихъ линій было нѣ-сколько одна возлѣ другой, каждая работы отличной отъ другой. Фигуры, украшавшія сосуды, изображали цвѣты, плоды, листья, звѣрей, птицъ, рыбъ, людей; послѣднія носили названіе личинъ или образинъ. Литыя фигуры ставились на верхахъ покрывшекъ: такъ напримѣръ, были сосуды, особенно кубки, на верху которыхъ стояли орлы, пѣтухи, яблоки, лодки, терема, города съ башнями. Напримѣръ въ кубкѣ вѣсомъ въ одиннадцать гривенокъ, принадле-жавшемъ царю Ивану Васильевичу, на покрывшкѣ былъ теремъ о трехъ столбахъ, между столбами три человѣческія изображенія въ кругахъ, а на верху самага терема человѣческая фигура, держащая копье. На привозныхъ изъ западной Европы сосудахъ встрѣчались мѣологическія изображенія, напримѣръ, Аполлона или Сатира. Иногда чеканныя фигуры представляли дѣлыя происшествія или картины, напр. на кубкѣ круги, въ которыхъ изображены *царства*. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; онѣ находились меж-ду пупышами, между пупышами и ложками, когда онѣ чередовались между собою, въ кружкахъ, обручикахъ, связяхъ или сѣтовидныхъ каймахъ, на полкахъ ковшей и корцевъ. Иногда рукоятки и стоян-цы сами по себѣ составляли фигуру, напр. рукоять въ видѣ змѣи, а стоянецъ въ видѣ тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудовъ иногда дѣлались чеканныя и литыя изобра-женія.

Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ было въ обычаѣ дѣлать на со-судахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣль-ца вещи и приличныя изрѣченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, а если сосудъ былъ подаренъ, то надписыва-лось объ этомъ, напр. *ударила челомъ боярыня Ульяна Ѳедоровна*

Романова. Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на днѣ, по ободамъ, по эмали или финифти, которою нерѣдко украшались сосуды. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изрѣченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой написано по ободу: *чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хвала Бога, про государево многолтнее здоровье*; внутри другая: *не злись, смирись, человѣче, желаешь славы земныя, за то не насльдишь небесныя*; по бокамъ вокругъ: *зри, смотри, и люби и не проси.* Внутри братины, поднесенной царю думнымъ дьякомъ Третьяковымъ въ 1618 году, надпись такая: «Человѣче! что на мя зриши? Не проглотить ли мя хочеши? Азъ есмь бражникъ; воззри, человѣче, на дно братины сея, окрыеши тайну свою». А на вѣнцѣ другая надпись: «Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный другъ во время утѣсенія и скорби, и вси убо прикасающіися сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе съ други, и тѣлесемъ красоту, и сердца и ума пространство почерпають, и радостію, со други своими веселящеся, испіють, хотящими же убо къ сему приступити, со враждою — несытное ихъ убо достоинъ отъ сего дому всегда отгоняти заботно. (Достоп. Кремля 117, 123, 129, 130. — Собр. Г. Гр. I. 407, 409.—Врем. VII. 34, 43, 44.—Домостр. 67.)

Количество дорогихъ сосудовъ, переходившихъ по наслѣдству, не только какъ матеріальная драгоценность, но какъ память отцовъ, умножалось подарками; въ обычаѣ было дарить сосуды для изъявленія привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великимъ князьямъ, а потомъ царямъ въ подарокъ сосуды въ торжественные дни: при вступленіи государя на престолъ, на именины, по случаю бракосочетанія, рожденія дѣтей. Также точно и въ частномъ быту дарились сосуды именинникамъ, дарились новорожденнымъ, дарили ихъ подначальные начальникамъ, начальники подначальнымъ. Тамъ, гдѣ ихъ такимъ образомъ накоплялось много, ихъ сортировали для застольнаго употребленія, такъ что въ большіе праздники подавали лучшіе, въ другихъ случаяхъ попроче. Впрочемъ не должно думать, чтобъ повсюду было ихъ такое множество: нѣкоторые поставляли домашнее богатство въ вещахъ другого рода и потому довольствовались незначительнымъ количествомъ золота и серебра. Такимъ образомъ случалось, что все серебро въ домѣ составляли три-четыре серебрянныхъ ложки (А. И. IV 399).

Кромѣ металлической посуды въ XVI и XVII вѣкахъ у богачей были сосуды каменные: агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хру-

стала, а между тѣмъ входила въ употребленіе стеклянная и хрустальная посуда съ тѣми же названіями, какія исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы, стекла преимущественно разноцвѣтнаго, полосами, съ позолоченными вѣнчиками. Сверхъ того существовали простыя стеклянныя фляги и склянницы для храненія вина и деревяннаго масла. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоценныя, и носили тѣ же названія. Какъ посуда для пищи — мисы, торели, солоницы, — такъ и питьевыя сосуды — братины, ковши, корцы — дѣлались изъ дерева въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и продавались на рынкахъ; но изъ нихъ особенно славилась по работѣ калужскіе, гороховецкіе и корельскіе. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса. Не гнушались деревянною посудою и дворяне, а каповыя сосуды были въ употребленіи у бояръ и даже у царей и считались роскошью. (Достоп. Кр. 128, 130.—А. А. Э. III. 363.—А. И. I. 285. — Врем. I. — Домостр. 93.—VIII. Оп. им. Тат. 22.—XIII. Расх. кн. Ник. 30.)

IX.

ОДЕЖДА.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства между собою, чѣмъ отличія, которое преимущественно основывалось на особенностяхъ покроя, къ сожалѣнію теперь мало понятныхъ для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣже названія и отличалась только степенью убранства.

Обувь простаго народа была — лапти изъ древесной коры — обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили, башмаки, сплетенныя изъ прутьевъ, лозы (Petr. 314); вѣроятно эту обувь разумѣли подъ названіемъ пленицы (А. отн. къ Ю. Б. 53); нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги (Das. gr. Reich. v. Mosc. 187). Какъ крестьяне, такъ и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, ба-

шмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна (А. И. VI. 399. Доп. III 145. Врем. XIII. Расх. кн. Ник. 60. — Ворон. Акты I. 116. — Olear. 182). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами, со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и у знатныхъ лицъ эти гвозди были серебрянные. Чоботы были полусапожки съ остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностію не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги или ичетоты, иначе ноговицы (нынѣ еще употребляютъ кое-гдѣ эту старую, заимствованную отъ татаръ обувь подъ именемъ *ичегъ* и *ноговиць*): — это были сафьянные чулки и раздѣлялись на два вида: полные, достигавшіе до колѣнъ и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти таже, что и у мужчинъ; башмаки были съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки. Посадскія жены носили также большіе сапоги до колѣнъ, но дворянки ходили только въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые — иногда зеленые, голубые, лазоревые, бѣлые, тѣлеснаго цвѣта; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ на голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну. (Вых. цар. 492. 494. — Домостр. 4. 54. — Врем. VII. оп. им. царя Ив. Вас. 8. VIII. оп. им. Тат. XIII. расх. кн. Ник. 60. — Ворон. Акты I. 115. — А. г. Шуи. 119. 174. — Olear. 182. — Раф. Барб. 97. — Crull. 135. — Carlisle 332. — Fletch 97. — Petr. 306. 307. — Das gr. Reich v. Mosc. 203).

Въ зажиточныхъ русскихъ домахъ обувь вообще дѣлалась дома и для этого держали въ дворѣ знающихъ холоповъ (Домостр. 54).

Рубахи у простонародія были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи, и считали ихъ наряднымъ бѣлемъ. Домострой совѣтуетъ обращать особое вниманіе на мытье красныхъ рубахъ, какъ на принадлежность лучшей одежды. Русскія мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія и едва достигали до ляшекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясы-

вались низко и слабо узкимъ пояскомъ, называемымъ опояскою. Въ холщевыхъ рубахахъ подъ мышками дѣлали трехугольныя вставки изъ другаго полотна, расшитаго пряжею или шелкомъ, или же изъ цвѣтной тафты. По подолу и по краямъ рукавовъ, рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотомъ и шелками, шириною пальца въ два; у знатныхъ и богатыхъ вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою изъ подъ платья. Такія вышитыя рубахи разывались пошевными. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ подъ верхнихъ одеждъ пальца на два и окружалъ затылокъ въ родѣ нынѣшнихъ мундирныхъ воротниковъ. Этотъ воротникъ назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней, когда было нужно, у богатыхъ золотыми и серебрянными золочеными, у бѣдняковъ мѣдными пуговицами; иногда же, вмѣсто пуговокъ, употреблялись запонки съ петлями. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Это-то ожерелье собственно въ старину называлось рубашкою; но въ XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою одежду, къ которой оно пристегивалось.

Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ уломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашенаго, изъ сѣрмяги — грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, напр. изъ обьяри. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами, называемыми зепью, и были разныхъ цвѣтовъ: напр. желтые, лазоревые и чаще всего красные (А. И. 1. 335. — Домостр. 51. — Выход. цар. 219. 622. — А. Ю. 371. — Оп. Шуй 453. — А. г. Шуй 174. — Оп. им. Тат. Врем. VIII. — Herberst. 36. — Барб. 54. — Tuberv. 455. — Petr. 306. — Olear. 181. — Mejerb. 100. — Strauss. 197. — Crull. 135. — Carlis. 332).

На рубаху и штаны надѣвались три одежды: одна на другую. Исполняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ.

Исполняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колѣнъ, рѣдко до икоръ, но часто не доходившее даже и до ко-

лѣтъ, въ родѣ камзола. Въ кроильной книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ шесть вершковъ, когда платье, сдѣланное на то же лицо во весь ростъ, имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напр. тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой нибудь матеріи; напримѣръ, зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава къ нему изъ серебрянной обьяри; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ, въ родѣ нынѣшнихъ поддѣвокъ. Воротники дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый и разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ, называемый обнизью. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя. Если обнизь употреблялась большая, то къ рубахѣ вовсе не пристегалось ожерелье, а если малая, то изъ подъ нея виднѣлось ожерелье рубахи. Кромѣ зипуна, въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда сарафанецъ, какъ кажется начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи; ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизями; они были длинны.

На зипунъ надѣвали вторую одежду, которая имѣла нѣсколько названій; но ихъ различіе между собою въ отношеніи покроя теперь опредѣлить трудно. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ раззолоченные сапоги. Иногда сзади дѣлали его на вершокъ или на полвершка короче, чѣмъ напередѣ, и по длинѣ различали два рода кафтановъ: кафтаны и кафтанцы. Рукава ихъ были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напр. горячую посуду. Въ нарядныхъ кафтанахъ часть рукава при концѣ называлась запястье, вышивалась золотомъ, украшалась жемчугами и пристегивалась къ кафтану особо. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою; также точно оторочивался и подолъ. Къ этой тесьмѣ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебрянное), сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи

и другаго цвѣта, въ видѣ четверугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и шнуры, чтобъ застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ на нашивкахъ висячія петли, на другой также къ нашивкамъ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегались чаще завязками, на подобіе татарскихъ; но рускіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегали не на лѣвой, а на правой сторонѣ. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы — до двѣнадцати и до тринадцати на кафтанѣ: онѣ всѣ были на груди; остальная часть разрѣза всегда оставалась не застегнутою. Воротники на кафтанахъ обыкновенно были узкіе и малые; изъ-подъ нихъ высывалась обниз зипуна или ожерелье рубахи; но иногда къ кафтану пристегалось отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая, и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесмы по подолу, подъ нею и выше ея, окаймлялись полоскою матеріи другаго цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались и на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр., на соболевыхъ пухахъ, или на бѣлыхъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами.

Къ этому разряду средней одежды относится чуга — одежда, приспособленная къ путешествію и верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ, съ рукавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо когда кафтанъ былъ длиною въ два аршина шесть вершковъ, съ рукавами длиною въ одинъ аршинъ пять вершковъ, чуга для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями и съ рукавами въ девять вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложки, а на грудь привѣшивалась перевязъ съ дорожною сумеею. Тѣ же принадлежности, какими украшались кафтаны — нашивки, кружева, подпушки — были, по желанію, и на чугахъ; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязми назывались одежды, надѣваемые такъ же, какъ и кафтанъ, на зипуны; онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложнаго ожерелья, лѣтомъ изъ какой нибудь легкой матеріи, зимою теплыя на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтана. У Флетчера, при описаніи русской одежды, она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ — первое зипунъ, второе или среднее узкій кафтанъ съ ножомъ и ложкою за поясомъ (подъ которымъ англичанинъ разумѣлъ чугу), третье ферязъ — просторное платье, окаймленное позументомъ (Fletch. 27). У Олеа-

рія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь, сдѣланную изъ какой нибудь легкой матеріи, а на ферязь кафтанъ (Olear. 181), такъ что у него выходитъ четыре одежды (съ верхнею или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ. Все, что можно вывести изъ сбивчивыхъ извѣстій объ этомъ родѣ одежды— это то, что ферязь былъ болѣе комнатный родъ кафтана. Названіе его персидское и вошло къ намъ въ XVI вѣкѣ. Оно было въ употребленіи какъ у царей, такъ и у простаго народа. На ферязяхъ дѣлались нашивки, называемыя образцами. Это были — нѣсколько вышитыхъ золотомъ или шелками небольшихъ мѣстъ, формы круглой, или четырехугольной, отдѣленные другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались завязками.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей, къ разряду средней одежды относились : ормякъ, тегилай, терликъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, образцами, какъ ферязи, и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую. Тегилай была одежда съ множествомъ пуговицъ, напр. съ шестидесятью—восемью или съ пятидесятью—шестью. Особенности покроя его неизвѣстны, какъ и терлика. Впрочемъ, подъ послѣднимъ, кажется, разумѣли тоже, что и подъ именемъ чуги, то есть короткое платье, удобное для верховой ѣзды; но онъ носился такъ же разомъ съ кафтаномъ, какъ напримѣръ, въ одномъ описаніи свадебъ, свадебные поѣзжане описываются одѣтыми въ терликахъ и кафтанахъ разомъ.

Верхнія или накидныя одежды были : опашень, охабень, однорядка, ферезья, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда, ибо въ царскихъ выходахъ упоминается только лѣтомъ ; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій ; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ кашпономъ сзади. Ферезья — плащъ съ рукавами — надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегались

на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобъ выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только для щегольства. На шубы употреблялись разныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою; шубы дѣлались на пупкахъ, черевахъ и храбахъ и имѣли по этому свои названія: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщали по бокамъ разрѣза нашивки, но другой матеріи, а не той, которою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Но щегольство не всегда требовало пышной покрывки и блестящихъ украшеній для шубы; иногда русскіе щеголяли одними мѣхами и полагали, что достоинство мѣха выказывается ярче, когда онъ лишенъ всякихъ постороннихъ прикрасъ; такимъ образомъ, иногда ходили просто въ нагольныхъ шубахъ. Такъ однажды царь Михаилъ Федоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу (А. И. III, 334).

Для всѣхъ вообще мужскихъ одеждъ, описанныхъ здѣсь, люди средняго состоянія употребляли сукна, привозимыя изъ-за границы, зуфъ (родъ камлота), а для праздничныхъ платьевъ шелковыя матеріи. У людей, болѣе зажиточныхъ, покрывались шелковыми тканями и будничныя одежды. Шелковыя матеріи въ старину болѣе употребительныя были: дороги, киндяки, тафта (роды дешевые), камки, бархатъ, атласъ, объяръ, алтабасъ и зарбевъ. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, какъ на сукнахъ, такъ и на матеріяхъ. Черные и вообще темные цвѣта употреблялись только на печальныхъ (траурныхъ) или такъ называемыхъ смиренныхъ одеждахъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе, и потому цари приказывали начальствующимъ лицамъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать на народъ, одѣваться въ цвѣтное платье. Служилые люди, во

время какого нибудь торжественнаго событія, выходящаго изъ повседневной среды, одѣвались въ цвѣтныя одежды (Доп. II, 267). Всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣнковъ можно было встрѣтить на русскихъ одеждахъ, но преимущественна красныя; изъ нихъ особенно любили червчатый отливъ (красно-фіолетовый). Этотъ цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи, что одинъ иностранецъ замѣтилъ, что всѣ городскіе жители (посадскіе) носятъ платье такого цвѣта. Даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ. За красными цвѣтами, въ числѣ болѣе употребительныхъ, были цвѣта лазоревый, зеленый и вишневый, за этими слѣдовали рудожелтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, цѣпичный и проч. Шелковыя матеріи, исключая невысокихъ сортовъ, какъ напр. дорогъ, киндяка и тафты, ткались вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, однѣ съ золотыми и съ серебрянными узорами по цвѣтному фонду ткани, другія были затканы золотомъ и серебромъ, такъ что по золотому полю выводились серебрянные, а по серебрянному золотые узоры и фигуры, какъ напримѣръ : чешуи, большіе и малые круги, струи (преимущественно въ объяри), рѣки, травы, листья, птицы, змѣйки, изображенія людей, и стоящихъ, и лежащихъ, и съ крыльями, и проч. и проч.; иногда серебро и золото переплеталось съ шелками, напр. по серебрянной землѣ (фондѣ) золотые узоры пополамъ съ шелками трехъ цвѣтовъ, или напр., круги изъ золота, переплетеннаго съ зеленымъ и червчатымъ шелками, а между кругами листья; иногда золотые и серебрянные узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебрянной или по золотой землѣ вышивались узоры шелками и выбивался бархатъ; иногда золотыя и серебрянныя полосы на ткани чередовались съ шелковымъ, напр. атласъ золотой, а по немъ полосы червчатаго, лазореваго и вишневаго цвѣтовъ. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій самыя цѣнныя были: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зарбевъ: послѣдніе два вида привозились съ востока и употреблялись на самыя драгоценныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотное платье считалось атрибутомъ достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружавшихъ царскую особу, и когда принимали пословъ, то всѣмъ, не имѣющимъ такого рода платьевъ, раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоценность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и нуговницахъ. Нашивки, какъ сказано, дѣлались всегда изъ матеріи отличной отъ той, которая была на лицевой сторонѣ всей одежды, напримѣръ : при зеленомъ сукнѣ нашивки красныя; при красномъ или червчатомъ, нашивки зеленыя или голубыя. Подъ

цвѣтъ нашивокъ дѣлались завязки и кисти, называемыя ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатыхъ унизывались жемчугомъ и драгоценными камнями; на ожерельяхъ, кромѣ жемчуга и камней, всегда ставились золотыя пуговицы, у бѣдныхъ для нихъ служили куски матеріи, а пуговики на ожерельяхъ были изъ шелка или изъ пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своимъ формамъ разныя названія, напр., кольчатое, колѣнчатое, рѣшетчатое, плетеное, петельчатое, цѣпиковое; кружево окамлялось бахрамою. Пуговицы у богатыхъ дѣлались иногда изъ жемчужинъ, и щеголи отличались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жемчужины; золотыя и серебряныя пуговицы носили разныя названія по роду работы, какъ напр., канфаренныя, сканныя, грановитыя, или по своей формѣ, какъ напр., грушевидныя, остроконечныя, прорѣзныя, сѣнчастыя, клинчатыя, половинчатыя, желобчатыя. Случалось, пришивали, вмѣсто металлическихъ пуговицъ, плетенныя изъ канители и трунцала и хрустальныя. Бѣдняки носили оловячныя пуговицы такихъ же формъ, какъ и богачи. Величина ихъ была очень различна, напр., иногда онѣ доходили до размѣра яйца. Число ихъ было чаще всего одиннадцать и двѣнадцать на одеждѣ, иногда четырнадцать и пятнадцать; онѣ пристегивались на нашивкахъ. Только въ тегиляѣ, какъ выше сказано, число ихъ было значительно больше, но онѣ были малы.

Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ и длинныя рукава одеждъ замѣняли ихъ необходимость. Только цари и знатныя особы надѣвали *персчатыя рукавицы* и то преимущественно зимою отъ холода, а потому онѣ у нихъ были мѣховыя или оторочивались бобромъ (Паэрле 37. Кильбург. 76). За то и простыя и средней руки лица зимою надѣвали рукавицы; у небогатыхъ онѣ были кожанныя, у болѣе зажиточныхъ суконныя, цвѣта червчатаго, зеленого и проч., подложенныя мѣхомъ (Оп. Шун 253). По величинѣ онѣ назывались руковицы, а другіе — поменьше — рукавки.

Всѣ носили пояса и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоценностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоценность (С. г. гр. I, 61). Они дѣлались полосатые, напр., бѣлыя, съ червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или напр., полосы червчатыя, лазоревыя и вишневыя съ золотомъ, и въ каждой полосѣ своеобразные узоры: въ одной змѣйки, въ другой копытцы, въ третьей шильцы (Врем. VII.). Пояса укра-

шались золотыми и серебрянными бляхами, которыя назывались *плащами*, фигуры круглой, продолговатой, четверугольной и многоугольной, съ выемками по угламъ; между плащами накладывались другія металлическія украшенія, называемыя *переченки*. На самыхъ плащахъ чеканились разныя фигуры, какъ-то: звѣри, птицы, всадники, травы. Иногда на поясахъ, вмѣсто металлическихъ плащей, нашивались косые образцы изъ матерій другаго рода, чѣмъ самъ поясъ. Къ поясамъ придѣлывались крючки, которыми они застегивались. О величинѣ поясовъ можно судить потому, что у одного боярина въ XVII вѣкѣ былъ поясъ длиною въ пять аршинъ пять вершковъ и въ шесть вершковъ шириною.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдующимъ восточнымъ обычаемъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя *тафьями*, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили и въ комнатѣ, а царь Иванъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки — *остроконечный*, назывался *колкакомъ*. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго; по его крайнѣ пристегался *околышекъ*, называемый *ожерельемъ*, унизанный жемчугомъ и золотыми пуговками, иногда съ драгоценными камнями. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимомъ такой колпакъ подбивался *мѣхомъ*, который заворачивался наружу широкою полосомъ. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напередѣ и сзади до половины; разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимомъ подбитые овчиною или какимъ нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — *четвероугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра*; мѣтомъ этотъ околышекъ пристегался для красоты, а зимомъ вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакѣ, съ пуговками, по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего суковный вишневаго, червчатаго, зеленаго и часто также чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта на платьяхъ, рускіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ народѣ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя *горлатныя шапки*—исключительная принадлежность князей и бояръ. Однородность одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство (*).

(*). Вѣроятно, отсюда возникла пословица: по Сенькѣ шапка.

ки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, — обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностію носившаго шапку.

Горлатныя шапки дѣлались изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ съ суконнымъ верхомъ, а иногда съ мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо къ верху была шире, къ низу уже. Спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшія какую-нибудь фигуру, наприм., въ видѣ змѣйки, львиной головки и проч., на другой сторонѣ прикрѣплялись золотыя пуговицы, иногда съ драгоцѣнными камнями въ срединѣ. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно больше голову, и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то, снявъ шапку, напяливали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Обычай такъ закутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отращивали на головѣ волосы въ знакъ печати; безъ этого всѣ старались стричься какъ можно плотнѣе и передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непременно остричься. За то всѣ носили бороды и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтениѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ холилъ ее, берегъ, и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. При Василіѣ Ивановичѣ начало было входить въ обычай бритье бородъ, и самъ великій князь послѣдовалъ этому обычаю; но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію церкви дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностію человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недобріе и считали его способнымъ на дурное дѣло. (Fletch. 271. — Olear 179. 184 — Jenkins, 157. — Carlis. 329. — А. И. III. 334. — Врем. VII. Матер. для ист. икон. 73 — Chensl. 284. — Врем. XIII, — Доп. I. 189. III. 145).

Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и

такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства, такъ называемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье, да и люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознавать ихъ достоинства. (Времен. VII. 28. 37.— С. г. гр. I. 271. 406. — Коших. 22. — Petr. 290. — А. И. II. 406.)

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахрамою, но ихъ хранили не въ кармавахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы.

Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольныхчимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ (С. г. гр. 467), за то и знатные и не знатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Набалдашникъ раскрашивался или окладывался перламутромъ (Кильбург. 32). Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно быдо съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ

тѣ же названія , какъ у мужчинъ , прибавлялось слово «женскій», напр. женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами , цвѣта бѣлаго или краснаго: красныя рубахи, какъ и у мужчинъ, считались наряднымъ бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья, вышитыя золотомъ и украшенныя жемчугами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается для длины лѣтника аршинъ съ тремя четвертями, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простирается до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ и чрезвычайно широки, на примѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подоль обшивался иною матерією съ золотою тесьмою, со свуркомъ и бахрамою. Вдоль одежды на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался до самаго горла, потому что приличіе требовало, чтобъ грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимомъ лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями.

Принадлежность лѣтника составляли вошвы, то есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ именно онѣ вшивались; нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напр., семнадцать вершковъ, то едва ли была возможность пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. Если только онѣ не одно и то же, что накапки, то, быть можетъ, онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда раздѣлены и распещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи, изъ которыхъ дѣлались лѣтники, у зажиточныхъ были по большей части легкія, такъ какъ для мужскаго зязуна, напр. тафта, но иногда эти одежды дѣлались также изъ тяжелыхъ золототканыхъ и сребротканыхъ матерій. На подкладку употребляли мѣнѣе цѣнныя матеріи, напр., киндяки или дороги. Цвѣта ихъ были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобъ имѣть понятіе о наружномъ видѣ этой одежды, приведемъ нѣсколько примѣровъ лѣтниковъ изъ богатой матеріи. Вотъ лѣтникъ червчатаго атласа, сотканнаго пополамъ съ золотомъ; вошвы чернаго бархата съ вышитыми узорами. Вотъ другой лѣтникъ: онъ сдѣланъ изъ червчатой камки съ серебрянными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы къ

нему изъ червчатого бархата, расшитого канителью и тунцаломъ; подолъ изъ лазореваго атласа. Вотъ третій лѣтникъ: онъ изъ матеріи сребротканной пополамъ съ золотомъ, вошвы къ нему чернаго бархата, съ расшитыми по нему узорами. Вошвы чаще всего были другаго цвѣта, чѣмъ самый лѣтникъ, напримѣръ: лѣтникъ желтой камки, а вошвы къ нему золотнаго бархата; лѣтникъ полосатый, а вошвы чернаго бархата; лѣтникъ червчатый, вошвы изъ снѣга аксамита. Небогатія женщины носили лѣтникъ изъ зуфи, дороговъ, кивдяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтною пряжею.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ, пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣ прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ, и потому иностранцы находили его похожимъ на собачій ошейникъ. Оно состояло изъ тесьмы, очень часто чернаго цвѣта, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числомъ до пяти. (С. г. гр. I. 303. 304. 340. — Оп. Шун 403. — Времен, IV. см. 22. — V см. 25. — А. Юр. 47. 444. — А. отн. къ юр. быту 563. — Olear. 212. — Паэрле 54. — А. г. Шун 186. — Das. Gr. Reich von Mosc. 208. — Доп. къ Акт. Ист. I. 76.)

Верхняя женская одежда была опасень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу; у богатыхъ онѣ были золотыя или серебряныя вызолоченныя, у бѣдныхъ оловячныя. Эта одежда дѣлалась изъ сукна, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пяты, но пониже плеча дѣлались прорѣзы или проймы, сквозь которыя свободно входила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубахи, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый ожерельемъ, круглago вида, покрывавшій грудь, плечи и спину. По прорѣзу и по подолу опасни окаймлялись кусками другой матеріи, расшитыми шелками и золотомъ. (А. отн. къ юр. б. 563. — А. И. I. 211. III. 63. — Olear. 183. — Carlis. 333. — Crull. 138. — Das. Gr. R. v. Mosc. 205.)

Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опасни неизвѣстно; въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинныя съ проймами, какъ въ опаснѣ, на краяхъ этихъ рукавовъ пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ окладывался (подпущался) широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатю, окаймлялся металлическимъ кружевомъ или же тесьмою, густо расшитою

золотомъ. Тѣлогрѣи были холодныя и теплыя, напр. на кунцахъ или соболяхъ. (Доп. I. 76. А. И. II. 29.—Достоп. Кремл. 61.—Опис. Шуй 403).

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ, ибо упоминается названіе женская шуба. Шуба, повидимому, у женщинъ означала не всегда одно только мѣховое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба (А. г. Шуй 187). Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соотвѣтствовалъ зипуну въ мужскомъ, то опашень и тѣлогрѣи соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы, встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, ферязей, которые женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, кунцахъ, лисцахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами и шелковыми матеріями, какъ-то: обьярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатого, желтаго, зеленаго и бѣлаго; послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVI вѣкѣ, но въ XVII шубы покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу напередѣ былъ разрѣзъ; онъ застегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическимъ, кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другаго мѣха, напр., шуба бѣличья или лисья, а ожерелье къ ней бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ матерей къ дочерямъ, какъ фамильная драгоценность. (С. г. гр. I. 303. 340. 407. — Olear. 220. — А. И. I. 24. — Доп. I. 76. — Кильбург. 76. — А. г. Шуй 133. 174. 187.)

Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя свои платья богатую мантию, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатого, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или сребротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Края этой мантии были съ особенною нарядностію разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; они пристегались къ подволокамъ и снимались, когда вужисъ было, и назывались подволочнымъ запущьемъ (С. г. гр. I. 303. 340. — Das Gr. Reich. v. Mosc. 205). На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подубрусники: то были шапочки на подобіе скуфы изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно

было ихъ стуживать и расширять и съ опшивкою или оторочкою по краю; эти опшивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданого. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для ней большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобъ даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ; а въ новгородской землѣ вошло было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрсомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кики: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а иногда все состояло изъ серебряннаго листа, подбитаго матеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя переперы, также разукрашенныя; изъ-подъ нихъ, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числомъ около четырехъ или до шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, или соболинаго, или боброваго мѣха и называлась подзатыльникъ. По краинѣ всей кики пристегалась жемчужная бахрама, называемая поднизью. Третій родъ головнаго убора былъ кокошникъ, у богатыхъ также обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытыми золотными матеріями, жемчужинами и камнями; съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки, очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотою запоною напередѣ и съ поднизью или кружевомъ по краинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напимѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизѣ, называемыя рясѣ. У другихъ вѣнцы были

проще фигурую и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвчества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину (De Bruyns. 48). Зимомъ дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась столбунцемъ; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ. Дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади суживались и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы, какъ мужчины ихъ растили по этому поводу. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ и у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пукамъ волосъ на вискахъ. (С. г. гр. 303. 410. — А. И. II. 406. — А. Ю. 419. — А. отн. къ юр. б. 563. — Достоп. Крем. 72. — Olear. 135. 179. 211. — Fletch. 273. 275. — Crull. 138. — Das. Gr. Reich. v. Mosc. 205. — Опис. Шуй 403.)

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ и у простыхъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; иныя назывались двоичны, то есть двойныя, другія единцы. Вообще серьги русскія были очень длинны. Бѣдныя женщины носили мѣдныя, болѣе зажиточныя — серебряныя, богатые женщины золотыя съ драгоценными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотыя со множествомъ мелкихъ камушковъ, называемыхъ пскрами. У нѣкоторыхъ были серьги изъ цѣльныхъ драгоценныхъ камней, обдѣланныхъ въ формахъ: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленныхъ насквозь, съ двумя вставленными въ дырочки жемчужинами. (А. Ю. 97. 119. — А. И. II. 405. — А. г. Шуй 185. — Барбер. 85).

На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, то есть bracelets, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ же много, какъ и у мужчинъ. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ между прочимъ тѣмъ, что на нихъ не вырѣзывалось печатей и они вообще не были такъ массивны, какъ мужскіе; перстни эти были большею частію золотые

съ искрами, то есть мелкими камышками, или съ сердоликами; у небогатыхъ серебряныя позолоченныя, съ мелкими жемчужинами. Шея женщины и дѣвѣцы была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланныя финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Москвитіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромныя сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ; иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кириловны, которое на нее надѣли послѣ взятія въ дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. (А. г. Шуи 133, 185.—А. Юр. 47. 410.—А. И. П. 405. — Барбер. 50.—С. г. гр. П. 134.—Fletch, 274.—Petr. 317.—Das gr. Reich. v. Mosc. 215.—Врем. IV. см. 22).

Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, — русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собою отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, по замѣчанію Олеарія, казалось, будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ — чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ не идетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Федоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться; но тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силенъ былъ этотъ обычай; а между тѣмъ церковь его не оправдывала, и въ 1661 году новгородскій митрополтъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленныхъ женщинъ (Oleag. 180.—Crull 139.—Petr. 307.—А. И. IV. 297).

Въ рукахъ у женщины былъ платокъ, называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми каймами и ки-

стями. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ; ихъ носили надъ ними рабыни. (А. г. Шуи 174. — Mejerb.)

Бѣдныя поселанки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали лѣтники иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто навиднаго платья, поселанки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или серемаги, называемую сѣрникъ. При большей зажиточности, поселанки носили на головахъ платки шелковыя, а сверху лѣтника однорядку изъ красной или синей крашенины, зендея или зуфи; зимою носили овчинныя тулупы. Дѣвицы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры въ видѣ короны. Впрочемъ при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ. О томъ, чтобъ платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части одежды кроились и шились дома; отдавать на сторону не считалось даже признакомъ хорошаго хозяйства. Русскіе не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы блестяло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было талии: онѣ были мѣшки, приходившіеся на каждую, лишь бы не очень высокаго и не очень низкаго роста и вполне соответствовали пословицѣ: не ладно скроено, да крѣпко сшито. По русскимъ понятіямъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стана не считалась красавицею, напротивъ ей предпочитали тучную, мясистую. Притомъ русскіе считали особенною красотою, чтобъ у женщины были продолговатыя уши и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваньемъ и съ покроемъ платьевъ, чтобъ для иностранцевъ и для насъ въ настоящее время, усвоившихъ западные понятія, представить въ русской женщинѣ верхъ безвкусія и уродливости.

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды почти всегда лежали въ клѣткахъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхло-сти. Только въ большіе праздники и въ торжественные случаи, какъ напр. свадьбы, ихъ доставали и надѣвали; въ обыкновенные воскресные дни русскіе ходили въ менѣе богатомъ нарядѣ, а въ будни не только простой народъ, но и люди обоего пола средняго сословія и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и ихъ жены ходили въ платьяхъ изъ грубаго холста или сукна, притомъ грязныхъ, поноше-

ныхъ и часто съ заплатками; за то когда надобно было показать себя, русскій скидалъ свои отрепья, вытаскивалъ изъ клѣтей отцовскія и дѣдовскія одежды и навѣшивалъ на себя, на женъ и надѣтей все, что собрано было по частямъ имъ самимъ, отцами, дѣдами и бабками. Имѣть хорошее платье почиталось необходимымъ для сколько-нибудь зажиточнаго хозяина. Богатая одежда служила признакомъ благосостоянія и достоинства, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда приходилась ему нужда прикинуться не бѣднякомъ, бралъ у сосѣда на прокатъ платье и платилъ за это. Съ этимъ взглядомъ, во время прїѣзда въ Москву чужеземныхъ пословъ, правительство раздавало дьякамъ, придворнымъ и гостямъ вышитые золотомъ кафтаны, чтобъ прїѣзжимъ чужеземцамъ показать толпу одѣтыхъ въ золото, чтобъ чужеземцы заключили о Россіи, что эта страна сильная, богатая и народъ въ довольствѣ живеть подъ царскимъ скипетромъ. (Домостр. 54. — Petr. 2. 86. — Carlis. 322. — Meierb. 100).

Чтобъ дать понятіе о гардеробѣ мужчины средняго состоянія, мы приведемъ здѣсь одежду подъячаго Красулина, сосланнаго въ Колу. У него было три однорядки — одна темнозеленая, другая вишневая; три кафтана: одинъ праздничный камчатный, другой дорожный, третій суконный; два были червчатого цвѣта, а третій зеленый; двое штановъ, обое красные: одни изъ дороговъ, другіе суконные; красныя фериазы; четыре шубы, изъ которыхъ одна покрыта камкою съ серебряннымъ кружевомъ и серебрянными пуговицами, а три покрыты дорогами желтаго и краснаго цвѣтовъ; два ожерелья стоячихъ, одно оксаматное, другое шитое золотомъ пополамъ съ серебромъ по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и нѣсколько лоскутовъ сукна и небогатыхъ матерій (Врем. VI.).

Х.

пища и питье.

Русская кухня вполне была національная, то есть основывалась на обычаяхъ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Богатые господа составляли себѣ роспись кушаньевъ на цѣлый годъ: счетъ шелъ по церковнымъ праздникамъ, по

мясоѣдамъ и постамъ; для каждаго дня, сообразно съ значеніемъ его въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ; впрочемъ это не стѣсняло возможности выбора кушаньевъ и по охотѣ, потому что въ росписи писалось множество кушаньевъ, изъ которыхъ можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный, а по припасамъ, изъ которыхъ готовились кушанья, они могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ: мучнистыя, молочныя, мясныя, рыбныя и растительныя.

Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностію не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе хлѣбъ — значило собственно ржаной. Иногда, впрочемъ, къ ржаной мукѣ примѣшивали ячную, но это не могло быть постояннымъ правиломъ, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и пословица: калачемъ не заманишь. Лучшій сортъ калачей пекся изъ крупчатой муки въ видѣ колець не въ большомъ размѣрѣ; другой сортъ дѣлался изъ толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; былъ третій родъ, называемый смѣсными калачами: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаною. Это дѣлалось не только отъ недостатка, но находили въ такой смѣси особый вкусъ: къ царскому столу подавались такіе калачи. Вообще хлѣбы, какъ ржаные, такъ и пшеничные, готовились безъ соли, и не всегда заботились, чтобъ мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина XVI вѣкѣ, совѣтуетъ печь хлѣбы преимущественно изъ муки, которая уже подвергается затхлости, и научастъ давать такую же муку въ займы тому, кто попроситъ. (А. И. II. 203. 428.—Коших. 63.—Steph. Borg. Nacl. 308.—Мейерб. примѣч. 476.—Колл. 17.).

Въ XVI и XVII в. въ большомъ употребленіи въ народѣ было толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою; въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаною мукою (А. И. I. 327).

Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. По способу печенія они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ кваснаго тѣста, пряженые иногда изъ кваснаго, иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная крупчатая или толченая, смотря по важности

дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги въ старину имѣли продолговатую форму и различную величину; большіе назывались пирогами, малые пирожками. Въ скоромные дни, они начинялись бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, напр., бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яйцами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ съ искрошенными яйцами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо, приготовляемое въ родѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, особенно съ сигаами, снѣтками, лодогой, съ одними рыбными молоками или съ вязигой, на маслѣ коноплянномъ, маковомъ или орѣховомъ; крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей или съ сарацинскимъ пшеномъ. Въ постные нерыбные дни пеклись они съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, на какомъ нибудь растительномъ маслѣ, или сладкіе съ изюмомъ и другими разными ягодами. Сладкіе пироги пеклись и не въ постъ вмѣсто пирожныхъ. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему: *межъ узъ*.

Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — слобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ коровай битый, который взбивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный — въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій на большомъ количествѣ яицъ, коровай съ сыромъ, коровай братскій и проч. Яйца, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ коровай, а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то есть пастетъ, начиненный курицею, яйцами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ; алады, котломъ, сырники, блины, хворосты, кисели. Алады дѣлались изъ крупчатой муки, яицъ, коровьяго масла, а въ постные дни безъ яицъ съ орѣховымъ масломъ и подавались вообще съ патокой, сахаромъ или медомъ. Алады огромнаго размѣра назывались приказными аладьями, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличившаяся отъ аладей тѣмъ, что количество яицъ въ ней было меньше; она подавалась съ патокой. Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока съ небольшимъ количествомъ крупчатой муки. Блины дѣлались красные и молочные: первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яйца входили въ послѣдній сортъ. Блины не составляли принадлежности масляницы, какъ теперь, — символомъ

масляницы были пироги съ сырѠмъ и хворосты, — вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстяныя шишки, левашники, перепечи, орѣшки: все эти виды подавались въ маслѣ; такія же кушанья готовились въ постъ съ растительнымъ масломъ. Кисели дѣлались изъ овсяной и пшеничной муки и подавались въ скоромные дни съ молокомъ, въ постные съ постнымъ масломъ. Каша приготавливалась изъ крупъ овсяныхъ или гречневыхъ, пшенная каша была рѣдко. Изъ молочныхъ кушаньевъ въ употребленіи была вареная лапша съ подливомъ въ нее свѣжаго, топленаго молока, варенцы, молочная каша разныхъ видовъ, губчатый сыръ изъ творога со сметаню, кислый сыръ (А. И. I. 327. 527. II. 428. IV. 152. — Врем. VI.).

Мясныя кушанья были варенныя или жаренныя. Варенныя подавались въ штяхъ, ухѣ, розсолѣ и подъ зварами; шти забѣливались сметаню во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ штямъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая капуста. Къ штямъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляли принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикю называлась черною ухю, съ перцемъ бѣлюю, а безъ пряностей голюю. Розсолъ былъ родъ пынѣшней солянки: варилося мясо въ огуречномъ розсолѣ съ примѣсю пряностей. Зваромъ назывался всякаго рода соусъ. Жаренныя мясныя кушанья были верченныя, шестыя, печенныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, слѣдовало облупить его и распределить на нѣсколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или шти; лопатки и почки на жареное; кроки подавались подъ зваромъ; ножки начинивались яицами; рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и обвернувъ переповкою, жарили на сковородѣ; легкое приготавливали со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яицами; изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку или соусъ съ пряностями, а изъ густо-свареной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготавливали холодный студень. Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила въ старину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили въ прокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, — служили для обыденной пищи и подавались подъ студнемъ, подъ зварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіи года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свиное мясо солилось

или коптилось и ветчина употреблялась на зимній шти, а голова, ноги, кишкы, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленіяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе въ старину любили свинину, кажется, больше чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), разсолные (въ разсолѣ вареные), и подъ зварями, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь, но другіе объясняли, что зайца ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобъ онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать на торгахъ зайцевъ безъ испущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. (А. А. Э. III. 46.); но нигдѣ не видно, чтобъ церковь вооружалась противъ употребленія зайцевъ въ пищу вообще. Наравнѣ съ зайцами нѣкоторые чуждались, или по крайней мѣрѣ остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ звѣрей составляли роскошь царскихъ и боярскихъ торжествъ.

Куры подавались въ штахъ, ухѣ, разсолѣ, жареныя на рожняхъ, вертелехъ, называемыя по способу ихъ приготовленія, жареными и верченными. Шти съ курицей назывались богатыми штами и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавали что нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Кура рафленое былъ употребительный въ XVII в. соусъ изъ курицы съ сарацянскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями; кура безкостное — соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ бараннины или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами куриные цулки, шейки, печенки и сердца. Другія птицы, употребляемыя въ пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки — во штахъ и жареныя, гуси — шестные, начинивались гречневой крупой и приправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей приготавливали полотки, которыя ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ; гусиные потроха шли въ уху или въ особія кушанья подъ зварями. Рябчики, тетерева и куропатки — кушанья зимнія — обыкновенно подавались: первый приправленный съ молокомъ, прочіе жареные съ сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ зваромъ съ топешками, т. е. изрѣзанными ломтиками калача, опущенными въ коровье масло; потроха лебляжи, какъ и гусиные, подавались подъ медвянымъ зваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Московіи было много и она была дешева, но вообще русскіе не очень любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и

пряныя приправы; такъ рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Исчисляя мясныя кушанья, нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньи, которое называлось *похмѣлье*: это изрѣзанные ломтики холодной баранины, смѣшанной съ мелкойскрошенными огурцами, огуречнымъ рассоломъ, уксуомъ и перцемъ; его употребляли на похмѣлье. (Врем. VI.—А. И. П. 431. — Пав. Іов. — Olear. 209. — Petr. 318. — Jenkins. 350.).

Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыбъ были: лососина, привозимая въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская ладога и сырть, бѣлозерскіе снятки и рыбы всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ щипаная, копченая. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ и складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ, и это называлось вывѣтривать: тогда уже рыба получала названіе провѣсной, а если хорошо вывѣтривалась, то *вѣтряной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась уже не въ погребъ, а въ сушильщя пластами и прутами; пластовая рыба клалась на придѣланные къ стѣнамъ сушила полицы, а прутовая кучею подъ рогожами. Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла; но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но еще предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ: достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: еще не поспѣла! При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только жившіе около рыбныхъ мѣстъ; въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ; она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ; масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою на астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: шти, уха и рассольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбныхъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ щипомъ или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шаф-

рава и корицы. По способамъ приготовления въ русскомъ столѣ различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченки приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Шти дѣлались кислые съ свѣжей и съ соленой рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой въ родѣ истертой въ порошокъ муки; при этихъ горячихъ кушаньяхъ подавали пироги съ рыбными начинками или кашею. Разсолное приготовлялось обыкновенно изъ красныхъ рыбъ: осетрины, бѣлужины и лососины. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни лѣтомъ подавалось ботвинье съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсю крупы или пшена, приготовлялось кушанье, называемое рыбная каша; а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу клали и въ пироги. Приготовляли изъ рыбъ тѣльное въ родѣ котлетъ: смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь зваромъ. Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ: свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбцы составляла роскошь; но во всеобщемъ употребленіи была паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая — самаго низшаго достоинства, которую покупали бѣдные простолюдины. Икру вообще употребляли съ уксусомъ, перцемъ и искрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры, употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую: въ посты рускіе дѣлали икрянники или икрянныя блины: это было взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсю крупчатой муки, и потомъ запаренная.

Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, каравай съ грибами и съ пшеномъ, разнаго рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженный, сыръ гороховый, то есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ рускіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ

большаго употребленія чеснока, русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою непріятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Эти два зелья — лукъ и чеснокъ—дѣлались какъ бы предметомъ первой необходимости: такимъ образомъ, они давались въ числѣ кормовъ, которые обязаны были жители давать писцамъ, посылаемымъ для составленія писцовыхъ книгъ. Перець, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда, и каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это дѣлается во многихъ мѣстахъ и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ русскіе не любили соленаго: это дѣлалось для того, чтобъ каждый гость могъ брать сколько хотѣлъ, и въ тѣ времена русскіе не находили разницы во вкусѣ того, что посолено во время приготовленія кушанья, отъ того, что солили уже на столѣ. За то, всѣ любили соленое въ прокъ, и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу больше въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посуды съ такими солениями, наветенныхъ камнями и засѣченыхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ такъ и у бѣдныхъ. (Домостр. 102.—Врем. VIII. — Русск. Вѣст. 1841. 733.—Olear. 209.—Кильбург. 20. — Ювій 16. — Барбер. 56.—Herberst. 38. — А. И. 1. 328. — IV. 520.—Доп. III.—Коллинсъ 40.—Strauss 195.)

Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патоку, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патоку и въ квасу, то есть клали въ боченки и наливали патокой, потомъ закрывали, но не плотно, чтобъ «кислый духъ выходилъ», или же, отобравши свѣжихъ яблоковъ, прорѣзывали въ нихъ отверстія и наливали туда патоки; изъ малины дѣлали морсъ, употребляемый съ водою, изъ брусники брусничную воду. Было въ обыкновеніи лакомство, называемое леваша: его дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потомъ протирали сквозь сито и вслѣдъ затѣмъ варили снова, уже съ патокой, густо мѣшая во время варенія; потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки. Другое лакомство было постла, приготовляемая изъ яблокъ. Яблоки клали въ сыту и па-

рили, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженыя творила, давая закипеть, и опрокидывали внизъ. Постилу дѣлали также и изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Рѣдку въ патокѣ приготавливали такимъ образомъ: сначала окрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики, vzdѣвали на спицы, такъ чтобъ ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ, и вываливали на солнцѣ или въ печахъ послѣ печенья хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паусная икра и называлась мазюня; такую же мазюню приготавливали подобнымъ способомъ изъ сухихъ вишенъ. Изъ арбузовъ, которые привозились въ Московію съ низовьевъ Волги, у насъ приготавлилось такое лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры кусками не толще бумаги, клали на сutki въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, инбиремъ, корицею и мускатомъ и потомъ клали туда арбузы. Подобнымъ образомъ приготавливали лакомства и изъ дынь. Русскіе варили въ сахарѣ и въ патокѣ привозные плоды: изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы, инбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготавлиемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокой, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, инбиря и проч.; одинъ родъ взвара назывался медвянымъ, другой кваснымъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовления и по цвѣту различалось нѣсколько видовъ сахара: сахаръ свороборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось чрезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ. (Кн. о ѣств. 28. — Врем. VI. — Olear. 174. — А. И. I. 327. II. 14. 423.

Напитки, употребляемые русскими въ старину, были квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно

было встрѣтить и квасоварныя заведенія и квасниковъ, продающихъ квась въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квась былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простаго, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся изъ разсыченаго въ водѣ меда, процѣженнаго, съ примѣсю калача вмѣсто дрожжей. Этотъ растворъ стоялъ нѣсколько времени съ калачомъ, потомъ сливали его въ бочки. Его качество зависѣло отъ сорта и количества меда: для царей, напримѣръ, собирали лучшей медъ во всемъ государствѣ на квась; такого же рода медвяные квасы дѣлались въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, имѣвшихъ свои пчельники; и оттого медвяный квась въ народѣ носилъ эпитетъ монастырскаго. Ягодные квасы дѣлались такимъ же образомъ изъ меда и воды съ добавкою ягодъ, вишень, черемухи, малины и проч.; этого рода квась также можно встрѣтить было чаще всего въ монастыряхъ, а у зажиточныхъ людей онъ служилъ для угощенія людей низшаго званія. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе готовить у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Нѣкоторые хозяева *подпаривали* его патокою, то есть готовое пиво сдѣживали съ дрожжей и сливали въ другую бочку, потомъ, взявши этого пива ведро, примѣшавъ туда патоки, варили до кипятка, потомъ простуживали и сливали назадъ въ бочку, а иногда подбавляли туда ягодныхъ смѣсей. Последняго рода пиво называлось поддѣльнымъ пивомъ.

Оригинальное и лучшее русское питье было медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ.

Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кромѣ того, по способу приготовленія и по разнымъ приправамъ, меды имѣли названія: простой медъ, медъ прѣсный, бѣлый, красный, медъ обарный, медъ боярскій, медъ ягодный. Медъ, называемый обарнымъ, приготовляли слѣдующимъ образомъ: разсычали медовый сотъ теплою водою, процѣживали сквозь частое сито, такъ чтобъ медъ отдѣлился отъ восчины, потомъ клали туда хмѣлю, полагая на пудъ меда полведра хмѣля, и варили въ котлѣ, безпрестанно снимая пѣну ситомъ, когда же эта жидкость уваривалась до того, что въ котлѣ оставалась ея только половина, тогда выдвигали изъ котла въ мѣрникъ и простуживали не на сильномъ хо-

лодѣ, и бросали туда кусокъ ржаного хлѣба, натертаго патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобъ она окисла совершенно, наконецъ сливали ее въ бочки. Боярскій медъ отличался отъ обарнаго тѣмъ, что, при разсыченіи меда, бра-лось медоваго сота въ шесть разъ больше, чѣмъ воды; онъ кисъ въ мѣрикахъ недѣлю, потомъ его сливали въ бочку, гдѣ онъ стоялъ другую недѣлю съ дрожжами; потомъ уже его сливали съ дрожжей, подпаривали патокой и наконецъ сливали въ другую бочку. Ягод-ный вареный медъ приготовлялся такпмъ образомъ: ягоды вари-лись съ медомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно распикали; тогда эта смѣсь снималась съ огня; ей давали отстояться, потомъ ее про-цѣживали, сливали въ медъ, уже сваренный прежде съ дрожжами и хмѣлемъ, и запечатывали.

Ставленные меда приготовлялись какъ квасы, но съ дрожжами или хмѣлемъ и потому отличались отъ квасовъ своимъ охмѣляю-щимъ свойствомъ. Ставленный ягодный медъ былъ прохладитель-ный и пріятный напитокъ. Его дѣлали обыкновенно лѣтомъ изъ ма-лины, смородины, вишень, яблокъ и проч. Въ посудину клали свѣжихъ спѣлыхъ ягодъ, наливали водою (вѣроятно отварною) и давали стоять до тѣхъ поръ, пока вода не принимала вкуса и цвѣта ягодъ (дни два или три), потомъ сливали воду съ ягодъ и клали въ нее отдѣленнаго отъ воска чистаго меда, наблюдая, чтобъ выходило по кружкѣ меда на двѣ или на три воды, сообразно желанію придать напитку болѣе или менѣе сладости, потомъ бросали туда нѣсколько кусковъ печеной корки, дрожжей и хмѣля, и когда смѣсь эта начи-нала вскисать, то хлѣбъ вынимали прочъ, чтобъ она не приняла хлѣб-наго вкуса, медъ на дрожжахъ оставляли отъ пяти до восьми дней въ тепломъ мѣстѣ, а потомъ снимали и ставили въ холодное. Нѣко-торые бросали туда пряности: гвоздику, кардамонъ, инбирь. Медъ ставленный держался въ засмоленныхъ боченкахъ и былъ иногда до того крѣпокъ, что сшибалъ съ ногъ.

Къ разряду прохладительныхъ напитковъ относился березовый сокъ или березовецъ, добываемый въ апрѣлѣ изъ березъ.

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка во-обще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта; обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые упо-ребляли тройную и даже четвертную, то есть четыре раза перегон-ную водку и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ

пряноствѣхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настанвали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, звѣробоѣ, бадягѣ, съ амброй, на селитрѣ, съ померанцовой и лимонной коркой, съ можжевелникомъ и дѣлали наливки на разныхъ ягодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но и во время обѣда, и послѣ обѣда, и во всякое время дня.

Иностранная вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но по мѣрѣ того, какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнію, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселья компаніи. Изъ винъ въ большемъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романѣя. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности.

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или подвалахъ, которыхъ было иногда нѣсколько при домѣ. Они дѣлались съ разными отдѣлами, въ которыхъ ставили бочки, лѣтомъ во льду. Бочки были беременныя или полубеременныя. Вмѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку въ тридцать, а полубеременную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностію, наиримѣръ, въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ своего мѣста, а питье пропускалось въ нихъ и добывалось изъ нихъ черезъ отверстіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловяники или мѣрники — большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды. (А. И. I. 335. II. 13. 286. 339. 572.—III. 305.—А. А. Э. I. 308. III. 92.—Petr. 318.—Др. Русск. Вивл. VI. 298. — Доп. I. 217. VI. 87. 88. 324. — С. г. гр. III. 255. — Домостр. 81.—Русск. Достоп. I. 63. — Коших. 61.—Контар. 20. — Olear 205.—Jenkins. 358. 361. — Herberst. 29. 43. — Барбер. 79. — Врем. VI. Книг. о ѣств. — Кильб. 190.

Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Феодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новостъ, чай. Первый разъ чай былъ присланъ въ даръ Михаилу Феодоровичу отъ монгольскаго государя. Во второй половинѣ XVII вѣка знатные лица употребляли его какъ лѣкарство и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ отдаленнаго народа сдѣлается со временемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

XI.

ОБРАЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

Предки наши, какъ знатные такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката — первымъ часомъ ночи. Само собою разумѣется, что, при такомъ времясчисленіи, количество денныхъ и ночныхъ часовъ на самомъ дѣлѣ могло быть одинаково и равно только во время равноденствія, а потому это время и принималось за норму: изъ двадцати-четырёхъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили къ дню, а другіе двѣнадцать къ ночи; несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время лѣтняго солнцестоянія число денныхъ, а во время зимняго число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати. Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера — первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ: на исходѣ ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третій, шестой и девятый знаменовали равноименные денные часы, а вечерня — окончаніе дня. Русскіе согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ, и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличіемъ, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, оцъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ омовеній и умываній одѣвались и приступали къ моленію.

Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени и благочестіе требовало, чтобъ встать еще равнѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала елуженія заутрени. Если же день былъ простой или почему нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ.

Въ комнатѣ, назначенной для моленія, — крестовой — или когда ея не было въ домѣ, то въ той, гдѣ стояло побольше образцовъ, собиралась вся семья и прислуга : зажигались лампы и свѣчи ; курили ладономъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми вслухъ утрення молитвы; иногда читался такимъ образомъ заутреня и часы, смотря по степени досуга, умѣнья и благочестія; умѣвшіе пѣть, пѣли. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домашнія церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, смотрѣвшій за церковью или часовнею, и послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святою водою.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали пелены на образахъ и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будить госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ, мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію : и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочки послать, и такимъ своимъ умѣньемъ внушала къ себѣ уваженіе. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужевъ, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Ключникъ не всегда спрашивалъ объ этомъ хозяина, а зналъ напередъ, что слѣдуетъ готовить по годовой росписи; обыкновенно въ такомъ случаѣ ключникъ получалъ отъ хозяина деньги на извѣстный срокъ и по истеченіи срока отдавалъ отчетъ. Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ : наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ предъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса, а страднымъ (то есть рабочимъ) овсяной муки или невѣйницы, приказывалъ проводить лошадей передъ собою къ жолобамъ, устроеннымъ вблизи конюшни для воды

ноя; потомъ заходилъ въ клѣвы: коровій, свиной, птичій, приказывалъ скотникамъ пригонять передъ себя нѣсколько отборныхъ штукъ скота, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ и посыпалъ зерно курамъ и гусямъ, потому что когда самъ хозяинъ изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ, то отъ того плодородіе умножается. Иногда, возвратившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, завѣдывавшаго всѣми кладовыми и надворными строеніями и слушалъ его доклады; когда нужно было, то осматривалъ съ нимъ что нибудь, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбираалъ дѣла между слугами. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій, хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Приступая къ началу дневнаго занятія, будь то приказное писательство, или черная работа, русскій считалъ приличнымъ вымыть руки, сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами, а если предстоитъ случай или возможность, то принять благословеніе священника.

Въ десять часовъ по вашему счету (въ шестомъ часу дня) служились обѣдни. По духу времени въ тѣ времена цари, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, всякій день ходили въ церковь, да и частные люди, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при первой возможности хаживали къ обѣднѣ и въ будни, особенно въ пятницы и субботы; всякій же церковный праздникъ толпа народа наполняла храмы, но текуція дѣла однако не прерывались отъ этого.

Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочкики, парни изъ простонародія, холопы, пріѣзжіе въ городахъ и посадахъ наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ. Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи: жены съ дѣтьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне — хозяева осѣдлые, вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи; впрочемъ иногда семейные члены, составлявшіе съ своими семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него и особо; во время же званыхъ обѣдовъ особы женскаго пола никогда не обѣдали тамъ, гдѣ сидѣлъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое-домашнихъ служебныхъ чиновъ завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ находилъ

ся въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставкѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ.

Въ обычномъ царскомъ быту кушанье прежде всего отвѣдывалъ поварь, въ присутствіи дворецкаго, который являлся за каждою перемѣною съ толпою жильцовъ; сдѣвъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впередъ ихъ въ столовую и передавалъ крайчему, который также отвѣдывалъ и ставилъ предъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали разрѣзанное на тонкіе куски, такъ что можно было взять ихъ въ руки и понести въ ротъ; отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стояшаго предъ гостями блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случилось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка въ одной мисѣ и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; имъ не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивались, рыгали и къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другія неприятныя зловонія.

Прежде всего пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя, а далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья и наконецъ овощныя сласти. Въ постные дни тѣмъ же порядкомъ подавали холодную рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. На званныхъ обѣдахъ было иногда чрезвычайное множество кушаньевъ — до сорока и до пятидесяти перемѣнъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притомъ нечистыми руками.

Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ, иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ; тогда-то въ Москвѣ на Виши-

вомъ рынокѣ собиралась толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ Самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, имѣя возможность и достатокъ.

Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера по нашему счету предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались въ дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Въ 1669 году постановлено правиломъ, чтобъ приказные люди сидѣли съ перваго до восьмага часа ночи,—такъ-какъ это было зимою, то вѣроятно до десяти часовъ по нашему счету, считая первымъ часомъ ночи не седьмой часть суточного дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріатели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампы, зажигался свѣчъ передъ образами; домочадцы и прислуга собирались на моленіе. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать. Сколько нибудь зажиточные супруги имѣли всегда особые покои съ тою цѣлію, чтобъ не спать вмѣстѣ въ ночи предъ господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и въ посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились предъ образами въ спальняхъ; ночная молитва считалась пріятнѣе Богу чѣмъ дневная: «тогда бо вошію умъ ти есть легчае къ Богу и могутъ тя убо на покаяніе обратити ношныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ... и паче дневныхъ молебъ приклонитъ ухо свое Господь въ ношныя молитвы» (Рук. Пог. Собр. Публ. Библ. № 1310). Впрочемъ нѣкоторыя старинныя духовныя поученія не обязывали супруговъ удаляться отъ общаго ложа въ посты: Петровскій и Рождественскій: «а въ Петрово говѣнье и въ Филиппово невозбранно мужемъ съ своими женами совокуплятися, развѣ блюсти среду, пятокъ и субботу и недѣлю и господскихъ праздниковъ» (Рум. Муз. № 359). На Святой не-

дѣлѣ цари обыкновенно опочивали отдѣльно отъ царицъ, и когда царю угодно было спать вмѣстѣ съ царицею, то послѣдней давалось объ этомъ знать заранее и назначалось: или приходилъ къ царю или царя къ себѣ ожидать, а на другой день оба ходили въ мыльню. Такъ наблюдалось между всѣми болѣе или менѣе и вообще считалось необходимымъ послѣ ночи, проведенной супругами вмѣстѣ, ходить въ баню прежде, чѣмъ подойти къ образу. Набожные люди почитали себя недостойными даже и омывшись на другой день вступить въ церковь и стояли предъ дверьми храма, хотя черезъ это и подвергались двусмысленнымъ взглядамъ, а иногда и замѣчаніямъ молодыхъ людей, которые догадывались, что это значило. (Домостр. 17. 27. 64. 75. — П. С. З. I. 828. — Доп. I. 55. — Fletch. 254 — 260. — Olear. 142. 193. — Mejerb. 60—63. — Petr. 318. — Das gr. Reich v. Mosc. 196—203. — Маржер. 29. — Кильбург. 67).

Русскіе вообще ходили въ баню очень часто: она была первою потребностію въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденія. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня, какъ уже сказано объ этомъ; сверхъ того для простонародія и для пріѣзжихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскія мыльни, гдѣ за входъ платили деньги, составлявшія во всемъ государствѣ вѣтвь царскихъ доходовъ. По извѣстію Кошкина, ежегодно сабиралось такимъ образомъ до двухъ тысячъ рублей со всѣхъ мыленъ, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго дворца. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Въ лѣтніе жары запрещалось ихъ топить въ предупрежденіе пожаровъ, съ нѣкоторыми исключеніями для больныхъ и родильницъ, по волѣ воеводъ. Тогда-то особенно наполнялись царскія мыльни; впрочемъ, запрещеніе топить свои собственныя касалось болѣе посадскихъ и крестьянъ; люди высшаго значенія всегда пользовались исключеніемъ. Баня для русскаго была такою необходимостью, что по поводу запрещенія топить ихъ, жители грозили правительству разбрестись врознь изъ своихъ домовъ.

Обыкновенно ходили въ мыльню послѣ обѣда, не страшась отъ этого вредныхъ послѣдствій. Жаръ былъ вестерпимый. На скамьяхъ и полкахъ постилалось сѣно, которое покрывали полотномъ. Русскій ложился на него и приказывалъ себя бить до усталости, потомъ выбѣгалъ на воздухъ и бросался лѣтомъ въ озеро или рѣку, подлѣ которыхъ обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снѣгу или обливался холодною водою на морозѣ. Всегда кто ходилъ въ мыльню, тотъ и парился: это было всеобщимъ обычаемъ. Въ общественныхъ мыльняхъ было два отдѣленія: мужское и женское; они отдѣлялись одно отъ другаго перегородками, но входъ и въ то и въ

другое былъ одинъ; и мужчины и женщины, входя и выходя въ одну дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою, а иногда разомъ выбѣгали изъ мыльни и вмѣстѣ катались по снѣгу. Въ болѣе отдаленную старину было въ обычаѣ и мужчинамъ и женщинамъ мыться въ одной мыльнѣ, и даже чернецы и черницы мылись и парились вмѣстѣ.

Жившіе въ Москвѣ вѣмцы заимствовали отъ русскихъ ихъ мыльни, но придали имъ болѣе комфорта. Эти мыльни приобрѣли въ Москвѣ славу. Вмѣсто голыхъ скамей у нихъ были тюфяки, набитые пахучими травами; передбавники были особые и чистые, гдѣ можно было удобно раздѣваться и одѣваться; такого удобства нельзя было встрѣтить въ русскихъ баняхъ. Послѣ мытья обтирали и клали въ постель; тутъ женщина приносила медъ для подкрѣпленія.

Баня была самымъ главнымъ лѣкарствомъ отъ всякихъ болѣзней: коль скоро рускій почувствуетъ себя нездоровымъ, тотчасъ выпьетъ водки съ чеснокомъ или перцемъ, закуситъ лукомъ, и идетъ въ баню париться.

Для простаго народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какую отличались рускіе, удивляя этимъ иностранцевъ. Но что касается до высшихъ классовъ общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездѣйствіе и изнѣженность; въ особенности женщины высшаго состоянія отличались этимъ и казались хилыми и брюзglyми. (А. И. П. 287. — А. А. Э. IV. 58. — Стогл. Вопр. 18. — Olear. 268. — Mejerb, 151. — Strauss. 205. — Fletch. 268. — Carl. 347. — Jenkins. Nacl. 361.

ХII.

здоровье и болѣзни.

Въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскою изнѣженностью и византійскою расслабленностію. Когда знатный человекъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебряѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ за разъ, деревенскій бѣднякъ, во время частыхъ неурожаевъ, ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвицы не занимались даже хозяйствомъ и осужденныя на бездѣйствіе, только для того, чтобъ убить томительную скуку своихъ горящъ и повалушъ, брались за выщипыванья убрисовъ и цер-

ковныхъ облаченій, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужьевъ. Съ одной стороны достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка поставлялась недѣятельность, извѣженность, неподвижность; русскія женщины нерѣдко пили особаго рода водку, чтобъ растолстѣть, — съ другой стороны, русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостію, твердостію, равнодушіемъ ко всякимъ лишеніямъ удобствъ жизни, тяжелымъ для европейца, умѣренно трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ правильнымъ и расчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства приучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ груди послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятяшки бѣгали въ однихъ рубашкахъ безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ, какъ уже было замѣчено, вообще не зналъ, что такое постель. Посты приучали народъ къ грубой и скудной пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жадѣ. Подвиги служивыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые края съ скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги, истративъ ихъ принуждены бывали по нѣскольку мѣсяцевъ сряду питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были избираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простаку благопріятствуетъ счастье, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатаго или знатнаго лица; за то знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкнется съ суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. Съ одинаковымъ возрѣніемъ на жизнь, съ тѣми же вѣрованіями и понятіями, какъ у простолюдиновъ, знатные люди не успѣли отдѣлиться отъ массы народа и образовать замкнутое въ себѣ сословіе. Посты имѣли въ этомъ отношеніи благотѣльное вліяніе на правственность и на поддержку основъ равенства въ народѣ; посты не давали богачу утопать въ обжорствѣ и сластолюбіи до невозможности низойти къ убогому столу

простолюдина. Въ посты царь ѣлъ одну пищу съ крестьяниномъ. Небезопасное положеніе края, частыя войны, неудобства путей и затруднительность сообщенія между частями государства не допускали высшіе слои русскаго варода опуститься въ восточную нѣгу: они всегда должны ожидать слишкомъ внезапной разлуки съ своими теплыми домами и потому не могли къ нимъ пристраститься; слишкомъ часто приходилось голодать имъ по неволѣ, чтобъ быть не въ силахъ обходиться безъ пряностей и меда; слишкомъ повсемѣстно встрѣчали смерть, чтобъ дорожить вялою жизнью. Съ другой стороны въ простолюдинѣ, даже въ его вѣдетѣ проглядывала склонность къ восточной изнѣженности и вялости, одолевавшей богачей: русскій мужикъ любилъ поспать, покачаться на печкѣ, повѣжтися и, если удивлялъ иностранцевъ терпѣніемъ, то не отличался сознательнымъ трудолюбіемъ.

При способности и готовности переносить труды и лишения, русскій народъ, хотя не отличался долговѣчностію, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней только эпидемическія наносили иногда значительныя опустошенія, потому что мѣры противъ нихъ были слабы и ограничивались неискуснымъ стараніемъ не допустить заразы распространяться съ мѣста на мѣсто. Моровыя повѣтрія нерѣдко оставляли ужасныя слѣды по всей Россіи. Изъ обыкновенныхъ болѣзней, которымъ русскіе чаще всего подвергались, были гемаріордальныя, столь свойственныя нашему климату, упоминаемыя въ старину подъ разными наименованіями припадковъ головной боли, теченія крови, запоровъ (закладъ), болей въ спинѣ и тому подобное. Нервныя болѣзни, если не были слишкомъ часты, за то обращали вниманіе своими явленіями: эпилептическіе, каталептическіе, истерическіе припадки приписывались порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, при посредствѣ злыхъ духовъ; болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчюгъ, френьчугъ, бѣснованіе, разслабленіе, трясеніе, шкота и проч.; нѣкоторые случаи происходили отъ дѣйствительныхъ болѣзней, иные отъ воображенія. Въ XVI вѣкѣ занесена въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ сожитіемъ), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ. Простудныя болѣзни рѣдко поражали русскаго, пріученнаго къ переменамъ воздуха и температуры. Какъ особые случаи, упоминаются въ старину: каменная болѣзнь, отекъ, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шолуди, происходившіе отъ неопрятности, которая нерѣдко порождала и другія болѣзни, такъ наприм., имѣла вредное вліяніе на зрѣніе. Вообще отъ болѣзней искали средствъ болѣе всего въ церковныхъ обрядахъ и прибѣгали также къ травни-

камъ, составлявшимъ классъ самоучекъ — лѣкарей, отдавались имъ часто съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ. Ученые медики были иностранцы и находились только при царскомъ дворѣ и то въ небольшомъ количествѣ. При Иванѣ Васильевичѣ лѣкарь иноземецъ былъ необходимымъ лицомъ для царя, но лѣчиться у него частнымъ лицамъ было можно не сваче, какъ подавши челобитную объ этомъ. (Доп. 156). Тоже соблюдалось долго и въ послѣдствіи, когда число врачей при дворѣ увеличилось. При Михаилѣ Федоровичѣ въ Москвѣ существовала одна аптека, изъ которой отпускались лѣкарства по челобитнымъ и притомъ такъ, что тѣмъ, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то что дешевле стоило, не обращая вниманія, могло ли оно принести дѣйствительную пользу. Иногда лѣкаря отправлялись на войну съ лѣкарствомъ и тамъ вообще мало приносили пользы. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ были двѣ аптеки, но только изъ одной продавали жителямъ лѣкарства, и то по высокимъ цѣнамъ (Кильбург. 184.), а потому эта аптека гораздо менѣе приносила дохода казнѣ, чѣмъ стоявшій рядомъ съ нею кабакъ. Разумѣется, врачи, призываемые изъ за границы, не всегда были хороши, и по зову русскаго царя отважно спѣшили въ Россію шарлатаны. По этому было определено, чтобъ врачъ, пріѣзжающій въ Россію, прежде въ пограничномъ городѣ показалъ степень своего искусства и вымѣрилъ хотовибудь. Медики, жившіе при дворѣ, были чрезвычайно стѣснены обычаями и предрасудками. Въ ихъ занятіяхъ не уважали науки, не ставили ихъ искусства выше знахарскаго. Часто сами цари обращались къ травникамъ и знахарямъ, какъ бы въ укоръ медикамъ, состоявшимъ при ихъ дворѣ. Когда медикъ пользовалъ особу женскаго пола, принадлежащую къ царскому семейству—для него не нарушались строгія восточныя церемоніи, всегда окружавшія эту особу. Медикъ долженъ былъ пользоваться больную и угадывать болѣзнь, не видя ея лично, а единственно слѣдуя рассказамъ прислужницъ. Если при такомъ способѣ лѣченія онъ ошибется, ему ставили ошибку въ вину. Ему не дозволяли узнавать дѣйствіе лѣкарства на организмъ больной: если съ одного пріема болѣзнь не облегчилась — по понятіямъ русскнхъ это значило, что лѣкарство не поможетъ, медику приказывали давать другое и не дозволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ. Что касается до народа, то вообще онъ не вѣрилъ иноземнымъ врачамъ. Духовенство признавало грѣхомъ лѣчиться у человѣка не православной вѣры и въ особенности вооружалось противъ медиковъ—евреевъ, такъ что въ XVI вѣкѣ русскій, за то, что пріѣзжалъ къ пособію еврея, подвергался отлученію отъ церкви. Время однако брало свое и въ этомъ отношеніи: при

Алексѣй Михайловичѣ, при царѣ столь набожномъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ былъ еврей. (А. И. III. 289. 396. 474.—Доп. II. 179. 242. V. 401.—Ienkins. 361.—Fletch. 247—268.—Iovii 45. 51.—Колл. 22.—Crull. 146.—Olear. 201. 215. 217.—Herberst. 39.—Petr. 314).

XIII,

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВЫ.

Всѣ иностранцы поражались избыткомъ домашняго деспотизма мужа надъ женою. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одво животное влеченіе. Въ Москвѣ, замѣчаетъ одинъ путешественникъ (Mejerb. 145), никто не унижится, чтобъ преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею епміамъ. По законамъ приличія, порожденнымъ византійскимъ аскетизмомъ и грубою татарскою ревностію, считалось предосудительнымъ даже вести съ женщиною разговоръ. Вообще женщина считалась существомъ ниже мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нечпстымъ; такимъ образомъ женщицѣ не дозволялось рѣзать животное: полагали, что мясо его не будетъ тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщина считалась недостойною, чтобъ съ нею вмѣстѣ ѣсть.

Въ одномъ старинномъ поученіи такъ отзываются о прекрасномъ полѣ: «Что есть жена? сѣтъ утворена прельщающи человекн во властехъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающн, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ добротн женствѣи мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгарается... Что есть жена? святымъ обложница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, кунница бѣсовская.» (Пог. Собр. Публ. Библ., Рук. № 1298). Русская женщина была востоянно невольницею съ дѣтства до гроба. Въ крестьянскомъ быту хотя она находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ работъ, хотя на нее, какъ на рабочюю лошадь, взваливали все, что было потруднѣе: но по крайней мѣрѣ не держали взаперти. У козаковъ женщины пользовались сравнительно большею свободою: жены козаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы. (А. И. III. 44.) У знатныхъ и зажиточныхъ людей московскаго государства женскій полъ находился взаперти, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ. Дѣвицъ содержали въ уединеніи, укрывая отъ человѣческихъ взоровъ; до замужства мужчина долженъ быть имъ совершенно неизвѣстенъ; не

въ нравахъ народа было, чтобъ юноша высказалъ дѣвухѣ свои чувства или испрашивалъ лично ея согласія на бракъ. Самые благочестивые люди были того мнѣнія, что родителямъ слѣдуетъ бить почаще дѣвницъ, чтобы онѣ не утратили своего дѣвства. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ котораму принадлежала дѣвица, тѣмъ болѣе строгости ожидало ее: царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвницъ; погребенныя въ своихъ теремахъ, не смѣя показываться на свѣтъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти за мужъ, онѣ, по выраженію Кошкина, день и ночь всегда въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами. При отдачѣ за мужъ, дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ, не видѣла своего жениха до замужства, когда ее передавали въ новое рабство. Стѣлавшись женою, она не смѣла ни куда выйти изъ дома безъ позволенія мужа, даже, если шла въ церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободнаго знакомства по сердцу и праву, а если дозволялось нѣкотораго рода обращеніе съ тѣми, съ кѣмъ мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставленія и замѣчанія: что говорить, о чемъ умолчать, что спросить, чего не слышать. Въ домашнемъ быту часто ей не давали права хозяйства, какъ уже сказано. Ревнивый мужъ представлялъ къ ней шпионовъ изъ служанокъ и холоновъ, а тѣ, желая поддѣлаться въ милость господину, нерѣдко перетолковывали ему въ другую сторону каждый шагъ своей госпожи. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, неотступныя стражи слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и обо всемъ передавали мужу. Очень часто случалось, что мужъ, по наговору любимаго холопа или женщины, билъ свою жену изъ одного только подозрѣнія. Даже и тогда, когда мужъ поручалъ женѣ смотрѣть за хозяйствомъ, она была не болѣе, какъ ключница: не смѣла ни послать чего-нибудь въ подарокъ другимъ, ни принять отъ другаго, не смѣла даже сама безъ позволенія мужа съѣсть или выпить. Рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщиной считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать впоследствии имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и лядки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властію отца семейства. Обращеніе мужевъ съ женами было таково: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены и называемая *дуракъ*; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ донага, привязывалъ веревками и сѣкъ дуракомъ до крови — это называлось учить жену; у иныхъ мужевъ вмѣсто плети играли ту же роль розги, и жену сѣкли, какъ маленькаго ребенка, а у другихъ, напротивъ, дубина —

и жену били, какъ скотину. Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность. Кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ домъ свой не строитъ и о своей душѣ не радитъ и самъ погубленъ будетъ и въ семь вѣцъ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ. Домострой челоѣколюбиво совѣтуетъ не бить жены кулакомъ по лицу, по глазамъ, не бить ее вообще желѣзнымъ или деревяннымъ орудіемъ, чтобъ не изувѣчить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; онъ находитъ, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповѣдывалось православною церковью, и самымъ царямъ, при вѣнчаніи, митрополиты и патриархи читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое влачить суждено было имъ отъ пеленокъ до могилы, женщины не имѣли понятій о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобъ мужа ихъ били, и даже самыя побои считали признакомъ любви. Иностранцы рассказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ, переходившій изъ устъ въ уста въ различныхъ варіаціяхъ. Какой-то итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «за что ты меня не любишь?» — «Я люблю тебя», сказалъ мужъ и поцаловалъ ее. «Ты ничѣмъ не доказалъ мнѣ этого», сказала жена. «Чѣмъ же тебѣ доказать?» спрашивалъ онъ. — Жена отвѣчала: «ты меня ни разу не билъ». — «Я этого не зналъ, говорилъ мужъ, — но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ.» Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она послѣ того нѣсколько времени пролежала въ постелѣ, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она послѣ того черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти; мужъ не зналъ, что у русскихъ побои значатъ любовь и хотѣлъ доказать, что любитъ спльнѣе, чѣмъ всѣ русскіе; онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ. Женщины говорили: «кто кого любить, тотъ того лупить, коли мужъ не бьетъ, значитъ не любить»; пословицы эти и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, такъ же, какъ и слѣдующая: «не вѣрь ковшу въ полѣ, а женѣ на волѣ», показывающая, что неволя считалась принадлежностію женскаго существа. Иногда родители жены при отдачѣ ея замужъ за-

ключали письменный договоръ съ зятемъ, чтобъ онъ не билъ жены. Разумѣется, это исполнялось неточно. Положеніе жены всегда было хуже, когда у нея не было дѣтей, но оно дѣлалось въ высшей степени ужасно, когда мужъ, соскучивъ ею, заводилъ себѣ на сторонѣ любовницу. Тутъ не было конца придиркамъ, потасовкамъ, побоямъ; нерѣдко въ такомъ случаѣ мужъ заколачивалъ жену до смерти и оставался безъ наказанія, потому что жена умрала медленно и слѣдовательно нельзя было сказать, что убилъ ее онъ, а бить ее, хотя по десяти разъ на день, не считалось дурнымъ дѣломъ. Случалось, что мужъ такимъ образомъ приневольно ее вступить въ монастырь, какъ свидѣтельствуется народная пѣсня, гдѣ изображается такого рода насліе. Несчастливая, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное самозаключеніе, гѣмъ болѣе, что и въ монастырѣ ей было больше свободы, чѣмъ у дурнаго мужа. Еслибы жена заупрямилась, мужъ, чтобъ разлучиться съ немилую-постылою, принималъ двухъ-трехъ негодяевъ лжесвидѣтелей, которые обвиняли ее въ прелюбодѣліи; находилъ за деньги и такой, что бралъ на себя роль прелюбодѣя: тогда жену насильно запирали въ монастырь. (Домостр. 29. 68. — А. И. III. 44. — Доп. I. 54. — Пав. Іов. 51. — Fletch. 246. — Olear. 217. — Petr. 324. — Mejerb. 145. — Carlis. 341. — Crull. 160. 162. — Strauss. 203. — Herberst. 34.)

Не всегда однако жены безроотно и безотвѣтно сносили суровое обращеніе мужьевъ и не всегда оно оставалось безъ наказанія. Иная жена, бойкая отъ природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличнаго содержанія. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужьевъ, и за это ихъ закапывали живыхъ въ землю, оставляя наружи голову и оставляли въ такомъ положеніи до смерти; имъ не давали ѣсть и пить и сторожа стояли при нихъ, не допуская, чтобъ ктонибудь изъ состраданія не покормилъ такую преступницу. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ осужденной или на свѣчи для умоливленія Божія гнѣва къ ея грѣшной душѣ (De Bruyns. 20). Впрочемъ случалось, что имъ оставляли жизнь, но замѣняли смерть вѣчнымъ жестокимъ заточеніемъ. Двухъ такихъ преступницъ за отравленіе мужьевъ держали трое сутокъ по шею въ землѣ, но такъ какъ онѣ попросились въ монастырь, то ихъ откопали и отдали въ монастырь, приказавъ держать ихъ порознь въ уединеніи и въ кандалахъ. Другія жены мстали за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена предъ мужемъ, но точно также были мужья безгласны предъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу царскаго дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы рассказы-

ваютъ замѣчательное событіе: жена одного боярина, по злобѣ къ мужу, который ее билъ, доносила, что онъ умѣетъ лѣчить подагру, которою царь тогда страдалъ; и хотя бояринъ увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и обѣщали смертную казнь, если онъ не сыщетъ лѣкарства для его величества. Тотъ въ отчаяніи нарвалъ какихъ понало травъ и сдѣлалъ изъ нихъ царю ванну; случайно царю послѣ того стало легче и лѣкаря еще разъ высѣкли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое униженіе женщины отомщали обычнымъ своимъ способомъ: тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому, чтобъ положить мужа подъ лавку, какъ выражались въ тотъ вѣкъ. Такъ и быть должно. По свойству человѣческой природы, рабство всегда рождаетъ обманъ и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчине.

Иностранцы единогласно говорятъ, что русская женщина не была неприступна и для нихъ, несмотря на всеобщее омерзѣніе, впускаемое нехристями, къ которымъ въ Россіи причислили всѣхъ вообще неправославныхъ. На эти случаи у женщинъ образовались свои собственные догматы. «Женщинѣ соблюдать съ иностранцемъ», говорили онѣ: — «простительно; дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе; некрещеная вѣра множится».

У зажиточныхъ домовитыхъ людей все было такъ устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчине съ ихъ женами; однако примѣры измѣнъ такихъ жепъ своимъ мужьямъ были не рѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ жена проводила время съ служанками, а отъ скуки вела съ ними, какъ говорилось, пустошныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпныя и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣлоудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговъ, гадальщицъ и въ томъ числѣ такихъ жевщицъ, которыя назывались «потворенныя бабы», то есть, *что молодилъ жсны съ чужими мужи сваживаютъ*. Эти соблазнительницы вели свое занятіе съ правильностію ремесла и очень искусно вѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно, даже пабожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напрямѣръ: на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, куда ходили съ ведрами, на рынкахъ и т. п. Заводили знакомство съ служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожъ; такая искусница, коль скоро вотрется въ домъ, непременно чадѣляетъ тамъ какой-

нибудь бѣды: или самую госпожу соблазнить, или же дѣвку-служанку подманить обокрасть госпожу и бѣжать съ любовникомъ, съ которыми нерѣдко вмѣстѣ ограбятъ ее и даже утопятъ. Вотъ такого рода женщины были пособницами волокитъ и случалось такъ, что разомъ одна тайно служила мужу отъ жены, а женѣ отъ мужа.

Хотя блудодѣяніе и преслѣдовалось строго нравственными понятіями, и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, но русскіе мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кромѣ женъ, имѣли у себя любовницъ, которыхъ доставляли имъ потворенныя бабы, да сверхъ того не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ своемъ домѣ, часто насильно. По извѣстіямъ одного англичанина одинъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича завелъ у себя цѣлый гаремъ любовницъ, и такъ какъ его жена была этимъ недовольна, то онъ почелъ лучшимъ отравить ее (Колл. 36). Вообще же мужчинѣ и не вмѣнялся развратъ въ такое преступленіе, какъ женщинѣ. Многіе чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напримѣръ, снимали съ себя крестъ и занавѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Въ простонародіи развратъ принималъ наглыя формы. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и предоставляли имъ право имѣть съ ними сожительство, какъ будто вмѣсто процентовъ за полученную сумму. Если же мужъ не выкупилъ жены въ означенный срокъ, займодавецъ продавалъ ее для блуда комунибудь другому, другой — третьему, и такъ женщина переходила изъ рукъ въ руки. Другіе, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми. (С. гр. III 245, 246). Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда, напримѣръ, голыя выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и закликали къ себѣ охотниковъ. Олеарій рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородѣ во время стеченія народа послучаю богомолья, пьяная баба, выходя изъ кружала, упала на улицѣ въ непристойномъ положеніи. Вдругъ идетъ пьяный мужикъ и увидя ее голунагую, бросился на нее, какъ звѣрь, но упалъ безъ чувствъ, потому что и самъ былъ мертвецки пьянъ. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали надъ нею (Olear 394).

Женщина получала болѣе уваженія, когда оставалась вдовою и притомъ была матерью. Тогда какъ замужняя не имѣла вовсе личности сама по себѣ, вдова была полная госпожа и глава семейства.

Личность вдовицы охранялась религиознымъ уваженіемъ. Оскорбить вдовицу считалось величайшимъ грѣхомъ. «Горе обидящему вдовицу», говоритъ одно старое правоученіе: — «лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовицъ быть ввержену въ геенну огненную» (Публ. Библ., Погод. Соб. 1313). Впрочемъ, какъ существу слабому, приученному съ дѣтства къ униженію и неволѣ, и тутъ не всегда приходилось ей отдохнуть. Примеры неочтенія дѣтей къ матерямъ были нередки. Бывало, что сыновья, получивъ наследство послѣ родителя, выгнали мать свою, и та должна была просить покаянія. Это не всегда преслѣдовалось, какъ видно изъ одного примѣра XVI вѣка, гдѣ выгнанной матери помѣщиковъ царь приказалъ удѣлить на содержаніе часть изъ помѣстьевъ ея мужа, но сыновьямъ, какъ видно, не было никакого наказанія (Доп. I. 110). Иногда же, напротивъ, овдовѣвшая поступала безжалостно съ дѣтьми, выдавала дочерей насильно замужъ, бросала дѣтей на произволъ судьбы и т. п. (Доп. I. 116).

Между родителями и дѣтьми господствовали духъ рабства, прикрытый ложною святостью патриархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось по нравственнымъ понятіямъ ручательствомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ родителей, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Была и есть въ Руси пословица: «отчая клятва изсушитъ, матерняя искоренитъ». Впрочемъ, отецъ, какъ мужчина, и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ. «Имѣй, чадо», поучаетъ отецъ сына: — «отца своего, аки Бога, мать свою, аки самъ себе» (Пог. Собр. рук. II. Б. 1772). Несмотря на такіа нравственныя сентенціи, покорность дѣтей была болѣе рабская, чѣмъ дѣтская и власть родителей надъ ними переходила въ слѣпой деспотизмъ, безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнуть былъ ученіемъ православія, тѣмъ суровѣе обращался съ дѣтьми, ибо церковныя понятія предписывали ему быть какъ можно строже: «Наказуй отецъ сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе: — учи его ранами бояться Бога, и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ млада не научишь — большого какъ можно научить (Рум. Муз. Сборн. 359). Слова почитались недостаточными, какъ бы они убѣдительно ни были, нужно учить дѣтей «розгами, да не припмети провпхъ нынѣ отъ чловѣкъ сорома» и будущихъ мукъ (Пог. Собр. № 1024); и общее нравственное правило отцовъ въ отношеніи къ дѣтямъ выражалось въ такой формулѣ, какую передаетъ намъ благочестивый авторъ Домостроя: «Сына ли имаши, не доведи вяти въ юности, но сокруши ему ребра: аще бо желломъ біени его, не

умреть, но здоровъ будетъ, дочь ли имаша — положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моральствъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. За то и дѣти, раболѣпныя въ присутствіи родителей, съ дѣтства приучались насмѣхаться надъ ними вмѣстѣ съ сверстниками изъ слугъ, приставленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи, говоритъ одинъ иностранецъ, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью (La Relig. des Moscou. 87). Грубыя привычки усвоивались имъ съ малолѣтства и сопровождали ихъ до старости. «Лучше, говоритъ одинъ русскій моральствъ: — имѣть у бедра мечъ безъ поженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходитъ—молоко причесеть; дочь по селшщу ходитъ — стыдъ принесеть отцу своему» (Сборн. Рум. Муз. 359).

XIV.

ПОРЯДОКЪ ДОМО ПРАВЛЕНІЯ.

При маломъ развитіи городской ремесленности и мелочной торговли, дворъ зажиточнаго человѣка, не только въ его вотчинѣ, но и построенный въ самой Москвѣ, представлялъ подобіе цѣлаго города: тамъ производились всевозможнѣйшія работы, нужныя для домашняго обихода; тамъ ткали холсты, шили бѣлье, сапоги, платье, дѣлали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотомъ и шелками. Все, нужное для дома, обыкновенно покупалось оптомъ. Поставы матерій и сукопъ накапливались въ господскихъ сундукахъ, такъ что доставало на много лѣтъ, на цѣлую жизнь и передавалось дѣтямъ. У расчетливаго хозяина всегда былъ огромный запасъ разнаго сѣстнаго хлѣба, соленаго мяса, рыбы, сухарей, толкна, ветчины и проч. Благоразумный человѣкъ не только ничего не покупалъ врознь, но иногда еще и продавалъ изъ остатковъ. Только незначительные и бѣдные люди питались съ рыбка и за то платили въ три раза дороже, чѣмъ богачи, покупавшіе все нужное оптомъ. (Дон. 76, 77).

Когда у хозяина раждалась дочь, опъ для нея дѣлалъ особый сундучокъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущество въ счетъ будущаго приданаго, и въ тоже время возвращалъ на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ ея смерти до замужства, надѣлокъ обращался на поминаненіе души усопшей. Такимъ образомъ съ самаго рожденія члена семейства приготавливали ему запасъ на жизнь.

Все въ такомъ домѣ носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣми остальными. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходившіи должны были, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ!» и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ: «аминь.» Но нравственными понятіями вѣка, честный человекъ долженъ былъ стараться, чтобы никто того не слыхалъ, не видалъ, что у него дѣлается во дворѣ, и самъ не пытался узнавать, какъ живутъ въ чужихъ дворахъ. Все въ домѣ и кладовыхъ хранилось подъ замками. Многое извѣстно было одному только хозяину, какъ напримѣръ, деньги, которыя почитались драгоцѣннѣе вещей; такъ что многіе держали ихъ не иначе, какъ зарытыми въ землѣ, а нныя отдавали на сохраненіе въ монастыри, что называлось поклажею. Обиже домового дома и разобщеніе домашней жизни съ внѣшностію совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старшая недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ ними не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вмѣстѣ, или старшій дядя ихъ отдавалъ ту часть, какая слѣдовала членамъ многочисленнаго семейства; тогда отдѣлялись другія семьи и образовывали новые дворы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи этотъ обычай наблюдался въ большемъ размѣрѣ и строже въ своемъ основаніи, въ другихъ слабѣе, такъ что наследники спѣшили дѣлиться и основывать новыя семьи. Въ новгородскихъ областяхъ дѣти обыкновенно дѣлились отцовскимъ имуществомъ, но оставляли одну часть общую для всѣхъ (А. Ю. 53.). Обычай жить вмѣстѣ съ родственниками наблюдался болѣе или менѣе у всѣхъ сословій, — менѣе у знатныхъ людей, имѣвшихъ способы дѣлиться скорѣе. У нныхъ родственники, жившіе при дворѣ, входили въ уровень съ прислугою. Такъ напримѣръ одиночество въ 1696 году, ннмая сторожа, заключалъ съ нимъ условіе, что онъ будетъ ѣсть и пить съ хозяйскими братьями (А. Отп. къ ю. б. 711.). У крестьянъ и у посадскихъ этотъ обычай соблюдался при значительномъ развѣтвленіи рода; тогда когда связь между родственниками дѣлалась уже слабою, они расходились, а иногда тѣ, которые бѣднѣли и поставляли себя въ обязательное отношеніе къ главнымъ хозяевамъ, приходили на степень подсосѣдниковъ, приписанныхъ къ семьѣ, но не составляя ея прямыхъ членовъ. Не смотря на то же совокупленіе кровныхъ, обыкновенно мало было ладу въ семьяхъ, и всѣ члены большой семьи нерѣдко жили между собою во

враждѣ (La Relig. des Mosc. 87.). За то духъ общности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивалъ такихъ скуповъ однимъ родствомъ, но соединялъ людей, не имѣвшихъ между собою кровныхъ связей. Такъ былъ примѣръ, что нѣсколько человекъ соглашались и покунали одинъ дворъ, совершивъ купчую на общее имя, но дворъ принадлежалъ не одному лицу, а всѣмъ вмѣстѣ (А. отн. къ юр. б. 462.). Кроме родственниковъ, при дворѣ знатнаго господина, имѣвшаго у себя домашнюю церковь, жилъ священникъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы членомъ семьи. Если онъ былъ женатъ, и имѣлъ дѣтей, то жилъ въ особой избѣ и получалъ мѣсячный кормъ, а если былъ монахъ или вдовецъ, то пользовался обѣдомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ (Кош. 119). Сверхъ священника жилъ въ такихъ дворахъ крестовый дякъ домашней церкви, завѣдывавшій ея устройствомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ жили сироты, мальчики и дѣвочки, которыхъ благочестивые отцы семействъ воспитывали и обучали какому нибудь занятію, а по достиженіи совершеннолѣтія отпускали, что называлось благословлять въ міръ. (Домостр. 109.).

Все это вмѣстѣ уясняетъ систему построекъ старинныхъ дворовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку избъ. Но то, что составляло общес достояніе сколько нибудь зажиточнаго человека — это множество слугъ при дворѣ. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужскаго и женскаго пола, иногда число ихъ превышало пятьсотъ, а у важныхъ лицъ доходило даже до тысячъ. Господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. Это были или вѣчные холопы, проданные, или сами себя продавшіе въ рабство съ потомствомъ, или военно-пленныя, или кабальные, то есть такіе, которые, занимая деньги, обязывались служить вмѣсто платежа процентовъ, или отданные въ кабалу по суду за неплатежъ долга, или наконецъ бѣглецы люди, то есть посадскіе, убѣжавшіе отъ тягла, служилые, бѣжавшіе изъ службы, и наконецъ чужіе холопы и крестьяне, перебѣгавшіе отъ одного господина къ другому. (А. И. П. 176. — Вор. Акты. I. 145 — Petr. 313).

Всякій господинъ старался населить свой дворъ преимущественно мастеровыми и вообще умѣлыми людьми. По ихъ занятіямъ и свѣдѣніямъ давались имъ должности. То были повара, приспѣшники, хлѣбники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швецъ, сторожа и проч. У знатныхъ господъ были люди, вооруженные луками, стрѣлами и самопалами, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ, въ татарскихъ шапкахъ: они исполняли должность тѣлохранителей. Но кромѣ дѣловыхъ людей были еще толпы слугъ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій и въ самомъ дѣлѣ ничего

не дѣлали. Обыкновенно двое изъ слугъ были главноначальствующими лицами: ключникъ и дворецкій. Ключникъ былъ главный распорядитель, иногда значившій у господина больше, чѣмъ жена и родня, жившая въ дворѣ. Не занимаясь хозяйствомъ, господинъ отдавалъ ключнику на-руки все домоуправленіе. Онъ былъ приходо-расходчикъ, завѣдывалъ кѣстами и всѣми строеніями, держалъ у себя повѣренныя ему ключи и отъ этого получалъ наименованіе своего званія. Господинъ выдавалъ ему содержаніе иногда за недѣлю, а иногда за мѣсяць впередъ. По окончаніи срока, господинъ повѣрялъ его, при повѣркѣ вычиталъ то, что ему слѣдовало на проѣсть, и сверхъ того дарилъ за службу. Другое начальственное лицо изъ двора—дворецкій, завѣдывалъ вообще всѣми дворовыми людьми, доносилъ обо всемъ случившемся въ дворѣ господину, разбираетъ разные случаи спора между слугами, наказывалъ ихъ по приказанію господина. Нѣкоторые изъ слугъ пріобрѣтали особенную довѣренность и благосклонность господина; увѣрившись, что на нихъ можно положиться, онъ отправлялъ своихъ холоповъ для управленія вотчинами, дѣлалъ имъ порученія по торговлѣ или по хозяйству. Прислуга женскаго пола находилась подъ управленіемъ хозяйки, если мужъ довѣрялъ ей; въ противномъ случаѣ ею завѣдывала какая нибудь изъ женщинъ, обыкновенно жена ключника. Одна изъ прислужницъ была приближенная къ госпожѣ и называлась ея постельщицею. Кормилицы и няньки дѣтей были большею частію изъ прислуги и пользовались предъ другими особеннымъ почетомъ. Однѣ изъ служанокъ — обыкновенно дѣвицы — занимались исключительно вышиваньями вмѣстѣ съ госпожою и другими особами хозяйскаго семейства женскаго пола, другія — обыкновенно замужнія—исправляли черныя работы, топили печи, мыли бѣлье и платье, несли хлѣбы, приготовляли разные запасы, третьимъ отдавалась на уроки пряжи и ткацкаго. У лицъ, жившихъ не раздѣльно съ хозяиномъ, прислуга была общая. Въ распорядкѣ домашняго быта у домохозяевъ соблюдался такіе же обычая какъ въ царской придворной жизни: главный хозяинъ въ своемъ дворѣ игралъ роль государя, и въ самомъ дѣлѣ назывался государемъ слово это означало домовладыку; другіе члены семейства находились у него въ такомъ же отношеніи, какъ родственники царя; слуги были тоже, что служилые у царя, — и потому—то всѣ, служащіе царю, начиная отъ бояръ до послѣднихъ ратныхъ людей, такъ какъ и слуги частнаго домохозяина, назывались холопами. Господинъ, какъ царь, окружалъ себя церемоніями; напримѣръ, когда онъ ложился спать, то одинъ изъ слугъ стоялъ у дверей комнаты и охранялъ его особу. Господинъ награждалъ слугъ и оказывалъ имъ свое благово-

леніе, точно такъ же, какъ постунали царь съ своими служилыми: жаловалъ имъ шубы и кафтаны съ своего плеча, или лошадей и скотину, посылалъ имъ отъ своего стола подачу, что означало милость. Тоже дѣлала госпожа съ женщинами: одиѣхъ примолвляла, т. е. награждала ласковымъ словомъ, другихъ дарила или посылала имъ подачу съ своего стола. При дворѣ частныхъ домохозяевъ, какъ и при дворѣ царскомъ, сохранился обычай отличать заслуги и достоинство слугъ бѣльшимъ количествомъ пищи. При огромномъ количествѣ слугъ, въ дворѣ богатаго господина существовали приказы, такіе точно, какъ въ царскомъ управленіи государствомъ, подѣ главнымъ контролемъ ключника и дворецкого, какъ сказано выше. Прислуга вообще раздѣлялась, какъ служилые царскіе люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшіе къ большей статьѣ получали большее содержаніе; нѣкоторые получали, сверхъ одежды, денежное жалованье отъ двухъ до десяти рублей въ годъ, другіе же одежду, нѣкоторые одно содержаніе. Домострой совѣтуетъ, чтобъ слуги по возможности были сыты государскимъ жалованьемъ и одѣты своимъ рукодѣльемъ. Такимъ образомъ имъ давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для приобрѣтенія себѣ одежды. Вообще слуги у русскихъ господъ ходили въ пзорванныхъ одеждахъ, но когда нужно было показаться предъ гостями, имъ выдавалось платье, лежавшее въ клѣткахъ; ключникъ, по приказу господъ, выдавалъ имъ его, а они впоследствии обязаны были воротить ее въ цѣлости, въ противномъ случаѣ подвергались побоямъ. Въ этомъ отношеніи въ господскихъ домахъ дѣлалось тоже, какъ въ царскомъ дворѣ, гдѣ въ важное время пріема иноземныхъ пословъ служилымъ людямъ выдавалось платье и потомъ отбиралось.

Женатые служилые жили отдѣльно въ избахъ; нѣсколько семей помѣщалось въ одной и получали на содержаніе мѣсячину; холостые и дѣвки обыкновенно жили при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ въ людскихъ избахъ, для того построенныхъ; дѣвушки, занимавшіяся вышиваньемъ, снали въ сѣняхъ и отъ этого назывались *спинными*. Господа ссодняжали парней и дѣвущекъ бракомъ, часто противъ ихъ желанія, и праздновали ихъ свадьбы у себя въ домѣ: это доставляло для господъ развлеченіе въ однообразной ихъ жизни.

Содержать хорошо слугъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ милостынею. Въ нашихъ старыхъ книгахъ благочестиваго содержанія, были правоученія такого рода: *имайте рабы свои, аки братію и рабыни аки сестры себѣ, яко и тѣ стѣмя адамле есть* (Румянц. сборн. 359). По большей части прислуга содержалась дурно, даже и тамъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ благія намѣренія въ отношеніи

своей дворни; потому что ключники и дворецкіе, выбранные господиномъ изъ нихъ же, завѣдуя ихъ содержаніемъ, старались половину положить въ свой карманъ. Во многихъ боярскихъ домахъ многочисленную дворню кормили дурно испеченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мясо рѣдко они видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Голодные и оборванцы, и при этомъ ничѣмъ не занятые, они шатались по городу, братались съ нищими, просили милостыни и часто по ночамъ нападали на прохожихъ съ топорами и ножами или запускали въ голову имъ кистени, производили пожары, чтобъ во время суматохи расхищать чужое достояніе. Господа смотрѣли на такіе поступки своихъ рабовъ сквозь пальцы. (Mejerh. 139. — Str. 197. 199. — Домогр. 40. — П. С. З. I. 732).

Вообще господа обращались съ своими слугами деспотически и охотиѣ слѣдовали такимъ пастырскимъ правоученіямъ, какъ напр. *«аще ли рабъ или рабыни тебѣ не слушаютъ и по твоей волѣ не ходитъ то плети нань нещаднѣ»* (Пог. Собр. 1228),—чѣмъ такимъ, гдѣ заповѣдывалось господамъ считать рабовъ за братьевъ. Нерѣдко случалось, что господинъ насилуовалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, растлѣвалъ дѣвицъ; случалось, что убивалъ до смерти людей изъ своей дворни, все ему сходило съ рукъ (А. отп. къ юр. быту 558). Самые слуги не имѣли понятія, чтобъ могло быть иначе и не оскорблялись побоями и увѣчьями: за всякимъ тычкомъ не уголяешься, гласитъ пословица, рабу все равно было, справедливо ли или не справедливо его били: господинъ съипдетъ вишу, коли захочетъ ударить—говорили они. Тѣ слуги, которые не составляли достоянія господъ, коими присуждены были къ работѣ за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами отъ безусловной воли господъ, но даже подвергались болѣе другихъ побоямъ и всякаго рода стѣсненіямъ. (Жол. 34). У русскихъ было понятіе, что служить слѣдуетъ хорошо тогда только, когда къ этому побуждаетъ страхъ,—понятіе общее у всѣхъ классовъ, ибо и знатный господинъ служилъ вѣрою и правдою царю, потому что боялся побоевъ; нравственное убѣжденіе вымыслило пословицу: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Самые милосердые господа должны были припѣгать къ палкамъ, чтобъ заставить слугъ хорошо исправлять ихъ обязанности: безъ того слуги стали бы служить скверно (Барбер. 32.—Olear. 797.—Strauss 194). Произволь господина удерживался только тѣмъ, что слуги могли отъ него разбѣжаться, притомъ обокравши его, и другіе не пойдутъ къ нему въ кабалу. Напротивъ, господинъ славился тѣмъ, что хорошо кормилъ слугъ. Русскіе не цѣнили свободы и охотно шли въ холопы. Въ XVII вѣкѣ иные отдавали себя рубли за три на цѣ-

лую жизнь. Получивъ деньги, новый холопъ обыкновенно пропи-
валъ ихъ и проматывалъ и потомъ оставался служить хозяину до
смерти. Иные же, соблазненные деньгами, продавали себя съ же-
нами, съ дѣтьми и со всеѣмъ потомствомъ. Иногда же бравшіе день-
ги закладывали заповодецу сыновей и дочерей и дѣти жили въ
неволѣ за родителей. Были и такіе, которые поступали въ холопы
насилно: еще до воспрещенія перехода крестьянамъ, помещикъ
нерѣдко обращалъ ихъ въ холопы. Въ XVII вѣкѣ служилые люди
торговали самымъ возмутительнымъ образомъ жепскимъ холопъ въ
Сибири. Они насилно брали безпомощныхъ сиротъ дѣвицъ, иног-
да сманивали у своихъ товарищей женъ, дѣлали на нихъ фальши-
вые крѣпостные акты и потомъ передавали изъ рукъ въ руки, какъ
вещь. Толпы слугъ вообще увеличивались во время голода и войны;
во время голода потому, что многіе изъ дневнаго пропитанія отда-
вали себя на вѣки въ рабство, а во время войны дворяне и дѣти
боярскіе, убѣгая отъ военной службы, записывались въ холопы, а
тѣ, которые возвращались съ войны, приводили домой военно-плѣн-
ныхъ, которыхъ обращали въ рабство такимъ образомъ въ клас-
сѣ холоповъ было много поляковъ и литовцевъ; ихъ заставляли
насилно принимать православіе и насилно женили или выдавали
замужъ. Правительство въ XVII вѣкѣ хотѣло оградить военно-плѣн-
ныхъ отъ жестокаго жребія и потому запрещало обращать ихъ въ
рабство. Уложеніе предоставляетъ свободу тѣмъ изъ плѣнниковъ,
которые сами не желаютъ остаться. Рабъ въ полномъ нравствен-
номъ смыслѣ этого слова, русскій холопъ готовъ былъ на все отва-
житься, все терпѣть за своего господина и въ тоже время обмануть
его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, ихъ
люди, встрѣтившись гдѣ нибудь въ веселомъ мѣстѣ, наприм., въ
корчмѣ или въ кабакѣ, заводили споры и драки за честь своихъ
господъ; это переходило иногда въ большіе размѣры, когда людей
у господина было очень много или же крестьяне точно также при-
нимали участіе. Люди и крестьяне враждующихъ между собою вла-
дѣльцевъ нападали другъ на друга по дорогамъ, дѣлали набѣги за
границы, били другъ друга, поджигали, неспетовствовали всякими
способами (Улож. гл. XI. 134. — А. А. Э. II. 658). За то въ тоже
время толпы рабовъ были зломъ для своихъ господъ; въ домѣ они
заводили между собою смуты, драки и убійства, иногда изъ мщенія
къ господину доносили на него, обвиняя въ злоумышленіи на царя,
и даже выдерживали пытку, которой ихъ предавали. Очень часто
холопы обкрадывали господъ и убѣгали; иные молодцы тѣмъ и
промышляли, что давали на себя кабалы, проживали нѣсколько вре-
мени у тѣхъ, кому ихъ давали, потомъ обкрадывали своихъ хо-

зьевъ, убѣгали отъ нихъ, приставали такимъ образомъ къ другимъ, къ третьимъ. Правительство приказывало господамъ не принимать никого въ холопы безъ отпусковыхъ, но этого приказанія не всѣ слушались; при томъ же многіе молодцы являлись съ нарядными (фальшивыми) отпусковыми. Нерѣдко тѣмъ дѣло не оканчивалось, что кабальный обкрадетъ хозяина да уйдетъ отъ него: удалцы ставивались съ подобными себѣ пріятелями, поджигали дома и дворы своихъ господъ, иногда убивали или сожигали ихъ самихъ съ женами и дѣтьми, а потомъ бѣжали на Донъ или на Волгу. Когда помѣщикъ отправлялся на войну и оставлялъ управление своего дома старикамъ и женщинамъ — тутъ своеволие дворни не находило предѣловъ; часто, воротившись на родину, помѣщикъ ихъ находилъ весь свой домъ въ разореніи и запустѣніи (Доп. I. 398. III. 138, 318. — IV. 246, 261. — П. С. З. I. 360. — Улож. гл. XX. — А. отн. къ ю. б. 15). Кромѣ множества слугъ, въ господскихъ дворахъ проживали иногда нищія, призрѣваемые изъ милосердія, въ надеждѣ этимъ угодить Богу. Они носили названіе богомольцевъ. Этотъ обычай существовалъ и у царей, у которыхъ жили такъ называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увѣчные воины, потѣшавшіе государя въ часы вечернихъ досуговъ разсказами о приключеніяхъ своей молодости, проведенной въ брани и опасностяхъ (А. И. I. 327. II. 176, 220. — А. отн. къ юр. б. 377, 711, 558, 574, 615. — С. Г. Гр. III. 240. — Домостр. 15, 52, 83. — Herberst. 34, 54. — Fletch. 28. — Chensl. 251. — Оп. Шуи. 391. — А. г. Шуи. 70. — Olear. 197, 207. — Petr. 313. — Mejerb. 166. — Коших. 61).

Представленная здѣсь картина домашняго образа жизни была возможна только у зажиточныхъ господъ. Нельзя сказать, чтобы такихъ хозяевъ было много: не смотря на пышность, господствующую въ показанной сторонѣ русской жизни и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бѣдная; ея богатства лежали въ землѣ не тронутыя, а тѣ, которыя обращались въ обществѣ, распредѣлялись неблагопріятнымъ для массы народа образомъ. Самые бояре и знатные люди не такъ были богаты, какъ то казалось. Для нихъ не было никакого ручательства противъ произвола. Грозный у многихъ богатыхъ вельможъ отнималъ родовыя имѣнія, чтобы искоренить въ нихъ чувство предковскаго права и въ замѣнъ давалъ помѣстья въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцы не могли уже получать прежнихъ доходовъ (Fletch. 28). Кромѣ воли царя, для всѣхъ всемогущей какъ воля неба, всегда существовали обстоятельства неблагопріятныя для упроченія состоянія. Дворяне и дѣти боярскіе безпрестанно жаловались на тя-

гость службы и разоренія своихъ имѣній. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали въ залогъ свои наряды, чтобъ снарядить на войну мужа или сына. Много обѣднѣвшихъ дворянъ, дѣтей убитыхъ на царской службѣ, скитались безъ насущнаго пропитанія. Интересъ казенный или царскій поглощалъ всѣ интересы. Начнетъ ли торговый и промышленный человѣкъ жить съ устройемъ (съ комфортомъ), на него навязываютъ какую нибудь разорительную должность въ далекомъ отъ его обычнаго мѣста жительства. Начнетъ ли допускать въ образѣ жизни устройство приказный человѣкъ, — его подозрѣваютъ въ плутовствѣ, запутываютъ въ какое-нибудь дѣло, касающееся интересовъ казны и избираютъ или посылаютъ куда нибудь на службу, гдѣ онъ прослуживается. Но въ особенности тяжело было состояніе сельскаго крестьянскаго класса. Пять дней работалъ крестьянинъ на господѣ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники. (Das gr. Reich. v. Mosc.) и по этому крестьяне находились въ плачевномъ положеніи, такъ что у многихъ ничего нельзя было сыскать дома, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не послѣдней бѣдности. На сѣверѣ три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселенна; если же, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, паръ пять овецъ да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже былъ богачемъ. (А. Э. 1. 1, 192.) Лѣтомъ крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пиляли лѣсъ и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явленіе во время неурожая, потому что тогда не принимали ни какихъ мѣръ противъ нихъ, а они были часты. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями государственными и владѣльческими, при случившемся неурожаѣ, они часто умирали съ голода или въ отчаяніи разбѣгались врознь; пустѣли цѣлые уѣзды. Многіе толпами уходили въ Сибирь. Крестьяне, жившіе у дѣтей боярскихъ и у дворянъ, были особенно обременяемы, и за то, когда господа ихъ уходили на службу, разбѣгались, и, воротившись въ имѣніе со службы, владѣлецъ нерѣдко находилъ его пустымъ. Отыскиваніе крестьянъ для владѣльцевъ было такъ же затруднительно, какъ и отыскиваніе холоповъ, въ особенности тогда, когда крестьяне приставали къ знатымъ владѣльцамъ; притомъ же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владѣлецъ не всегда получалъ отъ этого выгоды, часто выходило на оборотъ: крестьяне подговаривали и другихъ къ новому бѣгству и тогда же сожигали владѣльческую усадьбу изъ мщенія. Повсюду ходили такъ называемые бобыли и

захребетники, то есть люди, не имѣвшіе у себя ничего кромѣ того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне — шатались и посадскіе. Одни подъ именемъ старцевъ изъ монастыря въ монастырь, другіе нищею братіею, ибо общество, безжалостное къ нуждамъ и скудости семействъ, было милостиво для нищаго, хотя неоднократно случалось, что такая нищія Христова братія стаскивалась съ боярскими холопами и производила пожаръ, чтобъ потомъ грабить и красть въ сумагохъ. (А. И. Н. 166. IV. 537. V 121. — Доп. III. 144. VI. 117.).

XV.

ВЫѢЗДЪ ИЗЪ ДОМА И ПУТЕШЕСТВІЕ.

По стариннымъ понятіямъ русскихъ, ходить пѣшкомъ для важнаго человѣка считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и хотя бы нужно было сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ, бояринъ или значительный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Мужчины по городу ѣздили, лѣтомъ, верхомъ; зимою, въ саняхъ. Русскія сѣдла дѣлались изъ дерева и сухихъ жилъ; они были низкія, плоскія, стремена короткія; сѣдло клалось на чепракъ, который пакладывался на попону и покроецъ. Края попоны или покроя выказывались изъ подъ чепрака и поэтому красиво убирались; чепракъ украшался различно, смотря по достатку и по случаю выѣзда. Сѣдла чаще всего были обиты сафьяномъ съ золотыми узорами, иногда же бархатомъ; луки позолачивали. Чепракъ покрывался всегда другою матеріею. Узды дѣлались съ серебряными ухватами и съ серебряными окладами на мордѣ лошади и, сверхъ того, снабжались серебряными, иногда позолоченными цѣпочками, издававшими звуки при каждомъ движеніи лошади. Подъ морду лошади подвѣшивались ожерелья, составленные изъ ремней, унизанныхъ серебряными, у богатыхъ даже золотыми бляхами: ближе къ головѣ лошади эти ожерелья были уже, а къ концу расширялись до двухъ пальцевъ шириною; на ногахъ, сверхъ копытъ, у верховой лошади привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебряныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали

дорогу. Бичи дѣлались изъ татарской жимолости (привозимой съ береговъ Волги); ручка ихъ обдѣльвалась мѣдью или моржевою костью. Молодцы, сидя верхомъ, гарцовали и красовались тѣмъ, что, ударяя въ литавры, заставляли лошадь дѣлать внезапный прыжокъ, и при этомъ кольца, цѣпочки и колокольчики на ногахъ лошади издавали звуки.

Зимнія мужскія сани обыкновенно запрягались въ одну лошадь и покрывались медвѣжьей шкурою, называемою медвѣдно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто изъ простаго войлока, а иногда суконная съ образцами или нашивками изъ бархата и другою какой нибудь дорогой матеріи; къ краямъ полсти привѣшивались ремни или сурки другаго цвѣта, чѣмъ самая полсть, и обыкновенно одинакаго съ образцами. Узнатныхъ самыя сани обивались атласомъ или адамашкою. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидскій или турецкій коверъ; края его свѣшивались назадъ: въ этомъ поставляли щегольство. Вообще, русскія сани были невелики, дѣлались для одного только человѣка, рѣдко для двухъ, но не болѣе; онѣ имѣли часто форму лодки съ краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучеръ — обыкновенно, молодой парень — сидѣлъ верхомъ на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, не высокую и наклоненную назадъ. Голова лошади убиралась цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣриными хвостами — лисьими, волчьими или собольими. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его становились на тѣхъ же саняхъ два холода; нѣсколько холоповъ шло по бокамъ, а сзади бѣжалъ мальчикъ — козакъ. Царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣдѣ въ саняхъ, представлявшихъ видъ длиннаго ящика, который съуживался къ ногамъ, а въ задней части сдѣланы были уступы, какъ полки въ банѣ; сани были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побрякушками и перьями. Два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ, на полозьяхъ и поддерживали полсть. По сторонамъ шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями. Всѣ были безъ шапокъ, и только ближніе бояре держали ихъ въ рукахъ. (Mejerb. 101. 198. — Барбер. 37. 51. — Olear. 48. 205. — Carlis. 337. — Jenkins. Nacl. 351. — Врем. XIII, 9. — А. И. II, 72. — Кильбург. 32).

Кромѣ обыкновеннаго стариннаго способа ѣздить въ саняхъ на одной лошади, въ XVII вѣкѣ начали ѣздить въ нѣсколько лошадей въ каретахъ и зимою и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники на четырехъ, во время же свадебъ и сговоровъ на шести. Всѣ прочіе,

не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ непременно верхомъ, а зимою въ саняхъ на одной лошади (С. Г. Гр. III. 394) Вообще, ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣйшею ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особливо духовными лицами. Такъ, патриархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патриархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24 іюня. Архіереи обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою: спереди служка несъ посохъ; позади шли служки (Доп. II, 215).

Жены и особы женскаго пола семействъ боярскихъ и дворянскихъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ, и зимою. Лѣтніе назывались колымаги, зимніе каптаны. Колымаги дѣлались на высокихъ осяхъ, иногда съ лѣстницами, иногда же вовсе безъ ступеней, какъ лѣтнія, такъ и зимнія. Внутри онѣ обивались краснымъ сукномъ или червчатымъ бархатомъ и закрывались по бокамъ суконными или шелковыми занавѣсамп, иногда съ дверцами въ нихъ; въ эти дверцы вставлялись маленькія слюдяныя окна, задернутыя занавѣсками. Боковые занавѣсы пристегивались плотно къ краямъ экипажа такъ, чтобъ вѣтеръ никакимъ образомъ не могъ распахнуть ихъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ особъ такіе экипажи были чрезвычайно богаты; напримѣръ, у боярина Морозова была карета, ограбленная народомъ во время бунта, снаружи она была обложена золотомъ, обита внутри соболями высокаго достоинства съ окованными серебромъ колесами. (Olear. 255. — Коших. 14. — Das Gr. Reich v. Mosc. 208.)

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидѣла въ своей колымагѣ или каптанѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Таковую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатныя лица ѣздили и на нѣсколькихъ: тогда лошади припрягались одна къ другой не рядомъ, какъ дѣлается теперь, а гуськомъ, одна спереди другой; постромки между послѣднею и предпослѣднею на краю поѣзда были вдвое длиннѣе, чѣмъ между предшествовавшими. Лошади обвѣшивались еще наряднѣе, чѣмъ въ мужскихъ поѣздахъ, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цѣпочками и круглыми шариками, въ видѣ львиной головки, и покрывались попонами изъ бархата, или объяри, обложенными золотою и серебряною бахрамою съ кистями по угламъ. Кучеръ или сидѣль верхомъ на одной изъ лошадей, или шелъ пѣшкомъ; возжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда они привѣшивались; идя возлѣ лошадей, кучеръ помахивалъ арапникомъ изъ зайчей кожи съ набалдашникомъ изъ сайгачьяго рога. По бокамъ шли тридцать или сорокъ хо-

лоповъ, называемыхъ скороходами. Въ числѣ ихъ нерѣдко находились и такіе, которымъ, по приказанію господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи, и смотрѣть, чтобъ какъ нибудь ея взоры чрезъ приподнятую занавѣску не встрѣтились со взорами молодыхъ людей, способныхъ, при случаѣ, на всякую наглость. Если, такимъ образомъ, проѣзжалась сама царица, то экипажъ ея везли двѣнадцать лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали ее придворныя рабочія — женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадяхъ верхомъ по-мужски. Обычай женщинъ садиться верхомъ на лошадь по-мужски былъ въ старину въ среднемъ классѣ народа, но сталъ выходить въ XVII вѣкѣ (Барбер. 50.—Olear. 215. 217. 255.—Petr. 307.—Коших. 26.—Кильбург. 13.—Доп. IV, 103).

Лошади въ Москвѣ были въ употребленіи татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани и ея окрѣстностей каждагодно. Онѣ не отличались ни красотой, ни статностію, напротивъ были даже дурны собою, узкобрюхія съ тяжелой головой, съ короткой шеєю; за то очень крѣпкія, бѣжали скоро, и сносили всякій трудъ. Но такъ какъ эти достоинства годились не столько для городской ѣзды, сколько для дорожной, то у богатыхъ были лошади персидскія и арабскія, очень красивыя, хотя, по замѣчанію иностранцевъ, дурно выѣзженныя. Русскіе щеголяли особенно бѣлыми лошадьми. У зажиточныхъ хозяевъ во дворахъ было всегда много лошадей разныхъ разрядовъ: однѣ были исключительно верховыя; другія запрягались въ сани и назывались санники; третьи носили имя колымажныхъ, потому что закладывались только въ лѣтніе экипажи; четвертыя служили для посылокъ и разъѣздовъ (Коших. 65.—Olear. 28.—Mejerb. 101).

Въ дорогу отправлялись зимою въ саняхъ: женщины въ закрытыхъ каптанахъ; обыкновенно сани везли двѣ лошади. Протяженія измѣрялись верстами: въ верстѣ считалось тысяча сажень; но въ XVII вѣкѣ возникла новая верста въ 700 сажень; кромѣ того, существовала приблизительная мѣра дшищами, употребительная въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи. Русскія дорожныя сани были четверугольной формы, напоминавшія собою гробъ, назади шире, напередѣ уже. Ихъ дѣлали по большей части изъ древесной коры или лубья и предпочитали деревяннымъ по легкости. Собственно мужскія сани были не широки и очень длинны, такъ что можно было лечь въ ихъ свободно челомъ, а иногда и двумъ рядомъ. Сзади ихъ обивали рогожею, на бокахъ кожами и закрывали сверху мѣхами. Отправляясь въ дорогу, русскій одѣвался какъ можно теплѣе и

сверху набрасывалъ епанчу, въ предохраненіе отъ снѣга и дождя; на головѣ у него была шапка, покрытая и подбитая мѣхомъ, на рукахъ теплыя рукавицы, на ногахъ мѣховыя ногавицы, а за пазухой на цѣпочкѣ или на ремнѣ скляница съ виномъ; сверху онъ укрывался медвѣдномъ или медвѣжьейо шкурою. Путешественникъ вылазалъ изъ своей берлоги одинъ разъ въ сутки поѣсть. Запасы хранились въ тебенькахъ. Женскія дорожныя сани были такой же формы, снабжались по сторонамъ жердями, поставленными перпендикулярно со всѣхъ сторонъ по краямъ; на нихъ навѣшивалось сукно; сани закрывались имъ сверху и съ боковъ и только на одной сторонѣ оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женскія дѣлались гораздо шире мужскихъ, такъ что въ нихъ можно было сидѣть и лежать двумъ или тремъ женщинамъ вмѣстѣ, потому что госпожа не ѣздила безъ прислужницъ.

Зимній путь считался удобнѣе и легче лѣтняго, и всѣ иностранцы отдавали честь скорой ѣздѣ зимою. Только съ начала зимы встрѣчались неудобства, когда пролагались вновь зимнія дороги; разъ проложенная тропа оставалась въ первоначальномъ видѣ на всю зиму. Если мужику случалось проѣхать въ началѣ зимы и онъ выбиралъ непрямую дорогу—колея эта не измѣнялась, потому что искать новыхъ путей по сугробамъ было опасно. При ѣздѣ на ямскихъ, упряжки были очень велики: напримѣръ, шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ и болѣе; однако русскіе ямщики бѣжали безъ отдыха, особенно когда возили царскихъ гонцовъ. Чтобъ частному человѣку ѣхать на ямскихъ, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожныя въ старину наводили страхъ. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали въ дудочки, давая этимъ знать, чтобъ всѣ встрѣчные сворачивали съ дороги, а опоздавшимъ отвѣшивали по спинамъ удары кнутомъ. Проѣхавши каждую версту, ящикъ давалъ объ этомъ знать пронзительнымъ крикомъ: верста! Подъѣзжая къ яму, начиналъ ящикъ свистать сквозь зубы и этимъ подавалъ знакъ; услыша сигналъ, въ яму начиналась бѣготня: одни выводили лошадей, другіе несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двухъ рублей за 350 верстъ. Что касается до частныхъ лицъ, если они не имѣли протекціи для того, чтобъ приобрести подорожную, то должны были нанимать частныхъ ямщиковъ, которыхъ вездѣ было много; но тогда ѣзда обходилась дороже.

Лѣтомъ ѣзда была несравненно хуже, ибо русскія дороги представляли во все лѣто не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о веснѣ, во время водоразлитія, когда цѣлыя села казались плавающими. Починка дорогъ возлагалась на жителей

по сошному дѣленію, подъ надзоромъ руководителей, называемыхъ вѣжами, при выборныхъ цаловальникахъ, — они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень небрежно и дороги были до крайности дурны. Проѣзжіе лѣтомъ старались избѣгать сухопутныхъ поѣздокъ и чрезвычайно мало ѣздили, особенно съ женщинами; самые ямщики лѣтомъ пренебрегали своими обязанностями, и проѣзжій, достигавшій яма, могъ дожидаться нѣскольکو часовъ, пока соберутъ ямщиковъ и приведутъ лошадей изъ табуна или съ полевыхъ работъ. У кого не было своего лѣтняго экипажа, тому давался возъ, покрытый рогожею; коверъ и подушку проѣзжающій долженъ былъ возить съ собою. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ, охотнѣе и чаще ѣздили по рѣкамъ на судахъ, которыя можно было найти съ гребцами вездѣ, гдѣ дорога прилегала къ рѣкѣ; съ казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно также, какъ ямщиками и ихъ лошадьми. Величина струговъ и количество гребцовъ на нихъ соразмѣрялись съ шириною рѣки и протяженіемъ пути отъ одной пристани до другой. Струги, на которыхъ усаживалось много пассажировъ, напр. человекъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, дѣлались широкіе, съ одной мачтой и обыкновенно съ шестнадцатью веслами; подъ палубой устраивались клѣтки и перегородки для пассажировъ и ихъ багажа. Къ мачтѣ привязывался огромный холщевой парусъ, распускаемый во время попутнаго вѣтра. Вмѣсто руля употреблялся длинный и широкій шестъ, опущенный въ воду; другой его конецъ прикрѣплялся къ шесту, который утверждался неподвижно на стругѣ. Рулевой шестъ имѣлъ при своемъ окончаніи двѣ рукояти; когда нужно было поворотить стругъ, кормщикъ дѣйствовалъ посредствомъ веревокъ, которыя обвязывались около этихъ рукоятокъ (de Bruins, 76). На волокахъ, то есть на переѣздахъ отъ одной рѣки до другой, стояли на-готовѣ ямщики, для найма проѣзжающимъ и для возки тяжестей.

Величайшее неудобство русскихъ дорогъ, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, было отсутствіе гостиницъ и всякаго рода пристанищъ для путешественниковъ. Правда, кое-гдѣ при монастыряхъ существовали гостиницы, служившія иногда облегченіемъ для путешественника, но не могли входить въ условія повсемѣстныхъ дорожныхъ удобствъ. Зимой останавливались въ крестьянскихъ избахъ, болѣею частію курпыхъ, гдѣ нестерпимый жаръ и вонь приводили въ трепетъ иностранцевъ, но мало беспокоили русскую натуру. Лѣтомъ не заходили въ строенія вовсе, и готовили себѣ пищу на воздухѣ. Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, проѣзжій бралъ съ собою боль-

шой запасъ хлѣба, сушенаго мяса, рыбы, сала, меду; а другіе припасы набиралъ отъ города до города (А. И. П. 25. III. 107. 211. IV. 366. — А. А. Э. I. 481. — Доп. III. 90. 103. IV. 13. — С. Г. Гр. I. 61 — Врем. XIII. — Русск. Вѣстн. 1851. IX. 606. — Барбер. 38. — Petr. 283. 312. 319. — Olear. 152. — Borrow. 309. — Crull. 154. — de Bruins, 19).

XVI.

ПРИЕМЪ ГОСТЕЙ. — ОБРАЩЕНІЕ.

Въ приемъ гостей русскіе наблюдали тонкія различія сословныхъ отношеній. Лица высшаго званія подѣзжали прямо къ крыльцу дома, другіе вѣзжали на дворъ, но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ, которые почитали себя гораздо низшими предъ хозяиномъ, привязывали лошадей у воротъ и пѣшкомъ проходили весь дворъ — одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытой головою. Въ отношеніи царскаго этикета были подобныя же различія: одни имѣли право только вѣзжать въ Кремль, другіе останавливались у воротъ царскаго двора, и никто, подѣ опасеніемъ кнута, не смѣлъ провести черезъ царскій дворъ лошади. Со стороны хозяина, встрѣча гостя также соразмѣрялась съ его сословнымъ достоинствомъ. Важныхъ гостей сами хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатахъ. Существовалъ обычай дѣлать нѣсколько встрѣчъ прибываемымъ гостямъ. Такимъ образомъ у воротъ гостя встрѣчаетъ лицо низшаго званія въ домѣ; въ другомъ мѣстѣ, напр. у крыльца, другое лицо, выше перваго; въ третьемъ — еще высшее, или самъ хозяинъ. На этомъ обычаѣ устроивали при дворѣ почетныя встрѣчи: въ одномъ мѣстѣ встрѣчалъ гостя стольникъ, въ другомъ сокольничій, въ третьемъ бояринъ. Когда отецъ Михаила Осодоровича, Филаретъ Никитичъ, возвратился изъ плѣна, то ему устроено было три встрѣчи на дорогѣ: первая въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ, третья въ Звенигородѣ, гдѣ уже встрѣчалъ его самъ царь. Также точно и по пріѣздѣ его въ Москву къ церкви, у саней встрѣтили его архіепископъ съ двумя архимандритами, у дверей митрополитъ съ архимандритами и двумя игу-

менами, а въ церкви митрополитъ по степени достоинства выше предъидущаго (Доп. II. 215. — С. Г. Гр. III. 184).

Въ отношеніи права входить во дворець—одни, ближайшіе люди, пользовались правомъ входить въ комнату государя; другіе, ниже первыхъ, только въ переднюю; третьи ожидали царскаго выхода на крыльцѣ; а люди меньшихъ чиновъ не смѣли взойти и на крыльцо.

Подобныя отгѣнки различія въ приемѣ гостей наблюдались у частныхъ лицъ. Вообще старшіе не ѣздили въ гости къ младшимъ; на этомъ основаніи и царь никогда не посѣщалъ подданнаго. Но если къ хозяину пріѣзжалъ гость, котораго хозяинъ особенно чествовалъ, и который по служебнымъ, семейнымъ или общественнымъ условіямъ требовалъ уваженія, хозяинъ разставлялъ слугъ встрѣчать гости: напримѣръ, у воротъ его встрѣчалъ дворецкій, у крыльца сынъ или родственникъ хозяина, а потомъ въ сѣняхъ или передней хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головою, смотря по достоинству гостя. Другихъ же гостей не встрѣчали; напротивъ, сами гости ожидали выхода хозяина въ передней. Вѣжливость требовала, чтобъ гость оставилъ въ сѣняхъ свою палку, и вообще говорить, держа въ рукѣ палку, а тѣмъ болѣе опершись на'нее, считалось невѣжествомъ. Снявъ шапку, гость держалъ ее въ рукѣ съ платкомъ въ ней. Вошедши въ комнату, гость долженъ былъ прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, потомъ уже кланяться хозяину; въ поклонахъ ему соблюдалась также степень уваженія къ его достоинству. Такимъ образомъ, предъ одними только наклоняли голову, другимъ наклонялись въ поясъ, предъ третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; тѣ же, которые сознавали свое ничтожество предъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣни и касались лбомъ земли: отсюда выраженіе «бить челомъ». Равные и пріятели привѣтствовали другъ друга подачею правой руки, подлауемъ и объятіями, такъ что одинъ другаго целовали въ голову и прижимали къ груди. Хозяинъ приглашалъ гостя садиться или говорилъ съ нимъ стоя, также соразмѣряя степень его достоинства: на этомъ основаніи, не приглашая гостя садиться, и самъ или стоялъ, или сидѣлъ. Самое почетное мѣсто для гостя было подъ образами; самъ хозяинъ сидѣлъ по правую сторону отъ него. Гость изъ сохраненія приличія воздерживался, чтобъ не кашлять и не сморкаться. Въ разговорѣ наблюдалось тоже отношеніе достоинствъ гостя и хозяина; такъ, привѣтствуя свѣтскихъ особъ, спрашивали о здоровьѣ, а монаховъ о спасеніи; однимъ говорили *вы*, а себя въ отношеніи выспихъ лицъ называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, къ кому обращались, а себя унижая, въ родѣ слѣдующихъ: «благодѣте-

лю моему и кормилицу рабски челомъ бью; кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего; прости моему окаянству; дозволи моей худости.» Въ обращеніи съ духовными въ особенности изливалось тогдашнее риторство: говоривши съ какимъ нибудь архіереємъ или игуменомъ, расточали себѣ названія грѣшнаго, нищаго, окаяннаго, а его величали православнымъ учителемъ, великаго свѣта смотрителемъ, и проч. (Доп. I, 27, 31). Вообще, желая оказать уваженіе, называли лицо, съ которымъ говорили, по отчеству, а себя уменьшительнымъ полуименемъ. Было въ обычаѣ гостю предлагать что нибудь съѣстное во всякое время, а особенно водку и какія нибудь лакомства, какъ напримѣръ орѣхи, фиги, финики, и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего къ образамъ, полагалъ на себѣ троекратно крестное знаменіе съ поклонами, потомъ цаловался съ хозяиномъ, какъ и при входѣ въ домъ, если хозяинъ его удостоивалъ этимъ по достоинству, и, наконецъ, уходя, опять знаменовалъ себя крестомъ и кланялся образамъ. По мѣрѣ достоинства, хозяинъ провожалъ его ближе или далѣе порога.

Въ обращеніи съ низшими себя, по большей части русскій былъ высокомѣренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли передъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмѣненъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Въ русскомъ характерѣ было мало искренности; дружба цѣнилась по выгодамъ; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала ихъ взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за изліяніями дружественнаго расположенія и радушнымъ гостепріимствомъ. Довольно было любимцу государя пріобрѣсть царскую немилость, чтобъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекратили съ нимъ знакомство, но не хотѣли съ нимъ говорить и даже причиняли ему оскорбленія. Такъ, заточенную въ монастырь великую княгиню Соломовиду оскорбляли не только словами, но и побоями (Olear. 189. 205. — Mejerb. 75. — Herberst. 19. — Tuberv. 435. — Барбер. 33).

Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и церемонности съ грубостію татарскою. Въ разговорѣ наблюдались церемонія и крайняя осторожность; нерѣдко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счетъ: отсюда возникали тяжбы, которыхъ смыслъ состоялъ только въ томъ, что одинъ про другаго говорилъ дурно (Mejerb. 66. — Ворон. Акты. 1. 158. — Оп. Шуи. 345); съ другой стороны при малѣйшей ссорѣ не было удержу въ самыхъ грубыхъ изліяніяхъ негодованія. Обыкновенно, первое проявленіе ссоры состояло въ неприличной брани, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, составляетъ дурную сторону нашихъ нравовъ; эта брань

до того была обыкновенна, что позволяли ее себѣ духовныя лица, даже монахи и притомъ въ самой церкви (Ворон. Акты I. 158. — А. И. III. 319. — Стогл. в. 29). Самыя женщины и дѣвцы слѣдовали общему обыкновенію (Москвит. 1843. I. 238), и даже дѣти — говоритъ Олеарій — разсердившись на родителей, повторили слышанное ими отъ взрослыхъ, а родители не только не останавливали ихъ, а еще и сами бранили ихъ такъ же. Церковь преслѣдовала это обыкновеніе и духовные поучали, чтобъ люди другъ друга не маяли позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ, и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки свои и души не сквернили (А. А. Э. III. 404). Неоднократно цари хотѣли вывести русскую брань кнутомъ и батогами. При Алексѣѣ Михайловичѣ ходили въ толпахъ народа передѣтые стрѣльцы и замѣчая, кто бранился позорною бранью, тотчасъ того наказывали (Olear. 195. — Crull. 141). Разумѣется, эти средства были недѣйствительны, потому что сами стрѣльцы въ свою очередь не могли удержаться отъ крѣпкаго словца. Впрочемъ, очень часто вспыхнувшая ссора тѣмъ и ограничивалась, что обѣ стороны поминали своихъ родительницъ, и не доходили до драки; а потому брань сама по себѣ не вмѣнялась и въ брань: «красна брань дракою» — говоритъ пословица. Если же доходило дѣло до драки, тутъ русскіе старались прежде всего вцѣпиться одинъ другому въ бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на сабляхъ и пистолетахъ, обычные на западѣ, у русскихъ были совершенно неизвѣстны. У насъ были своего рода дуэли поссорившихся между собою, люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другаго бичами. Другіе бились палками и часто другъ друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести одинъ другому удары или прямо въ лицо, или въ дѣтородныя части (Crull. 141 — Olear. 190. — Strauss. 127). Смертные случаи были верѣдки, но уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ прекратились судебныя поединки на палкахъ и дубинахъ. За то въ XVII вѣкѣ развилось другаго рода мщеніе — доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его въ раззорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпѣть, но за то такая тяжба имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ поединка. Иногда изъ злобы подкладывали къ недругу вещь, потомъ подавали челобитную о пропажѣ этой вещи и изъявляли подозрѣніе, что она у того-то; производился обыскъ и вещь находилась: тутъ начинался длинный процессъ тяжбы, сопровождаемый пытками (Olear. 187). Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ. Одни изъ нихъ промышляли собственно для себя. Такимъ образомъ посвя-

щали себя этому занятію служащіе люди и дѣти боярскіе: они разѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсылщиковъ (Доп. I. 349). Другіе, напротивъ, работали для другихъ и, точно какъ италянскіе bravi кинжаломъ, служили своимъ искусствомъ тѣмъ, которые у нихъ его покупали. Хотя ихъ и преслѣдовали и клеймили позоромъ, но правительство вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствовало само доносамъ, когда они касались его интересовъ. Такимъ образомъ служилый человекъ, помѣщикъ или вотчинникъ, если открывалъ за своимъ товарищемъ какія нибудь уклоненія отъ обязанностей службы, влекуція потерю помѣстья, то вознаграждался именно тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, кого онъ уличалъ. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; всѣ другъ другу старались повредить, чтобъ выиграть самимъ. (Но всего дѣйствительнѣе для ябедника, всего опаснѣе для соперника, было объявленіе слова и дѣла государева, то есть обвиненіе въ нерасположеніи къ царю. Обвиненнаго подвергали пыткамъ, и когда онъ въ бреду страданія наговаривалъ на себя, то казнили, — что нужды, что онъ могъ быть невиненъ? Дѣло, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика бѣда, если за него пострадаютъ и невинные. Нигдѣ не было откровенности; всѣ боялись другъ друга; негодяй готовъ былъ донести на другаго; — всегда въ такомъ случаѣ можно было скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; отъ этого въ рѣчахъ господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпіоновъ было чрезвычайное множество: въ ряды ихъ вступали тѣ бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, которые, за уклоненіе отъ службы, тоже по доносу другихъ, лишались своихъ помѣстьевъ; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. И царь, такимъ образомъ, многое зналъ, что говорилось про него подданными.

XVII.

Пиршества. — Пьянство.

Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., въ старину выражалось пирами. Пиръ былъ обыкновенною формою общественнаго сближенія людей. Праздновала ли церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала изъ зем-

наго міра своего сочлена, или же Русь раздѣляла царское веселіе и славу побѣдъ—пирь былъ выраженіемъ веселости. Пиромъ тѣшились цари; пиромъ веселились и крестьяне. Желаніе поддержать о себѣ доброе мнѣніе у людей побуждало každого порядочнаго хозяина сдѣлать пирь и созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ. ?

Какъ все въ русской жизни, при рѣзкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бѣдности, пошло одинакія основанія, русскіе пиры у всѣхъ сословій сопровождались одинакими чертами, пріемами и обрядами. Русскія пиршества были двухъ родовъ: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторыя были складчины многихъ хозяевъ и преимущественно существовали между поселянами. (Пиры частныхъ лицъ давались въ дни пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и масляницы, при торжественныхъ семейныхъ случаяхъ—бракахъ, рожденіи и крещеніи дѣтей, при погребеніи, поминовеніи усопшихъ, въ день именинъ, по случаю новоселья и при вступленіи служащаго лица въ должность.) Царскіе пиры, кромѣ семейныхъ случаевъ и церковныхъ торжествъ, давались по поводу коронаціи, посвященія митрополитовъ и патріарховъ, при объявленіи царевича народу и по случаю пріема иностранныхъ пословъ.

(Когда домовитый хозяинъ учреждалъ пирь и приглашалъ гостей, то звать однихъ посылалъ слугъ, а къ другимъ ѣздилъ самъ, различая тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь приглашеніемъ, отъ тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ искать чести пріѣзда въ его домъ. При семейныхъ и пріятельскихъ пиршествахъ приглашались и жены гостей, но не къ мужскому столу, а къ особенному женскому, который жена хозяина учреждала въ то же время гостямъ своего пола. ?

Комната, назначенная для пира, заранѣе убиралась, устилалась коврами; на окнахъ висѣли занавѣсы, на карнизахъ клали паючники, постилали на столы и лавки нарядныя скатерти и полавочники, заправляли свѣчи въ паникадилы и уставляли поставецъ посудю. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сѣни, которыя были просторнѣе всѣхъ покоевъ. Столы устанавливались вдоль стѣны передъ лавками, а если было много гостей, то и рядами; мѣсто подъ образами въ углу было для хозяина, даващаго пирь.

! Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился въ шапкѣ на мѣсто, сообразное своему званію и достоинству. Мѣсто по правую руку отъ хозяина считалось самымъ почетнымъ. За нимъ другія мѣста нисходили по степенямъ, такъ что одно было ниже другаго и, такимъ образомъ, существовало три разряда мѣстъ: высшій, средній и низшій, какъ это выражается въ поэмѣ XVII вѣка «Горе-Злочастіе»:

«А идетъ онъ въ мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинные!»

Сѣсть выше другаго, считавшаго себя выше достоинствомъ, значило нанести ему оскорбленіе; на частныхъ пирахъ наблюдался, какъ въ царскихъ пиршествахъ и въ боярской думѣ, обычай мѣстничества. Скромный и благочестивый человѣкъ, исполняя буквально евангельскія слова, садился нарочно на мѣсто ниже того, какое ему слѣдовало, чтобъ хозяинъ свелъ его оттуда и перевелъ на высшее. Напротивъ, заносчивые люди, встрѣтаясь съ соперниками, съ которыми у нихъ давно не ладилось, пользовались случаемъ, чтобъ насолить имъ и садились выше ихъ, заводили споры, поставляли хозяина въ затрудненіе, и нерѣдко доходило до дракъ.

Предъ началомъ пира выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ малымъ обычаемъ, то есть кланялась въ поясъ, потомъ становилась у дверей. Господинъ кланялся имъ до земли и просилъ цаловать жену. Въ отвѣтъ на это, каждый гость также кланялся до земли и цаловался съ хозяйкой, а отошедши отъ нея, опять дѣлалъ поклонъ. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получалъ чарку и отдавалъ ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ прежде начать женѣ. Та отвѣдывала и отдавала мужу. Мужъ выпивалъ. Тогда уже начинали пить гости, одинъ за другимъ, и всякій разъ, какъ только гость пилъ, хозяинъ кланялся ему до земли. Окончивъ эти церемоніи, жена уходила въ свое женское общество. Гости усаживались за столомъ. Тогда хозяинъ разрѣзывалъ хлѣбъ на кусочки и изъ собственныхъ рукъ подавалъ гостямъ, одному за другимъ, вмѣстѣ съ солью. Этотъ обрядъ символически означалъ радушіе и гостепріимство. Существовало повѣрье, что хлѣбъ-соль прогоняетъ вредное вліяніе злыхъ духовъ. За обѣдомъ получать хлѣбъ-соль отъ хозяина—значило пользоваться его дружелюбіемъ; ѣсть вмѣстѣ хлѣбъ-соль—вообще означало согласіе и любовь. (Послѣ раздачи хлѣба-соли, носили кушанье обычнымъ порядкомъ.)

Гости ѣли обыкновенно по два человѣка съ одного блюда; хотя передъ ними и становились тарелки, но онѣ не перемѣнялись, какъ уже было сказано. Предъ почетнѣйшими гостями становили опричныя блюда, т. е. особыя. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, сидѣвшимъ близко него, а тѣмъ, которымъ не могъ подать, отсылалъ на тарелкахъ съ слугами. Эти куски означали расположеніе. Въ то же время самъ хозяинъ накладывалъ кушанья въ блюда и тарелки и отсылалъ отсутствующимъ, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, под-

нося подачу отъ хозяина, говорилъ: «чтобъ тебѣ, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорбленіемъ.)

Когда былъ пиръ во полупирѣ, какъ выражаются пѣсни, и приносили круглые пироги, — кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира, — тогда двери изъ внутреннихъ покоевъ растворялись; изъ нихъ выходили жены сыновьевъ хозяина, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками. Мужья этихъ женщинъ вставали изъ за стола, ставовились у дверей и, кланяясь, просили гостей цаловать ихъ женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ, и цаловались съ каждой, съ поклонами, какъ прежде съ хозяйкой. У нѣкоторыхъ этотъ обрядъ исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась предъ началомъ пира, а приходила теперь, въ сопровожденіи женскихъ особъ семейства и прислужницъ, несшихъ вино и сосулы. Хозяйка подносила почетнѣйшему гостю вино и немедленно удалялась, потомъ приходила снова въ другомъ уже платьѣ и угощала другого гостя, опять уходила и снова являлась переряженная въ иное платье и потчивала третьяго гостя; тоже дѣлалось въ отношеніи всѣхъ гостей по одиночкѣ, и каждый разъ хозяйка являлась въ новомъ нарядѣ. Эти переряживанья служили для показанія роскоши и богатства хозяина. Обнесши такимъ образомъ всѣхъ гостей, хозяйка становилась у стѣны, при краѣ стола, опустивши голову. Гости подходили къ ней и цаловались; иногда, послѣ поцалуевъ, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Этотъ обычай цалованья съ хозяйскими женами очень древній; еще въ XII вѣкѣ не одобрялъ его Іоаннъ Пророкъ (Русск. Достоп. I. 98); онъ удержался, какъ памятникъ древней славянской свободы женскаго пола, несмотря на то, что вліяніе Византіи и татаръ измѣнило убѣжденіе русскаго народа въ этомъ отношеніи.

Отличительная черта русскаго пиршества была — чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру — гостѣба толсто-трапезна! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобъ ихъ отвести безъ памяти во-свосяси; а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ не пьетъ, не ѣстъ — говорили о такихъ — онъ не хочетъ насъ одолжать!» Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлають куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ тоже время пировавшія съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ созванія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьѣ гостя. — «Благодарю за угощеніе, отвѣчала въ такомъ случаѣ гостя: — мнѣ вчера было такъ весело, что я не

знаю, какъ и домой добрела.) Но съ другой стороны, считалось по-стыднымъ сдѣлаться скоро пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были призвать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобъ ихъ болѣе не принуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись съ полудня до вечера, и позже. По окончаніи стола, еще продолжалась попойка. Всѣ сидѣли на прежнихъ мѣстахъ. Хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посрединѣ съ открытой головою и, поднявъ вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье нибудь здоровье: начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей, и за разныхъ лицъ, смотря по дѣли, съ которою давали пиръ. Выпивъ, хозяинъ оборачивалъ чашу вверхъ двомъ надъ головою, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли, и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того, хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посрединѣ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста. Три этихъ заздравныхъ тостахъ, пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Можно представить, какъ долго тянулась эта церемонія, когда, на примѣръ, пивши за государя, слѣдовало пригваривать его полный титулъ.

Во время пировъ кормили и слугъ, пріѣхавшихъ съ гостями, и одинъ довѣренный слуга долженъ былъ наблюдать, чтобъ эти низшаго достоинства гости не передрались между собою и не надѣлали чего нибудь вреднаго хозяину. /

Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки. Нерѣдко русскій дѣлалъ пиръ и щедро поилъ и кормилъ гостей для того, чтобъ потомъ получить отъ нихъ подарковъ гораздо на большую сумму, чѣмъ какой стоило ему угощеніе. Такъ поступали въ городахъ воеводы: они учреждали пиры и зазывали къ себѣ гостей для того, чтобъ выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, по неволѣ, въ угожденіе сильному человѣку, являлись на пиршество. Впрочемъ, существовалъ обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай въ свою пользу. Чтобъ болѣе обязать своихъ гостей, воевода созывалъ къ себѣ на пиръ богатыхъ посадскихъ,

самъ дѣлалъ имъ подарки, а тѣ должны были отдавать за нихъ вчетверо. Если же бы кто нибудь былъ невнимателенъ и оставилъ безъ подарка начальственное лицо, учреждавшее пиръ, то у него безъ церемоній вымогали и насильно, потому что требовать подарковъ не считалось предосудительнымъ. Поднося подарокъ, говорились: «чтобъ тебѣ, государь, здравствовать!» Обычай дарить соблюдался и въ царскихъ пирахъ; приглашенные на пиръ во время царскихъ свадебъ или по поводу коронаціи должны были подносить царю дары, а на праздничныхъ царскихъ столахъ, духовные, приглашенные къ обѣду, получали отъ царя подарки.

Праздничныя и семейныя пиршества у степенныхъ и набожныхъ особъ отличались характеромъ благочестія. Обыкновенно послѣ литургіи духовенство приносило въ домъ крестъ, иконы, частицы св. мощей, святили воду, мазали ею въ домѣ всѣ иконы, кропили во всѣхъ покояхъ, окуривали весь домъ ладаномъ, иногда же приносили святую воду изъ церкви и кропили ею домъ. По окончаніи молитвословія начиналась трапеза. Духовныя лица занимали почетнѣйшія мѣста между гостями. Въ одномъ старинномъ поученіи говорится: «посади ихъ и постави имъ трапезу, якоже самому Христу; самъ же имъ буди во службѣ, и жена твоя и дѣти твои, аще ли нужда будетъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди, и твори имъ имя твоя знаемо, да у олтаря Божія молитва за тя, яко темьянъ возносится» (Погод. Сборн. № 1024). На столѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, ставили просфору Пресвятыя Богородицы, какъ это дѣлается въ монастыряхъ. Трапеза начиналась молитвою: «Достойно есть...» При поставкѣ на столѣ перваго купанья, хозяинъ приглашалъ гостей ласковымъ и благочестивымъ словомъ. Во время всего пира дьячки пѣли духовныя пѣсни, приличныя празднику или событію, по поводу котораго учреждалась трапеза. Въ сѣняхъ и на дворѣ кормили нищихъ. Пирюя съ духовенствомъ и гостями, хозяинъ высылалъ своихъ сыновей и родныхъ угощать эту меньшую братію. Нѣкоторые очень благочестивые люди даже сажали нищихъ за одинъ столъ съ собою и съ гостями. По окончаніи обѣда, возносилась чаша Пресвятыя Богородицы; всѣ пили во славу Божіей Матери, потомъ пили за здоровье царя, бояръ, за воинство, за хозяина и гостей съ пѣніемъ всѣмъ многолѣтія, а также и за упокой усопшихъ, если это согласовалось съ цѣлію пиршества или съ значеніемъ праздника, когда пиршество отправлялось. Послѣ стола хозяинъ раздавалъ нищимъ, у него обѣдавшимъ, милостыню.

Не таковъ былъ характеръ пиршествъ у разгульныхъ людей. На этихъ пирахъ иногда не удаляли и женскій полъ; мужчины и женщины подавали другъ другу питье и цаловались, брались за руки и

играли между собою. Хозяинъ приглашалъ гуслировъ и скомороховъ: тутъ-то пѣлись старинныя геройскія пѣсни; потомъ, когда хмѣль далеко заходилъ въ голову, начинали пѣть пѣсни удалыя, срамныя; скоморохи тѣшили компанію непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали, плескали одинъ въ другаго виномъ, а иногда и дрались; и часто хозяинъ вмѣстѣ съ слугой выталкивалъ ихъ, облитыхъ кровью. Случались и убійства, особенно пзъ-за мѣсть. Вначалѣ, когда сходятся на пиръ, говорятъ одно старое обличительное слово: каждому хочется сѣсть на высшее мѣсто, но надобно же кому нибудь сидѣть и на низшемъ; огорченный не хочетъ и скрываетъ гнѣвъ въ сердцѣ, пока трезвъ; когда же напьется, то въ изступленіи ума начинаетъ словами задирать того, на кого сердится; если тотъ еще не напился, то промолчить; — забѣйка отпустить ему еще что нибудь похуже и доведеть до того, что тотъ выйдетъ пзъ себя, начнется брань и одинъ другаго шпырнетъ ножемъ. Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, токмо въ пьянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ, — говорятъ это обличительное слово (Арх. Калач. Пирь и братч. 49).

Крестьянскія пирушки, даваемыя по поводу семейныхъ и праздничныхъ торжествъ хозяевами, назывались *особымъ пивцомъ*, потому что тогда дозволялось имъ варить пиво, брагу и медъ для домашняго питья. Обыкновенно это позволеніе дѣлалось четыре раза въ годъ: на Великій день, Дмитріевскую субботу, на масляницу и на Рождество Христово или въ другой день, вмѣсто какого нибудь изъ этихъ праздниковъ. Право это крестьянинъ имѣлъ на три дни, иногда же и на недѣлю; сверхъ того, такое же разрѣшеніе давалось по поводу крестянъ и свадебъ. Крестьянинъ долженъ былъ каждый разъ испрашивать дозволенія начальства, и это дозволеніе давалось съ разборомъ — только лучшимъ людямъ. По окончаніи льготнаго времени, кабацкій голова печаталъ оставшееся питье до другаго праздника.

Братчины носили названіе сыпныхъ братчинъ или сыпчинъ и участники въ братчинѣ назывались сыпцами, вѣроятно оттого, что встарину каждый жертвовалъ на вареніе пива и браги зерномъ. Такъ какъ сыпцевъ могло быть много, то для распоряженія и соблюденія порядка выбирался староста. На братчинахъ происходили разныя происшествія и споры, а потому братчинамъ издавна давали право самосуда. Такъ въ псковской судной грамотѣ говорилось: «и братчины судить, какъ судили». Это право предоставлялось братчинамъ и до конца XVII вѣка. Однако въ послѣднее время уголовныя дѣла не подлежали ихъ домашнему разбирательству. Братчины собирались

по бѣльшей части въ праздники и потому назывались именами праздниковъ, какъ-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними за урядъ. Братчины еще чаще, чѣмъ частные пиры, сопровождались безчинствами и на нихъ нерѣдко происходили драки и убійства, а потому благочестивые люди не совѣтовали участвовать въ этихъ складчинахъ. (А. И. IV, 340, 539. — А. А. Э. I, 80. — III, № 39. — Древн. Русск. Вивл. VI. — Доп. I, 195, VI, 99. — Пск. Суд. Гр. 17. — Olear. 193, 205, 260. — Mejerb. 63, 137. — Коших. 49, 119. — А. г. Шуи. 119. — Das Gr. Reich v. Mosc. 196—203. — Carlisle. 148).

Русскій народъ издавна славился любовью къ попойкамъ. Еще Владиміръ сказалъ многозначительное выраженіе: «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти!» Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностію перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: были случаи, что знатный человѣкъ, ради забавы, поилъ простаго, и тотъ, не смѣя отказываться пить до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія — и съ опасностію потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностію. Одинъ русскій посолъ въ Швеціи, въ 1608, въ глазахъ чужестранцевъ обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жадеиъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханіотовъ, сдѣлался пожаръ. Очень скоро дошелъ онъ до главнаго кабака.... народъ бросился туда толпою; всѣ сѣвшили черпать вино шапками, сапогами; всѣмъ хотѣлось напиться дароваго вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный мертвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, и большая часть столицы превратилась въ пепель. До того времени, какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статью государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впоследствии. Простой народъ пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники; но когда вино

начало продаваться отъ казны, когда къ слову «кабакъ» приложился эпитетъ царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Размножились жалкіе пьяницы, которые пропивались до виточки. Очевидецъ рассказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый; некручинный, распѣвая пѣсни и отпуская крѣпкое словцо пѣмцамъ, которые вздумали было сдѣлать ему замѣчаніе. Эти случаи были часты и въ Москвѣ, и въ городахъ, и въ деревняхъ — вездѣ можно было видѣть людей, лежащихъ безъ чувствъ, въ грязи или на снѣгу. Воры и мошенники обирали ихъ и часто послѣ того зимою они замерзали. Въ Москвѣ, на масляницѣ и на святкахъ, въ земскій приказъ каждое утро привозили десятками замерзшихъ пьяницъ.

Распространенію пьянства въ народѣ способствовали кабачные головы и цаловальники, которые прибѣгали ко всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобъ избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобъ воротить заплаченное въ казну, если брали вино на откупъ. Они давали пьяницамъ въ долгъ какъ можно побольше, а между тѣмъ прибавляли счетъ, пользуясь тѣмъ состояніемъ, когда пьяные не въ силахъ уже были ни размышлять, ни считать; потомъ, когда искушенные такимъ легкимъ средствомъ получаютъ хмѣльное даже и безъ наличныхъ денегъ, пьяницы порядочно запутаются въ разставленной на нихъ сѣти, кабацкіе головы объявляютъ, что пора платить; оказывается, что платить нечѣмъ; тогда забирали имущество должниковъ, втрое дешевле настоящей его цѣны; при этомъ страдали и невинные, жившіе не въ раздѣлѣ съ должниками.

Случалось, что люди порядочнаго происхожденія, то есть дворяне и дѣти боярскіе, запивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до-нага. Изъ такихъ-то молодцевъ образовался особый классъ пьяницъ, называемый кабацкіе ярыги. У этихъ удалцовъ не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщемъ презрѣніи и таскались по міру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаковъ и въ кабакахъ, униженно вымаливая у проходящихъ чарочку винца Христа-ради. Готовые на всякое злодѣяніе, они составляли при случаѣ шайку воровъ и разбойниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и сказахъ они представляются искусителями молодыхъ неопытныхъ людей. Нѣкоторые пьяницы оправдывали себя тѣмъ, что они, напившись, ведутъ себя смиренно: «то есть не пьяница, — говорили они, — иже упився ляжетъ спать, то есть пьяница, иже упився толчетъ, бьетъ, сварится». На это про-

повѣдники церкви отвѣчали имъ: «и кроткій упився согрѣшаетъ, аще и спати ляжетъ: кроткій убо пьяница, акъ болванъ, акъ мертвецъ валяется, многожды бо осквернился и домочився смердитъ, егда убо кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ не могій двигнутися акъ мертвъ, расслабивъ свое тѣло, мокръ, палывая яко мѣхъ до горла; богобоязливымъ же, наслаждающимъ сердца въ церквахъ иѣнія и чтенія, акъ на небеси мнятся стояще; а пьяница не могій главы своея возвести, смрадомъ отрыгая отъ многа питья, чимъ есть рознь поганыхъ» (Злат. мат. рук. л. 341. Сл. о постѣ). Церковные наставники объявляли, что отъ пьянаго чловѣка удаляется ангелъ хранитель, и приступаютъ къ нему бѣсы (Румянц. сборн. № 359); пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ жи и зла говоритъ, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ:—«николи же тако возвеселихся о жертвѣхъ поганыхъ чловѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяницахъ бо вся дѣлеса моего хотѣнья; лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоець, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяни» (Румян. сб. 186).

Духовенство не только не отличалось трезвостію, но еще перешеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. На свадьбахъ священнослужители до того напивались, что надобно было ихъ поддерживать.

Чтобъ положить границы неистовому пьянству въ кабакахъ, правительство, вмѣсто ихъ, завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино пропорціями не менѣе кружекъ, но это не помогло. Пьяницы сходились въ кружечные дворы толпою и пили тамъ по цѣлымъ днямъ. Другіе охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя въ корчмахъ.

Болѣе всего пристанищемъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ были тайныя корчмы или ропаты. Подъ этимъ названіемъ разумѣлись еще въ XV и XVI вѣкахъ притоны пьянства, разврата и всякаго безчинства. Содержатели и содержательницы такихъ заведеній получали вино въ казенныхъ заведеніяхъ или курпили тайно у себя и продавали тайно. Вмѣстѣ съ виномъ въ корчмахъ были игры, продажныя женщны и табакъ. Какъ ни строго преслѣдовалось содержаніе корчемъ, но оно было до того выгодно, что многіе рѣшались на него, говоря: барыши, полученные отъ этого, до того велики, что вознаграждаютъ и за кнутъ, котораго можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнаетъ о существованіи корчмы. (Врем. IV. См. 58. V.—Лѣт. Норманск. 4. — Доп. 55. — А. г. Шуй. 197.—

Маржер. 16. — Olear. 194. 195. 258. — Petr. 309. — Fletch. 44. — Crull. 145. — Mejerb. 139. — Straus. 196. 214).

XVIII.

УВЕСЕЛЕНІЯ.—ИГРЫ.—ЗАБАВЫ.

У высшихъ классовъ порывы всякой веселости были подчинены правиламъ церковнаго порядка. У тѣхъ, которые хотѣли быть и казаться благочестивыми, церковное пѣніе было единственнымъ развлеченіемъ. Въ старину существовали для него школы: мальчики учились у церковныхъ дьячковъ и составляли пѣвческіе хоры. Нищіе, прося милостыню, и колодники, которыхъ выводили изъ тюрьмы собирать подаяніе, съ жалобными причетами пѣли пѣсни нравственнаго и религіознаго содержанія и приводили въ чувство тогдашнюю публику. Музыка преслѣдовалась церковью положительно. Самыя народныя пѣсни считались бѣсовскимъ потѣшеніемъ. Православная набожность хотѣла всю Русь обратить въ большой монастырь. Однако русскій народъ постоянно соблажнялся запрещеннымъ плодомъ; даромъ что инструментальная музыка возбранялась не только церковью, но даже и свѣтскою властію, славянская натура вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить. Въ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, говорится, что Христосъ посредствомъ пророковъ и апостоловъ призываетъ насъ, «а дьяволъ зоветъ гуслими и плесцѣи и пѣснями непріязненными и свирѣльми». Богъ вѣщаетъ: приидите ко мнѣ вси, и никто не двинется; а дьяволъ устроитъ сборище (заречетъ сборъ) и много набирается охотниковъ. Заповѣдай постъ и бдѣнье — всѣ ужаснутся и убѣгутъ, а скажи «пирове ли, вечера ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крылаты» (Рум. муз. рук. 186). У русскихъ были свои національные инструменты: гусли, гудки (ящики со струнами), сопѣли, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (родъ литавръ), вольники, ленки, мѣдные рога и барабаны (Рум. муз. рукоп. №374). Всѣмъ этимъ тѣшили православный людъ скоморохи, составлявшіе у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенный ремесленный цехъ, постоянно преслѣдуемый ревнителями благочестія. Иногда они образовывали вольную труппу изъ гуляющихъ людей всякаго происхожденія, иногда же принадлежали къ дворнѣ какого нибудь знатнаго господина. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры и накры, третьи плясали, чет-

вертые показывали народу выученных собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто въ соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ позорами или дѣйствами, т. е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное (скоморошное) платье и надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древень, и еще въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кириллъ осуждалъ позоры нѣкакн бѣсовскіе со свистаніемъ, и клячемъ, и воплемъ. Въ числѣ такихъ позоровъ было, между прочимъ, вожденіе кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бѣсовскимъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти позоры заключали въ своихъ основаніяхъ остатки древней славянской мифологіи, сильно искаженные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Скоморохи ходили большими компаніями, человекъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ посада въ посадь, изъ села въ село и представляли свои позоры преимущественно въ праздники; «лѣнныя, безумныя невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобъ собираться на улицахъ и на игрищахъ, — говорится въ предисловіи къ слову о недѣли св. Евсевія (Румянц. Муз. № 182. Злат. мат. 210), — и тутъ обрящещи ива гудяща, ива плещуща, ива поюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа другъ друга на зло». Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь; мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улица» иногда означало веселое игрище; и старыя и малыя глазѣли на нихъ и давали имъ — кто денегъ, кто вина и пищи (Слово о Христ. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. октябрь). Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимались пѣть, играть, плясать и веселиться. Зимую разгулье скомороховъ было преимущественно на святкахъ и на масляницѣ; тутъ они ходили изъ дома въ домъ, гдѣ были попойки, и представляли свои потѣхи; нѣкоторые, несовсѣмъ разборчивые въ средствахъ возбудить веселіе гостей, пригласали ихъ на свадьбы; когда ѣхали къ вѣнцу, впереди бѣжали смѣхотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебномъ пиру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментовъ своихъ свадебныя пѣсни. Вообще же пѣсни ихъ были болѣею частію содержанія, оскорбляющаго стыдливость; ихъ танцы были непристойны; наконецъ ихъ позоры также имѣли предметомъ болѣею частію что нибудь соблазнительное и тривіальное, какъ это

можно видѣть изъ сохранныхъ Олеаріемъ изображеній скомороха, сидящаго верхомъ на другомъ скоморохѣ и представляющаго, какъ видно, половое совокупленіе животныхъ, и другаго скомороха въ самомъ отвратительномъ и непристойномъ образѣ. Веселость неразвитаго человѣка всегда ищетъ потѣшнаго въ томъ, что образованное чувство находитъ только пошлымъ.

Правительство, слѣдуя внушеніямъ церкви, не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцевъ. При **Михаилѣ Осодоровичѣ** однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ музыкальные инструменты сожигали; такимъ образомъ ихъ было истреблено пять возовъ. Лишенные всякаго покровительства власти, скоморохи нерѣдко терѣли и отъ частныхъ лицъ: ихъ зазывали въ дома и, вмѣсто того, чтобъ давать имъ, отнимали у нихъ, что они получали, ходя по міру, да въ добавокъ еще колотили. Эти случаи побуждали ихъ также прибѣгать къ насильственнымъ поступкамъ: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда напали на проходящихъ и проѣзжихъ, грабили и убивали ихъ. Было повѣрье, что подъ видомъ такихъ весельчаковъ ходили бѣсы: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобрази въ человѣки и идыше въ сборѣ велицѣ унестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ свирѣли и инія, возложыше на яскураты, идыху на злоумысленіе къ человѣкомъ; мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсовъ течаху». Прозорливые мнѣши видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палочками, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ и «ужами за сердце поченившѣ и влечаху» (Погод. Сборн. № 1288.—Оп. арх. Ив. 296. 298.—Стогл., вопр. 16. 18.—Русск. Достоп. I. 114.—А. И. IV. 125. 355.—Оп. Шуи, 452.—Москв. 1843. 238.—Herberst. 42.—Olear. 93. 302.—Carlis. 206.)

Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрные битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты, тучъ же били въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ — бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. За то на нихъ-то въ особенности русскіе приучались къ ударамъ и

побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ. Сверхъ того, молодые люди собирались въ праздники—боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, метали копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляли изъ луковъ въ войлочные цѣли и въ поставленные шапки. Въ этихъ играхъ побѣдители получали награды и выигрывали заклады. Вѣроятно, въ старину существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла, вошедшемъ въ Коричую и такимъ образомъ постоянно служившемъ церковнымъ закономъ, участники такихъ забавъ изгонялись изъ церквей (да изгнани будутъ отъ сыновъ божьихъ церквей); а убитые въ примѣрныхъ схваткахъ, кулачныхъ и палочныхъ бояхъ и вообще заплатившіе нечаянно жизни за удовольствие потѣшиться на этихъ турнирахъ «да будутъ, — сказано въ томъ же правилѣ Кормчей, — прокляти и въ сей вѣкъ и въ будущій; аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія изъ нихъ принимать, рекше просфуры и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ» (Публ. Библ. рукоп. № 49). Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и всѣ игрища.

Женщины и дѣвицы, лѣтомъ, въ праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугахъ близъ селеній. Русскія пляски были однообразны: онѣ состояли въ томъ, что дѣвицы, стоя на одномъ мѣстѣ, притопывали, вертѣлись, расходились и сходились, хлопали въ ладоши, выворачивали спину, подпирались руками въ бока махали вокругъ головы вышитымъ золотомъ платкомъ, двигали въ разныя стороны головою, подмигивали бровями, — всѣ эти движенія дѣлались подъ звуки инструмента какогонибудь скomorоха. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи по праздникамъ иногда заставляли предъ собою плясать своихъ рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. По церковному воззрѣнію, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: «о, злое проклятое плясаніе! говоритъ одинъ моралистъ) о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! пляшущи бо жена любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатавина; вси бо любящій плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ — со Иродьскоу неугасимый огонь и неусыпай червь осудить!» (Злат. Мат. рук. Публ. Библ., стр. 341). Даже смотрѣть на пляски считалось предосудительнымъ: «не зрите плясанія и ивыя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и

слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанивы любовищцы» (Публ. Библ. рукоп. № 1. 64). Любимое прерожденіе женскаго пола во всѣхъ классахъ были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; перваго рода качели дѣлались очень просто: прикрѣплялась къ веревкѣ доска, на нее садилась, а другіе веревками качали; другаго рода качели строились сложнѣе, какъ и въ настоящее время дѣлаются въ городахъ.

Въ праздникъ пасхи нѣкоторые составляли себѣ изъ этого прібыточный промыселъ: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый разъ брали по серебряной денгѣ съ лица. Женщины простаго званія, посадскія и крестьянки — качались на улицахъ, а принадлежація къ зажиточнымъ и знатымъ семействамъ у себя въ дворахъ и садахъ. Качанье на доскахъ происходило такъ: на бревнѣ клали доску, двѣ женщины становились по краямъ ея и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, такъ-что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверхъ того, женщины качались какъ-то на колесѣ.

Зимнес увеселеніе мужшинъ и женщинъ было кататься на конькахъ по льду: дѣлали деревянные подковы съ узкими желѣзными полосами, которыя напередѣ загибались всрхъ, такъ что желѣзо удобно рѣзало ледъ. Русскіе катались на конькахъ съ удивительною легкостію и проворствомъ, Также зимою катались на салазкахъ. Зимніе праздничные вечера проводились въ домашнемъ кругу и съ пріятелями: пѣлись пѣсни, бахары (разказчики) разказывали сказки, собесѣдники загадывали загадки, наряжались, смѣшили другъ друга, дѣвушки гадали. Вообще и на эти увеселенія церковь смотрѣла неблагосклонно: «не есть законъ христіанину всякому баснословити, ибо рече Христосъ во Евангеліи: о всякомъ глаголъ празднѣ воздають слово чловѣци въ день единый» (Пог. сборн. Публ. Библ. № 1321). Цари запрещали народу всякую веселость; но въ то же время и царскія семейства забавлялись пѣснями, которыя пѣли имъ потѣшники, сказкамъ, смотрѣніемъ на пляску и даже разными дѣйствами или сценическими представленіями. Во дворцѣ были веселые гусельники, скрипичники, домрачей, цымбальники, оргависты; штатъ двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потѣшавшіе высокихъ особъ своими шалостями. Это дѣлалось даже и при благочестивомъ Теодорѣ Іоановичѣ, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно также и у знатныхъ господъ былъ свой подобный придворный штатъ шутовъ, шутихъ, сказочниковъ, пѣсельниковъ, скомороховъ, не знавшихъ никакой другой обязанности, кромѣ той, чтобы въ часы досуга потѣшать господъ и гостей. Изъ такихъ потѣшниковъ были такіе, ко-

торыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ напиваться до-пьяна и дѣлать всякаго рода дурачества въ пьяномъ состояніи (de Bruijn, 12). Строгий и набожный царь Алексѣй Михайловичъ, при всемъ своемъ аскетическомъ благочестіи, въ дни рожденія и крещенія дѣтей своихъ, устраивалъ на дворѣ музыку изъ инструментовъ того времени, не смотря на то, что духовные называли такіе инструменты бѣсовскими сосудами; а подъ конецъ своего царствованія этотъ государь до того подчинился иноземному вліянію, что допустилъ у себя театръ; сначала играли предметы изъ священной исторіи, а далѣе, узнавши, что другіе монархи увеселяются танцами, царь отвѣдился смотрѣть на балетъ « Орфей. »

Игры, имѣвшія цѣлю выигрышъ, были въ употребленіи въ Россіи: зернь, карты, шахматы, и тавлеи или шашки. Зернь — были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены; искусники умѣли всегда бросать ихъ такъ, что они падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ времени, и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ ею заниматься. При Алексѣѣ Михайловичѣ, однажды, жадность къ деньгамъ пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири, въ 1667 г., зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка, и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Игры эти тѣмъ менѣе казались возможнымъ допустить, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣвтяевъ, гулякъ, негодяевъ, развратныхъ людей; пристанище ихъ было въ корчмахъ или въ кабакахъ, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Какъ бываетъ всегда со всѣмъ запрещеннымъ, по мѣрѣ большихъ преслѣдованій, зернь и карты болѣе привлекали къ себѣ охотниковъ. Игры эти были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и такъ какъ русскіе играли лучше инородцевъ, то оставались всегда въ выигрышъ и пріобрѣтали отъ нихъ дорогіе мѣха. Карты были въ меньшемъ употребленіи, но, какъ забава, была допущена даже при дворѣ; такъ, при Михаилѣ Федоровичѣ для забавы маленькому Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахматовъ, эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ въ старину, какъ и тавлеи или шашки. Однако благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты, музыку.

На ряду съ зернью и картами, считали непозволительнымъ удовольствіемъ табакъ; но какъ ни строго преслѣдовали это бѣсовское зелье, однако въ XVII вѣкѣ онъ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его отчасти отъ европейскихъ торговцевъ, отчасти съ Востока отъ грековъ, армянь, персіянъ, турокъ, — отчасти отъ малороссіянъ. Были такіе охотники до табаку, что готовы были отдать за него послѣднюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое противъ настоящей цѣны, потому что онъ былъ запрещенъ. Табакомъ по Россіи торговали удалые головы, готовые рысковать и познакомиться съ тюрьмою и съ кнутомъ, лишь бы копѣйку зашибить. При продажѣ табаку его называли не настоящимъ именемъ, а какимъ нибудь условнымъ названіемъ, напримѣръ: свекольный листъ, толченый яблочный листъ. Табакъ курился не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посредицѣ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики затягивались до того, что въ два или три пріема оканчивали большую трубку, и нерѣдко ослабѣвали и падали безъ чувствъ. Нѣсколько такихъ молодцевъ сходились «попить заповѣднаго зелья табаку» и передавали другъ другу трубку. «Ахъ, какое чудесное зелье табакъ! Нѣтъ ничего лучше въ свѣтѣ табаку; онъ мозгъ прочищаетъ!» говорили они, очнувшись отъ одурѣнія, сопровождавшаго излишнее куреніе слишкомъ крѣпкаго табаку. Люди благочестивые и степенные, напротивъ, остерегали, что если «который человекъ начнетъ дерзати сію бѣсовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то въ того человекъ мозгъ ускрутитъ и вмѣсто того мозга впадетъ въ главу его тая смердящая воня, изгубить въ немъ весь мозгъ его, начнетъ тако смердящая тая воня пребывати во главѣ его и неточію во единой главѣ его; но и во всѣхъ костяхъ его тая смердящая воня вселится вмѣсто мозговъ. И аще ли кій человекъ которымъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское, таковому бо человекъ не подобаетъ въ церковь божію входить, и креста и евангелія цаловати, и причастія отнюдь не давати, свѣщи или просфоры или ефиману и всякаго приношенія, и съ людьми ему не мытися и не ясти, дондеже престанетъ отъ таковыя дерзости» (Рум. муз. рукоп. № 374). Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что бѣсъ досталъ сѣмена табачныя изъ глубины ада и посѣялъ ихъ на могилѣ блудницы. Воспитанныя разложившимся ея тѣломъ, адскія сѣмена произвели траву, а бѣсъ научилъ употребленію ея людей, которые, сами того не зная, отдаются въ державу дьявола.

Какъ зернь и карты, табакъ при Алексѣѣ Михайловичѣ отважды нѣсколько времени служилъ корыстолюбію правительства, и въ Си-

бири былъ отданъ на продажу отъ казны, но вскорѣ опять подвергся запрещенію, по убѣжденію духовенства.

Самою достойнѣйшею высшаго класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрѣли неблагоклонно! У насъ она не была принадлежностію только высшихъ классовъ, какъ на западѣ, потому что звѣрей было слишкомъ много; но простолюдины занимались ею для выгодъ и какъ повинностію. Въ XVI вѣкѣ тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвѣжьи поля, что на тогдашнемъ языкѣ значило гояться за звѣремъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ не разъ государи выѣзжали изъ Москвы охотиться около Можайска, гдѣ было множество зайцевъ и около Переяславля. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для примѣрной травли. Владѣльцы имѣній собирали сосѣдей, устраивали поля и приготовляли все необходимое для стола. Государь выѣзжалъ въ поле съ большою свитою князей и бояръ, самъ одѣтый въ золотомъ терликѣ или чугѣ, съ двумя продолговатыми ножами и кнжаломъ за поясомъ и съ кистенемъ за спиною; въ рукахъ у него былъ хлысть, длиною въ локоть, съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ; ближніе люди около него держали сѣкиры и шестоперы. Половина охотниковъ были одѣты въ черномъ, другая половина въ желтомъ платьѣ. Окруживъ рощу, всѣ разомъ вскрикивали и пускали гончихъ собакъ; тѣ выгоняли зайцевъ, а тутъ спускали другихъ собакъ, называемыхъ курцы (борзые), съ пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцевъ, охотники кричали: уй! уй! Такимъ образомъ затравляли до трехъ сотъ зайцевъ заразъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной башнѣ, около которой были раскинуты шатры; шатеръ государя отличался, какъ и слѣдовало, особымъ великолѣпіемъ. Всѣ входили въ свои шатры. Государь перемѣнялъ платье и приглашалъ гостей; подавали закуску, преимущественно изъ лакомствъ; придворные подносили государю кушанье съ подобострастіемъ на колѣняхъ; по обычному столовому этикету, государь подавалъ и посылалъ отъ себя подачи; между закусками подавали напитки. Такъ описывается охота Василія Іоанновича (Herberst. 87). Это описаніе можетъ подать вообще понятіе о ходѣ охоты и у частныхъ лицъ вообще. Было въ обычаѣ ловить медвѣдей и волковъ живыхъ тенетами, чтобъ попомъ устраивать зрѣлища ихъ травли. Какъ государи, такъ и знатные господа любили эту забаву. По современнымъ извѣстіямъ, такія забавы владѣльцевъ были верѣдко очень тяжелы для крестьянъ и людей ихъ. Насильно ихъ сгоняли, «неволею было собираемо людское множество», держали по нѣскольку дней, отбивая отъ земледѣльческихъ работъ; приставники, т. е. холопы близкіе къ

господину, брали съ нихъ посулы, чтобъ не гонять. И гоняли тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ дать; во время охоты, придираясь къ чемунибудь, били и истязали ихъ; да въ добавокъ нерѣдко такія увеселенія оканчивались «многообразнымъ человѣковъ губительствомъ на различныхъ игрищахъ и въ ловитвахъ (Рук. Рум. муз., № 380); въ лѣсахъ и въ болотахъ снѣгомъ и студеніемъ померзасми, вождемы и бурей пореваемы, всяческимъ же голодомъ изнуряемы, и мнози чловѣци многими видами живота лишаемы, отъ звѣрей уязвляемы и умерщвляемы, и ины многи напасти содѣвахуся имъ таковыми въ ловитвахъ злыми стремленіи; ихъ же въ грѣсѣхъ непщеваху, о семъ же и вины на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утѣшеніе вмѣняху себѣ и глаголаху: вельми утѣшихомся; еще же и покаенія о сихъ не поминаху». Охотники, доставлявшіе живыхъ мѣдвѣдей, всегда получали награжденія кубками и одеждами. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину не вздумается посмотрѣть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устраивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену входили охотники, потомъ выпускали медвѣдя и зашпирали арену. Звѣрь становился на заднія лапы и ревѣлъ; искусство бойца состояло въ томъ, чтобъ не допустить его броситься на себя предупреждая нападеніе, онъ самъ бросался на него, поражалъ между переднихъ лапъ рогаткою и упирался въ нее ногою; такимъ образомъ случалось, что медвѣдь погибалъ съ перваго удара. Побѣдителя призывали передъ господъ и давали ему выпить, а потомъ жаловали матеріями или сукномъ. (Fletch. 203. — Strauss. 185. — Herberst. 88. — Доп. 1. 199, 288). Благочестивые пастыри тщетно вопили противъ такихъ увеселеній и забавъ и грозили эпитиміею не только тѣмъ, которые ихъ устраивали, но и тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бля, и на позоры чловѣки собираяй, и ловитвамъ прилѣжаяй, и ристанія творяй на коняхъ и колесницахъ, и самоборства, и прочая боренія и всякія скоромошества—и не токмо самъ кто сія творяй, но и слушаая, и то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ епитиміею каятися и престати отъ таковыхъ» (Рум. муз. № 380).

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились въ Сибиріи и на берегахъ Печоры посредствомъ сѣтей, къ которымъ привязывали для приманки голубей. Кречеты цѣнились въ особенности; этотъ родъ соколовъ былъ огромнаго роста—до двухъ футовъ, съ необыкновенною легкостію въ полетѣ, цвѣтовъ: бураго, пестраго, сѣраго, краснова-таго и бѣлаго; бѣлыя кречеты цѣнились выше всѣхъ по достоин-

ству. Птиць этихъ слѣдовало приучать и слѣлать ручными, то есть, чтобъ они, по желанію охотника, слетали съ его руки, хватали на лету добычу и возвращались къ нему съ нею. Чтобъ довести ихъ до такого состоянія, нѣсколько сутокъ (трос или четверо) не давали имъ спать; для этого надѣвали имъ на ноги путы и сажали на кольцо, повѣшенное на веревку. Какъ только птица начинала засыпать, сокольникъ потрясалъ кольцо; отъ этого безпокойства она забывала прежнюю свободу и впадала въ безпамятство. Однако, послѣ нѣкотораго времени, птица опять дичала и снова надобно было ее приучать. У царей этимъ занимались сокольники, составлявшіе особый отдѣлъ въ числѣ царской дворни. Званіе это существовало въ старину при князьяхъ. Еще въ XIV вѣкѣ великіе московскіе князья по договорамъ съ Великимъ Новгородомъ посылали въ Двинскую землю своихъ сокольниковъ на промыселъ за птицами. Василій Іоанновичъ, любитель охоты, бралъ вмѣстѣ съ собаками на охоту и кречетовъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ сокольники получили правильную организацію; учреждено было званіе сокольникаго, начальника сокольниковъ. Изъ сѣверовосточной Руси привозили царю ежегодно кречетовъ въ большихъ коробахъ, обитыхъ въ срединѣ овчинами. При царѣ Борисѣ охота съ кречетами и соколами составляла обычную царскую потѣху. Но никогда соколиная охота не была въ такой чести, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ царь любилъ ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольниковъ, а соколичій былъ царевъ любимецъ. У него былъ помощникъ, называемый подсоколичимъ и начальныя сокольники; въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ были рядовые сокольники, а при нихъ состояли поддатни или ученики; царь облакалъ возведеніе ихъ въ должности византійскою обрядностію. Каждый изъ царскихъ кречетовъ носилъ особое названіе; изъ такихъ названій нѣкоторыя были и нерусскія (Гамаюнъ, Малець, Бѣляй, Смѣляй, Уморъ, Ширяй, Промышляй, Мастеръ, Арбачъ, Буянь, Армачъ, Ардачь, Казакъ, Алай, Адаръ, Бумаръ, Амаръ, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексѣя было въ Коломенскомъ селѣ; но иногда царь ѣздилъ съ сокольниками по болѣе отдаленнымъ краямъ, напримѣръ, около Твери и Владиміра. Охотились за всѣми птицами; но преимущественнѣе царь любилъ охоту за такими, съ которыми дѣло необходимо безъ боя, и гдѣ его любимые соколы и кречеты одерживали побѣды. Каждая такая стычка называлась ставкою; царь особенно любилъ ставки съ коршунами. Кречеты дѣлали разныя маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этомъ пространствѣ происходило до семидесяти ставокъ въ одну добычу. Случалось, что кречеть залеталъ

далеко и пропадалъ: тутъ наступало время досады и гнѣва; но за то наступало время радости, когда бѣглець возвращался. Царь записывалъ время знатныхъ побѣдъ, одержанныхъ кречетами, челигами и соколами, ихъ полеты къ верху и къ низу. Иногда царь посылалъ своихъ птицъ въ подарокъ постороннимъ государямъ, особенно въ Персію, потому что шахъ персидскій ихъ любилъ. Русскія птицы цѣнились до 1,000 руб. за штуку.

ХІХ.

ПРАЗДНИКИ.

Праздники были временемъ отклоненія отъ обычнаго порядка по ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися въ домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличнымъ ознаменовать праздничное время дѣлами благочестія и христіанскаго благотворенія. Ходить въ церковь къ установленному богослуженію была первая потребность; кромѣ того, хозяева приглашали къ себѣ духовенство и служили въ домѣ молебны и считали долгомъ кормить нищихъ и подавать милостыню. Такимъ образомъ цари учреждали трапезы на нищихъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ и, покормивши ихъ, изъ собственныхъ рукъ раздавали деньги, отправлялись въ богадѣльни, посѣщали тюрьмы и давали милостыню заключеннымъ. Такія благотворительныя путешествія происходили особенно предъ большими праздниками: предъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ, также на масляницѣ; но совершалось и въ другіе господскіе и богородичные праздники. Обычай этотъ наблюдался повсемѣстно знатыми господами и вообще зажиточными людьми. Алчныхъ кормить, жадныхъ поить, нагихъ одѣвать, больныхъ посѣщать, въ темницы приходивъ и ноги умывать — по выраженію времени, составляло самое богоугодное препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Были примѣры, что за такіе благотворительные поступки цари повышали въ чины какъ за службу. Дни праздничные считались приличнѣйшимъ временемъ для пировъ, какъ уже было сказано выше. Законодательство русское помогало церкви, возбранявшей отправлять житейскіе труды въ праздничное время (Уложеніе X, § 25); запрещало судить и спѣть въ приказахъ въ большіе праздники и воскресные дни, кромѣ, впрочемъ, важныхъ пужныхъ государственныхъ дѣлъ; торговые люди должны были прекращать свои занятія наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня за три часа до вечера; и даже въ будни,

но случаю храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, запрещалось работать и торговать до окончанія богослуженія; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковнымъ формамъ въ жизни, несмотря на то, что русскіе даже время считали не иначе, какъ праздниками, къ изумленію иностранцевъ, они торговали и работали и по воскресеньямъ и по господскимъ праздникамъ. За то простой народъ находилъ, что ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ; чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ ниже былъ разгулъ, тѣмъ болѣе выбиралось въ казну дохода въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ, — даже во время богослуженія пьяницы уже толпились около питейныхъ домовъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», говорилъ и говорятъ народъ великорусскій.

Въ XVI и XVII вѣкахъ новый годъ праздновался 1 сентября. Этотъ праздникъ назывался днемъ лѣтопровожденія. Въ Москвѣ все духовенство собиралось въ Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патріархъ съ клиромъ и духовенствомъ выходилъ на красную площадь; выходилъ царь въ сопровожденіи множества бояръ и ближнихъ людей, въ великолѣпныхъ нарядахъ. Патріархъ целовался съ царемъ въ церкви, осѣнял его благословеніемъ, потомъ осѣнял весь народъ на всѣ стороны, призывая благословеніе на предъидущій годъ. Такое же благословеніе торжественно давали и епископы. День этотъ проводился весело русскимъ народомъ.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ толпы привлекались на зрѣлище пещнаго дѣйствія, которое отправлялось во многихъ мѣстахъ и долѣе сохранялось въ Новгородѣ. Что оно нѣкогда было и въ Москвѣ, указываетъ существованіе «халдеевъ», которые, по извѣстію Олеарія, дурачились по улицамъ во время святокъ. Зрѣлище происходило въ церкви (*). Особенностію праздника Рождества Христова бы-

---

(*) Этотъ оригинальный обрядъ совершался въ воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова. Если праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. праотцевъ, а если праздникъ былъ въ одинъ изъ прочихъ пяти дней, то въ недѣлю св. отецъ. Приготовленія къ нему начинались еще за нѣсколько дней, напримѣръ, въ среду. Тогда въ церкви разбирали паникадило надъ амвономъ и приготавливали подобіе печи. Въ субботу, послѣ обѣдни, пономари по приказанію ключаря принимали амвонъ; на его мѣсто ставили печь и около нея большіе желѣзные *шандалы* съ витыми свѣчами. Начиналась вечерня; благовѣсть къ ней, ради торжественности, длился цѣлый часъ. Тутъ въ первый разъ появлялись люди, которые должны были представлять дѣйство чуда надъ отроками. Это были: отроцескій учитель съ тремя отроками и халдеи. Отроки одѣты были въ стихари съ вѣщаницами на головахъ, халдеи въ странномъ одѣяніи, называемомъ халдейскимъ платьемъ, въ шлемахъ, съ трубками, въ которыхъ была вложена пловучая трава, съ свѣчами и съ

ло славить Христа. Священники ходили изъ дома въ домъ. Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, какъ и теперь, были временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохра-

пальмами. Когда святитель входилъ въ храмъ, впереди его шествовали отроки съ зажженными свѣчами; одинъ халдей шелъ по правую руку, другой по лѣвую. Во время входа въ алтарь святителя, халдеи оставались въ трапезѣ, — отроки входили въ алтарь сѣверными дверьми и пѣли вмѣстѣ съ подьяками. Въ заутрени, за 6 часовъ до разсвѣта, происходило представленіе. Святитель входилъ въ храмъ также съ отроками и халдеями въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, въ вечернѣ; отправлялась заутреня; отроки все это время находились въ алтарѣ. Но когда оканчивали седьмую пѣснь канона, посвященную, какъ извѣстно, воспоминанію событія трехъ отроковъ, тогда начинали пѣть особый канонъ въ честь ихъ, гдѣ ирмосы и причеты были составлены примѣнительно къ повѣствованію пророка Даниила объ отрокахъ. На седьмой пѣснѣ этого канона отроческій учитель творилъ по три поклона предъ образами и, поклонившись святителю, говорилъ: «благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто ставити!» Святитель благославлялъ его по главамъ, говоря: «благословенъ Господь Богъ нашъ, изволивый тако!» Тогда учитель отходилъ, обязывалъ отроковъ по шеямъ убрусами и, по знаку святителя, отдавалъ халдеямъ; халдеи, держась за концы убрусовъ, шли: одинъ впереди, другой позади отроковъ; отроки держались другъ друга руками. Дошедши до приготовленной печи, одинъ изъ халдеевъ, указывая на печь пальмою, говорилъ «дѣти царевы! видите ли печь сію, очень горящу и весьма распалаему!» Другой добавлялъ: «сія печь уготована вамъ на мученіе.» Одинъ изъ отроковъ, представлявшій лицо Аваніи, говорилъ: «видимъ мы печь сію и неужасаема ея; есть бо Богъ нашъ на небесѣхъ, ему же мы служимъ, — той силею изъяти насъ отъ печи сея!» Представляющій лицо Азаріи продолжалъ: «и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ»; а Мисаилъ доканчивалъ: «и сія печь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе.» Потомъ протодіаконъ зажигалъ свѣчи отроческія и стоялъ на царскихъ дверяхъ, а отроки пѣли: «и потщимся на помощь», какъ бы приготовляясь къ мученію. По оканчаніи пѣнія, протодіаконъ, стоявшій со свѣчами, вручалъ ихъ святителю; отроки подходили къ нему и каждый получалъ отъ него свѣчу, цалуя руку святителя. Учитель развязывалъ каждому отрока предъ полученіемъ святительскаго благословенія. Послѣ того начинался такой діалогъ между халдеями: «Товарищъ!» — Чего? — «Это дѣти царевы?» Царевы. — «Нашего царя не слушаютъ?» — Не слушаютъ. — «И златому гѣлу не поклоняются? — Не поклоняются. — «И мы вкинемъ ихъ въ печь?» — И начнемъ ихъ жечь. — Тогда брали подъ руки Аванію и вкидали въ печь, потомъ говорили Азаріи: — «А ты, Азаріи, чего сталъ? И тебѣ у насъ тоже будетъ». Тогда брали Азарію и вели въ печь. Наконецъ, такимъ же образомъ поступали и съ Мисаиломъ. Чередной звонарь являлся съ горномъ, наполненнымъ угольями и ставилъ подъ печь. Протодіаконъ возглашалъ: «Благословенъ Господи Боже отецъ нашихъ! Хвалю и прославлено имя твое во вѣки!» Отроки повторяли этотъ стихъ, а халдеи ходили около печи съ трубкою, со свѣчами и съ пальмами, метали изъ трубки пловучую траву, примѣриваясь пальмами, какъ будто раздувая огонь. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: «прави пути твои и судьбы истинны сотворилъ еси.» За нимъ пѣли дѣтки; когда же протодіаконъ возглашалъ: «и распалешся пламень подъ пещю», — отроки пѣли: «яже обрѣте о печи халдейстѣй». Тогда ключарь при-

нплись въ эти дни завітныя обряды язычества. Въ навечеріе рождества Христова бѣгали по городу или по селу и кликали коледу и усень или таусень; въ навечеріе Богоявленія кликали пугу. Эти обычая наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и въ столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пѣяство доходило до безчинства, зуть-то чаще происходили кулачныя бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдец, отправлявшіе предъ праздникомъ дѣйство чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды. На праздникъ Богоявленія нѣкоторые купались въ рѣкѣ, послѣ окончанія водоосвященія; въ особенности подвергали себя такой пыткѣ тѣ, которые во время свитокъ позволяли себѣ разныя увеселенія и переряжнванья.

нималъ отъ священника благословеніе *ангела спущати въ печь*. Діаконы брали у халдеевъ трубки съ пловучей травой и огнемъ; протодіаконъ громко возглашалъ: «Ангель же Господень купно со Азаринною чадію въ печь», и когда доходилъ до стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ», тогда являлся ангель, держа свѣчу и спускаясь съ верху съ громомъ въ печь; халдеи, державшіе въ это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опаляли ихъ свѣчами. Отроцы зажигали въ вѣнцы свои три свѣчи ангела. Халдеи между собою вступали въ такой разговоръ: «Товарищъ!» — Чего? — «Видишь ли?» — Вижу. — «Было три, а стало четыре». — Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися сыну Божию. — Отроки въ печи держали ангела — два за крылья, а одинъ за лѣвую ногу. Потомъ ангель подымался и бросалъ отроковъ сверху. Протодіаконъ читалъ пѣспъ отроковъ; отроки пѣли ее въ печи, а вслѣдъ за ними повторяли ее дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса; халдеи зажигали вновь потухшія свѣчи и стояли съ поникшими головами; когда же пѣспъ доходила до мѣста: «благословите три отроцы», ангель снова спускался съ громомъ и трясеніемъ въ печь, а халдеи отъ страха падали на колѣни. По окончаніи всей пѣсви, ангель подымался вверхъ; халдеи подходили къ печи, отворяли двери печи, стояли безъ шлемовъ или туриковъ (которые снадали у нихъ при первомъ появленіи ангела) и вели между собою слѣдующій разговоръ: «Анавія! гряди вонъ изъ печи!» — «Чего сталъ? Поворачивайся, — неиметь васъ огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра; мы чаяли — васъ сожгли, а мы сами сгорѣли!» — Послѣ того халдеи выводили за руки отроковъ изъ печи, одного послѣ другаго, сами надѣвали на себя турики, брали въ руки свои трубы съ пловучею травой и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ. Обрядъ оканчивался многолѣтіемъ царю и всѣмъ властямъ. Заутреша продолжалась обычнымъ порядкомъ. Послѣ славословія, протопъ съ отроками входилъ въ печь и читалъ тамъ Евангеліе. По окончаніи заутреша, печь прищмалась и ставился снова амвонъ на прежнее мѣсто (Древ. Русск. Вивліое. VI, 377). Новгородская халдейская печь до нашего времени сохранялась въ главѣ собора св. Софіи и въ настоящемъ году перевезена въ Императорскую Академію Художествъ. Это, такъ сказать, полукруглый шкафъ безъ крышки, съ боковымъ входомъ, на подмоствѣ. Стѣны ея раздѣлены на части продольными колонками, очень искусно украшенными рѣзбою. По стѣнкамъ находились нѣкогда изображенія, теперь несуществующія. Рѣзба была позолочена.

На масляницѣ безчинства было еще болѣе; тогда ночью по Москвѣ опасно было пройти чрезъ улицу; пьяницы приходили въ неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитыхъ. Въ воскресенье, предъ постомъ, родные и знакомые посѣщали одинъ другаго и прощались. Равнымъ образомъ и встрѣтятся на улицахъ, говорили другъ другу: «прости меня, пожалуй!»—Отвѣтъ былъ: «Богъ проститъ тебя!»—Тогда, послѣ обѣдни, вспоминая родителей, ѣздили по церквамъ и монастырямъ и прощались съ гробами усопшихъ. Съ наступленіемъ великаго поста начинались дни воздержанія; тѣ самые, которые въ мясоѣдъ и на масляницѣ позволяли себѣ неумѣренность въ пищѣ и питъѣ, теперь питались однимъ кусочкомъ хлѣба съ водою въ день; мужья убѣгали женъ; встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые напоминали одинъ другому о христіанскомъ житъѣ и постѣ, въ ожиданіи свѣтлаго праздника. Въ старину, какъ принадлежность поста, существовалъ обычай посылать другъ другу такъ-называемыя укрухи съ разными фруктовыми лакомствами и впомъ. Это дѣлалось, какъ видно, по праздникамъ и субботамъ, когда церковь ослабляетъ строгость великаго поста. День вербнаго воскресенья привлекалъ зрителей на оригинальную церемонію веденія осла, принадлежащую къ сферѣ церковныхъ обрядовъ. Пасха праздновалась, какъ и теперь, всю недѣлю и крашенія яйца, какъ и теперь, составляли особенность праздника. Всю страстную недѣлю повсюду толпились продавцы красныхъ яицъ; другіе расписывали ихъ золотомъ; нѣкоторыя яйца были гусиныя или куриныя, варенныя, а иныя деревянные; при христосованіи считали необходимымъ дать яйцо, а если христосовались люди неравнаго достоинства, то яйцо давалъ высшій низшему. Въ этотъ праздникъ существовалъ обычай, по которому бояре, а за ними и другія сословія, являлись къ царю и подносили подарки; точно также подносили дары крестьяне господамъ. Эти подарки назывались великоденскими припасами; съ своей стороны и господа ихъ дарили, когда цаловали (de Bruyns, 33). На святой недѣлѣ по улицамъ городовъ и посадовъ господствовала крайняя пестрота одеждъ и всеобщее удовольствіе; всю недѣлю звонили въ колокола, вѣруя, что этотъ звонъ утѣшаетъ на томъ свѣтѣ усопшихъ. Русскіе, встрѣчаясь между собою, цаловались: никто не могъ отказать отъ пасхальнаго поцалуя; однако высшіе не всегда дозволяли это низшимъ себя; такъ, царь не христосовался ни съ кѣмъ, исключая патріарха, а давалъ цаловать свою руку. Въ старину существовалъ обычай христосоваться съ мертвыми, теперь почти уже вышедшій изъ употребленія. Въ день пасхи, послѣ заутрени, ходили на могилы родителей и родственниковъ и восклицали: Христосъ воскрес! и бросали яйцо на могилу. Такъ точно и царь христосовался

съ усопшими предками въ Архангельскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Благочестивые люди старались святыя дни воскреснаго праздника провести въ дѣлахъ милосердія и въ эти дни особенно кормили нищихъ, раздавали милостыню, посылали пособіе заключеннымъ. Но въ массѣ простаго народа духовное торжество воскресенія Христова уступало мѣсто матеріальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицахъ шатались пьяные и также какъ на масляницѣ по ночамъ случались убійства.

Изъ церковныхъ праздниковъ въ простомъ народѣ суббота предъ Троицынымъ днемъ и день рожества Іоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщаго поминовенія усопшихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ забавъ и веселищей. Народъ собирался на кладбищахъ (по жальникамъ): сначала плакали, голосили, причитывали по роднымъ, потомъ появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плачь и сѣтованіе измѣнялись въ веселіе; пѣли пѣсни и плясали (Стogl. вопр. 27). Въ праздникъ купала во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно праздновалъ языческую ночь, проводя ее въ забавахъ. Мы имѣемъ любопытное описаніе такого народнаго праздника въ Псковѣ, въ 1505 году. Когда наступалъ вечеръ 23 іюня, весь городъ поднимался; мужчины, женщины, молодые и старыя, наряжались, и собирались на игрище. Тутъ являлись неизбежные скоморохи и гудцы съ бубнами, сопѣлями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выраженію современника, *ногамъ скаканіе, хребтамъ вихляніе*. Женщины и дѣвцы плясали, прихлопывая въ ладоши, и пѣли пѣсни, принадлежащія этому празднику. По извѣстію монаха, который считалъ эти забавы угодніемъ бѣсамъ, въ эту ночь происходило много соблазнительнаго, по поводу сближенія молодыхъ людей обонхъ половъ.

XX.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ. — БРАКЪ. — НОВОСЕЛЪЕ. — СМЕРТЬ. — ПОГРЕБЕНІЕ.

Пыры и увеселенія сопровождали семейныя событія. Рожденіе младенца ознаменовывалось всегда домашнимъ торжествомъ. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне приготавливали особое пивцо и брали для того разрѣшеніе отъ начальства (А. А. Э. I. 420). Родильницы получали отъ гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычая; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому,

хотя такая сумма не могла чегонибудь составить для тѣхъ, кому дарили (Mejerb. 159. 161). Русские спѣшили крестить; и чаще всего крещеніе совершалось въ восьмой день по роженіи, но иногда въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Иисуса Христа событія Обрѣзанія и Срѣтенія; имя нарекали чаще всего случайно, по названію святого, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденнаго, да и тогда наблюдалось, чтобъ обрядъ происходилъ непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ дитя родилось (Strauss. 217). Изстари, какъ показываютъ это вопросы и отвѣты Кирика, комната, гдѣ родился младенецъ, нѣсколько дней считалась оскверненною. Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи, на младенца надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который оставался на немъ во всю жизнь, какъ символъ его принадлежности къ христіянскому обществу. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обѣими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви (Стогл. гл. 45). Послѣ обряда, въ тотъ же день учреждался крестинный столъ, и при этомъ, кромѣ гостей, кормили и нищихъ. Царь, въ день крещенія своего дитяти, дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ; по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія; — съ тѣхъ поръ оно оставалось на долгое время погребеннымъ въ глубинѣ постельныхъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ, крестиннымъ столомъ. По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщающими о роженіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили везти новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра царскимъ дѣтямъ. Въ свою очередь, однако, по случаю роженія дитяти, царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ различныя милости (Доп. I. 119).

Духовное роженіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и оттого день роженія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому состояніе позволяло. Съ утра именинникъ или именинница разсылали гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили именинникамъ подарки; духовные благословляли именинниковъ образами, а свѣтскіе подносили мате-

ри, кубки или деньги (Доп. I. 141. Врем. XIII). Въ царскомъ быту, царь, въ день своихъ именинъ, по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ имевшія пироги; тоже дѣлала царица у себя на свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи сами за себя раздавали пироги, а въ день именинъ царевны или малолѣтняго царевича раздавалъ ихъ за именинниковъ царь; но все-таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ именинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьи, потомъ именинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги (Коших. 25). Съ другой стороны царю, какъ и частнымъ лицамъ, на именины подносили подарки, и эти подарки какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговые люди необходимо должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда-то подарилъ царю, и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ съ своей стороны иногда отдаривалъ гостей; по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей (Доп. Б. Рус. Цар. От. Зап. 1854. Генварь, 33).

Несмотря на предпочтеніе духовнаго рожденія плотскому, у русскихъ долго было въ обычаѣ, кромѣ христіанскаго имени, имѣть еще другое прозвище или некрестное имя; обычай этотъ водился въ удѣльные времена между князьями, которые, кромѣ крещенаго имени, всегда имѣли еще княжее старославянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человекъ не христіанскимъ своимъ именемъ, а прозвищемъ; напр., Первый, Смирный, Девятый, Злодѣй, Козель, Паукъ, Русинъ, Злоба, Шестакъ, Неупоконъ, Нехорошко, Бѣлянца, Дунай, Май, Посибло, Росцуга, Мясоѣдъ, Кобякъ (А. И. II. 213. III. 192. IV. 19. 75. — Доп. I. 76. 83. 85. — II. 154. — Врем. XVIII. см. 54). Даже священники носили такія имена. (Доп. I. 392). Иногда было три имени: прозвище, и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человека, могутъ дѣлать ему вредъ чародѣйственными способами и вообще иногда легко сплзнуть человека. Поэтому

(*) Это свѣдѣніе, какъ кажется мнѣ не непечатаемое, открыто Н. В. Калачовымъ, сообщившимъ его мнѣ.

въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человѣка, котораго всѣ знакомые знали подъ именемъ Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовные поминали Θεодотомъ; и только тогда открывалось, что онъ былъ Θεодотъ, а не Дмитрій. Случалось, что крещеное имя перемѣнилось на другое, по волѣ царя; напр. дѣвицу Марію Климову, взятую въ царскій дворъ въ 1653 съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали въ Анастасію; но когда государь раздумалъ и не захотѣлъ взять ее себѣ женою, тогда она опять стала Марія (С. Г. Гр. III. 261). Другіе — особенно бѣглецы — самопроизвольно перемѣняли свои имена, прозвища, и оставались навсегда съ новыми и такъ были записываемы (П. С. З. I. 596). Рѣдко царя давали почетныя прозвища людямъ, и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ фамильныя прозванія; напримѣръ, въ 1564 году, одного мордвина царь нарекъ Дружиною (Врем. V. см. 52). Прозвища классическія, столь обыкновенныя впоследствии въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Пероновыхъ (А. И. II. 333).

Бракъ сопровождался самыми затѣйливыми обрядами и никогда семейная жизнь не облакалась такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты жизни.

Русскіе женились вообще очень рано. Бывало, что женихъ имѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ (Jenkins. Nacl. 360). Русскіе какъ будто спѣшили уйти отъ соблазновъ холостой жизни. Рѣдко случалось, чтобъ русскій долго оставался неженатымъ, если только не болѣзнь была этому причиною, или какое нибудь горе не мыкало имъ въ разныя стороны, или если онъ не расположенъ былъ вступить въ монастырь. При ранней женитьбѣ совершенно было естественно, что женихъ и невѣста не знали другъ друга до брака: и тотъ и другая, будучи еще дѣтьми, играли страдательную роль подъ вліяніемъ родителей и удалены были отъ людскаго взора. Вообще нравственныя понятія того времени не позволяли молодымъ людямъ обонхъ половъ видѣться и уговариваться между собою. Женихъ не смѣлъ даже сказать, что желаетъ жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою. Только тогда, когда женихъ вступалъ во второй бракъ, или былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, или не имѣлъ родителей, приступъ къ бракосочетанію дѣлался имъ самимъ лично. Иногда же первый шагъ начинался и со стороны родителей невѣсты. Желая сбыть дочку, родители засылали къ жениху близкаго имъ человѣка сватомъ: онъ обыкновенно начиналъ рѣчь похвалою честному имени рода жениха и невѣсты, говорилъ о взаимной любви двухъ родовъ и представлялъ выгоды, какія могутъ прозойти отъ соединенія ихъ родст-

вомъ. Если родители жениха соглашались, то приступали къ сватовству обычнымъ порядкомъ (Petr. 321.) Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ, — Михаилъ Ѳедоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца (С. Г. Гр. III. 406). Иногда браки начинались по волѣ высшихъ лицъ; такъ цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣсты, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибирѣ, хотѣло непремѣнно, чтобъ пашенные крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльных; но какъ честные поселенцы не хотѣли брать себѣ въ зятя мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню (А. И. IV. 60).

Родители, вознамѣрясь женить сына, совѣтовались съ близкими родственниками и часто не говорили объ этомъ самому жениху ничего. Избравши домъ, съ которымъ не стыдно было породниться, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія. Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочери за предлагаемаго жениха, то отговаривались обыкновенно тѣмъ, что она еще молода, или подобнымъ предлогомъ. Если же были согласны, то не заявляли объ этомъ тотчасъ, но говорили, что посоветуются съ роднею и назначали день рѣшительнаго отвѣта. Когда наконецъ давалось согласіе, свать или посредникъ просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случалось, что такое дозволеніе не получалось, иногда отъ гордости, иногда оттого, что невѣста была дурна собою. Но чаще случалось, что родители дозволяли видѣть дѣвицу и тогда посылалась какая нибудь родственница жениха, или же ѣхала сама его мать: во всякомъ случаѣ эта женщина называлась смотрительницею. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ; иногда смотрительницу вводили въ убранную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась съ нею по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли, не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена (Коших. 120). Бывало, если у родителей дочь-невѣста уродъ, то вмѣсто ея приводили меньшую и выдавали смотрительницѣ за невѣсту; а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Женихъ не имѣлъ права самъ видѣть невѣсты до брака, и слѣдовательно долженъ былъ довольствоваться тѣми извѣстіями о ней, какія передавала ему смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ не прежде, какъ послѣ вѣнчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться

духовнымъ властямъ; производился розыскъ; спрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко; гораздо обыкновеннѣе подводили дѣло такъ, что женихъ по неволѣ долженъ былъ жить съ своею суженой, и ему тогда говорили позднее нравоученіе: «не провѣдавъ подлинно, не женись!» За то мужъ, въ такомъ случаѣ, въ утѣшеніе себѣ, колотилъ жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьею невѣсты, вставали, чтобъ имъ самимъ дозволено было видѣть невѣсту, и родители позволяли, если дорожили женихомъ; но тогда уже отдѣлаться жениху было трудно. Правда, если невѣста ему нравилась, онъ не женился; за то долженъ былъ убѣгать всякаго разговора о своихъ прошедшихъ отношеніяхъ, а иначе родители невѣсты, зная на него, могли подать жалобу духовнымъ властямъ о томъ, что онъ ихъ безчеститъ: дурно говоритъ о невѣстѣ и отбиваетъ жениховъ; такая жалоба могла послѣдовать даже и въ такомъ случаѣ, когда женихъ вовсе ничего не говорилъ; жениха принуждали жениться или заплатить безчестье, если онъ уже успѣлъ жениться на другой (Кошкх. 126). Впрочемъ, если женихъ и видѣлъ невѣсту — и тогда онъ не могъ уберечься отъ обмана, ибо онъ ее послѣ того уже не видалъ болѣе до самой свадьбы, и родители невѣсты, если были безчестные люди, могли все-таки подмѣнить невѣсту, какъ и въ томъ случаѣ, когда видѣла ее смотрительница. Одинъ молодой человекъ — вѣроятно не имѣвшій родителей—задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ обмануть его; у этого посадскаго была кривая на одинъ глазъ дочка. Родитель этой красавицы обѣщалъ пріятелю награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Сватъ отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ увидѣть невѣсту изъ окна, когда она пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ, и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна; дѣвица шла, держалась такъ, чтобъ жениху виденъ былъ одинъ ея здоровый глазъ. Женихъ не замѣтилъ другаго и согласился жениться. Плохое житье было и мужу и женѣ: выигралъ за то одинъ сватъ (Strauss. 199. Колл. 11).

Великокняжескія, а послѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвиць. Собирали изъ разныхъ сторонъ дѣвиць дворянскихъ фамилій, и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ себѣ по вкусу. Когда великій князь Василій Ивановичъ собрался жениться, то на смотръ къ нему собрали тысячу пятьсотъ дѣвиць (Herb. 19). Иванъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ

боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ *дѣвокъ*. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятнадцать должны были помѣщики свозить ихъ въ Новгородъ къ намѣстнику, а намѣстникъ обязанъ былъ доставлять ихъ къ царю, по требованію. Это была обязанность всѣхъ отцовъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи и медленности, тотъ подвергался опалѣ и казни (С. Г. Гр. II. 43). Эта честь вообще не слишкомъ соблазняла отцовъ, ибо тогда многіе вяземскіе и дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвнцы были собраны въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, и царь, — въ противность припятому издавна обычаю не посѣщать домовъ подданныхъ своихъ, — смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства, а потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ, избралъ Наталью Кирилловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облакали въ драгоценныя одежды, нарекали царевною, и она жила въ совершенномъ отчужденіи отъ царя до самаго брака; ибо и цари, подвергаясь общему народнымъ нравственнымъ обычаямъ, позволяли себѣ только однажды видѣть невѣсту.

Послѣ смотря происходилъ сговоръ — первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назначался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря по тому, какъ угодно было назначить хозяевамъ. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу, а сами садились подлѣ нихъ. Нѣсколько времени они молчали, глядя другъ на друга: такъ слѣдовало по приличію. Потомъ жениховъ отецъ или его старшій родственникъ говорилъ церемоніальную рѣчь и въ ней выражалъ, что они пріѣхали для добраго дѣла, а родители невѣсты отвѣчали, что рады такому пріѣзду. Тогда составлялся уговоръ, писалась рядная записка, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: въ такое-то время женихъ обязывался взять себѣ въ жены такую-то, а родственники ея должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различныя, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и черезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣнчаніемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постелѣ, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ, въ деньгахъ, и недвижимыхъ имѣніяхъ,

если дѣвица была дворянскаго происхожденія. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невѣсту вѣно въ XVI и XVII в. совершенно исчезъ (Fletch. 240). Обыкновенно, приданое доставлялось въ домъ новобрачнымъ послѣ свадьбы; но недобѣрчивые родители жениха нерѣдко требовали, чтобъ оно было доставлено до свадьбы, держась пословицы: «денежки на столъ, дѣвушку за столъ.» Все писалось въ рядныя записи подробнымъ образомъ, и въ обезпеченіе вѣрности условій назначалась неустойка или попятное (Оп. Шуи. 444). Та сторона, которая отступала, обязывалась платить извѣстную сумму: такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть тягостны для несоблюдающаго обязательство. Рядную записъ писалъ подъячій, котораго нарочно при этомъ приглашали (Petg. 321); иногда въ той же рядной записи прибавлялось условіе, чтобъ мужу не бить жены своей (Колл. 11), и въ случаѣ нарушенія условія, ея родители могли искать судомъ на зятѣ, который безъ того не обязывался къ такой кротости по одному своему званію супруга. Невѣсты не было приговорѣ. Но по окончаніи условій, одна изъ женщинъ, изъ семейства или изъ родни невѣсты, приносила жениху и его родственникамъ подарки отъ имени невѣсты. Сговоръ имѣлъ юридическую силу. Отказаться послѣ него отъ брака — значило оскорбить семью.

Долго ли, коротко ли было время отъ сговора до свадьбы, только женихъ не видалъ своей невѣсты, какъ выше сказано. Когда день, назначенный для бракосочетанія приближался, у жениха и у невѣсты дѣлались приготовленія; собирали поѣзжанъ, сваряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшіе необходимость брачнаго торжества; они должвы были исполнять разныя символическія должности какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. Свадебные обряды изображали вступленіе жениха и невѣсты въ новую жизнь и представляли какъ бы торжественное возведеніе ихъ въ новое достоинство. Они имѣли подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому-то женихъ носилъ названіе князя, а невѣста княгини. Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячскій, точно также, какъ вѣкогда существовала должность съ подобнымъ названіемъ во времена удѣльно-вѣчевья. Онъ сопровождал повсюду жениха, такъ что безъ него женихъ не ступалъ шагу. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ; въ противномъ случаѣ ихъ должность исполняли настоящіе родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать невѣсты выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ: одна сваха женихова, другая невѣстинна. Съ обѣ-

ихъ сторонъ выбирался сидячіе бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались свадебные дѣти боярскіе или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоній представлявшіе второй классъ гостей послѣ бояръ. Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ, очень важный, котораго должность была отпускать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для порчъ и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій (Оп. Шуи. 456).

Наканунѣ свадьбы собирались къ жениху его гости, а къ невѣстѣ гости, составлявшіе ея поѣздъ; и тѣ, и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же въ эти дни выбранныя свадебные чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, шару сапоговъ, ларецъ, въ которомъ находились румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальцо (Олеар. 215.—А. г. Шуи. 63); а нѣкоторые (XVI вѣка, а можетъ быть также и въ XVII) посылали еще принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы, а вмѣстѣ съ ними лакомства, состоявшія въ изюмѣ и фигахъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее стануть за это кормить сладостями и баловать, а иначе будутъ сѣчь розгами (Дженк. 560).

Вѣнчаніе происходило болѣею частію вечеромъ. Утромъ, въ день торжества (иногда же наканунѣ), сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха готовить брачное ложе. Существовало вѣрованіе, что лихіе колдуны и колдуньи могутъ внести порчу и нагнать злыхъ духовъ въ тотъ домъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*. Противъ этого наблюдали разныя средства. Между прочимъ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество, и кровать, гдѣ постигалось брачное ложе, съ рябиною въ рукахъ, на которой нарѣзывались символическіе знаки (Буслаева. О нар. поэз. 32). Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою человекъ пятьдесятъ, а иногда и до ста прислужниковъ несли на головахъ разныя принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто ветопленный. Необходимо было, чтобъ на потолокъ не было земли, чтобъ, такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами всегда были лавки съ по-

лавочниками; по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали соболей, въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ по сороку, а въ другихъ по одному собою; да сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался калачъ. На лавкахъ по угламъ ставили по оловянику питейнаго меда; надъ дверьми и надъ окнами, какъ внутри, такъ и снаружи, на стѣнахъ прибывали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ. Постель приготовлялась на кровати или на широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридевятъ, то есть двадцать семь, а въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сороку: то и другое число имѣли символическія значенія и вѣроятно употреблялись по произволу); на снопы клали коверъ, а на него перины: на свадьбѣ Михаила Феодоровича положено было семь перинъ, одна на другую (Др. Русск. Вивл. 32. 34); у простыхъ клали иногда по двѣ перины и болѣе, по желанію. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя наволоки; постель была заслана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло, соболю или кунье, съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло; шубу и коверъ и закрывали простынею (Оп. Шуп. 187). Вокругъ постели устраивались тафтяныя занавѣсы. Надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самыя, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрисами или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ. Это означало обиліе, котораго желали повобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ (Олеар. 211). На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ и у жениха и у невесты пекли свадебныя хлѣбы или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невесту начинали одѣвать въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвицы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно-убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертьми, уставляли укусницами, солоницами и перечницами, устраивали поставецъ, какъ водилось вообще на пирахъ, и убрала мѣсто для жениха и невесты на возвышеніи, или рундукѣ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотныя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболями; подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ: это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей; его должность была *опахивать* новобрачныхъ. Передъ мѣстомъ ставили столъ, накрытый тремя скатертьми, одна

на другой; на нихъ клали соль въ солоницѣ, калачъ или перепечу и сырѣ. Надъ мѣстомъ прибывали икону, и, кромѣ того въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему дадутъ знать, что пора ѣхать за невѣстою. Съ гостями его находился непременно и священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ невѣсты все было готово и сама невѣста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ — символъ дѣвчества и вели съ торжественнымъ шествіемъ въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины—плясицы, которыя плясали и пѣли пѣсни. За ними коровайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями, короваи. На короваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ пѣнязями. Потомъ слѣдовали свѣчники съ свѣчами и фонарики съ фонарями для свѣчь. Какъ у жениха, такъ и у невѣсты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, потому что онѣ были массивны, напримѣръ, женихова въ три пуда, невѣстина въ два пуда. На свѣчахъ надѣвались серебряныя или серебряно-вызолоченныя обручи и бархатныя или атласныя кошельки. Возлѣ свѣчь несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (водокрещенную) свѣчу, которою зажигали брачныя свѣчи. Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыхъ въ дворцѣ, свѣчи жениха и невѣсты несли разомъ предъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ, жениховы короваи, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невѣстѣ. За коровайниками, свѣчниками и фонариками невѣсты шелъ дружка и несъ опахало: то была большая металлическая миса; въ ней лежали на трехъ углахъ хмѣль, собольи и бѣлчьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ или невѣстѣ и *держали путь*, чтобъ никто не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ, подъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали сидячія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ: двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика — головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ-то: подубрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведеннымъ въ водѣ или випѣ. На другомъ лежали убрусы, назначенные для раздачи гостямъ. Блюдо съ осыпаломъ и съ убрусамъ ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились коровайники, свѣчники и фонарики. Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое ни-

будь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ, составлявшіе чинъ невѣсты, сажались по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ усаживались, отецъ и мать невѣсты, дѣйствительные или нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: «Достоинъ есть!» Вставали родители, брали по образу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цаловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли коровайники съ коро-ваями, свѣчки и фонарики съ своими принадлежностями, потомъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, а за ними женихъ, котораго вель подъ руки тысячскій, за ними поѣзжане, то есть всѣ, составлявшіе чинъ жениха. Они сажались на лошадей верхами или въ сани. Когда такимъ образомъ шествіе достигало двора невѣсты, родители невѣсты выходили къ нимъ на встрѣчу. Они входили въ приготовленный покой, гдѣ уже сидѣла невѣста. Женихъ молился, знаменуясь крестомъ, и кланялся образамъ на всѣ четыре стороны, потомъ вмѣстѣ съ дружкомъ подходилъ къ своему мѣсту; слѣдовало выкупать это мѣсто у того мужчины или мальчика, который сидѣлъ подлѣ невѣсты; послѣдній, получивъ нѣсколько монетъ, уступалъ свое мѣсто и женихъ садился подлѣ невѣсты на одну подушку съ нею. Въ царскихъ свадьбахъ лицо, сидѣвшее подлѣ невѣсты, сводилъ съ мѣста, взявши подъ руки.

Эти обычаи сходки жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одной изъ палатъ, царица въ другой; сначала царица шла въ грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святой водою мѣсто, гдѣ она садилась. На этомъ мѣстѣ лежало сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась: возлѣ нея садился какой нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлялъ прежде своего нареченнаго отца; тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Послѣдвѣ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: «государь царь и великій князь всея Россіи! бояринъ такой-то вельблъ говоритъ: прося у Бога милости, время тебѣ идти, государю, къ своему дѣлу!» Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ поѣздомъ шелъ въ грановитую палату. Впе-

реди его шли двое духовныхъ особъ: благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысячскій велъ царя подъ руку, за нимъ слѣдовали стольникъ съ колпакомъ и стряпчѣе. Прибывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту; большой дружка подымалъ посаженное близь невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто возлѣ будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ѣли, но впрочемъ, какъ говоритъ Котошихинъ, не для того, чтобъ наѣсться, а только для чина. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ: «Отче Нашъ», потомъ молитву покровенія главы. По окончаніи послѣдней молитвы, сваха подходила къ отцу и матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. «Благослови Богъ!» отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоявленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невѣстою большой кусокъ тафты съ нашптымъ крестомъ, такъ что женихъ и его поѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кикой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кикку и подзатыльникъ и наконецъ закрывала иногда тѣмъ же покрывомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе на память о дѣвчествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый держальникомъ. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли, отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ ними держали зеркальцо, и женихъ здѣсь могъ увидѣть въ зеркалѣ лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченномъ шерстью вверхъ тулупѣ и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько было шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда укручиванія невѣсты, сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни, а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ: «благословите рѣзать перепечу и сыръ». «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Дружка рѣзалъ перепечу и сыръ на мелкіе куски, клалъ на большое блюдо, накладывалъ туда же множество ширинокъ, и отдавалъ поддружму или мень-

шему дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты, вышитый ея руками убрूसъ и подносилъ его жениху, а меньшей дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, остававшимся въ своемъ домѣ. Въ то же время сваха осыпала свадебныхъ болръ и гостей, то есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что было на осыпалѣ — серебряныя деньги, хмѣль, куски матеріи и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ подавали другую яству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія — *молодыхъ везти къ вѣнцу*. «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ, съ драгоценными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать размѣнивали ихъ кольцами, и взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу. Наконецъ отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за послушаніе тебя будетъ учить этою плетью мужъ!» Съ этими словами онъ передавалъ плеть жениху, а тотъ, принявъ плеть, говорилъ: «я не думаю имѣть въ ней нужды, но беру ее и буду беречь, какъ подарокъ». Онъ закладывалъ ее за кушакъ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого обряда, коровайники и свѣчники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устиался путь кусками матеріи и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысячскій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ тѣ, которые держали сорокъ соболей, взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ опять на то же мѣсто, а скатерть, на которой рѣзали перепечу и сыръ, складывали и отдавали ключнику.

На дворѣ, передъ крыльцомъ стояло множество осѣдланыхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояръ, близкихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались какъ можно понаряднѣе, поволакивались атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугою привѣшивались, какъ водилось, лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста: въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводился сидѣвшій подлѣ невѣсты вмѣсто жениха. Невѣста садилась въ сани вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали собо-

лей. Подобный обряд наблюдался и въ отношеніи жениха: у крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакъ сидѣлъ другой; и когда являлся женихъ, то вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣчанью. Если же, по причинѣ непогоды, нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысячскимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ саяхъ, шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть въ церковь ранѣе невесты. Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камками, и двадцать чело-вѣкъ дѣтей боярскихъ царицыныхъ наблюдали, чтобъ никто не переходилъ пути между женихомъ и невестою. Въ простонародныхъ свадьбахъ впередъ поѣзда пѣли свадебныя пѣсни и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось церковью и духовные называли вообще свадебныя пѣсни нечѣстымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто нибудь не перешелъ дороги между верховымъ конемъ жениха и санями невесты, и чтобъ вообще лихіе люди не надѣлали чего нибудь дурнаго колдовствомъ.

Путь отъ церковныхъ дверей до наюя устилался кусками матеріи; самое мѣсто предъ наюсемъ также устилалось и, сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невеста, тотчасъ послѣ прихода въ церковь, становились на свои мѣста; но иногда свадьбы бывали послѣ обѣдни: тогда женихъ и невеста становились у церковныхъ столбовъ и слушали литургію. И по окончаніи ея подходили къ наюю. Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII—вечеромъ, и тогда высокая чета вѣчалась тотчасъ по прибытіи въ храмъ. Послѣ вѣчанія, невесту раскрывали, и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе: въ немъ обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться своихъ духовниковъ, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ учить жену палкою, какъ подобаетъ главѣ. Потомъ онъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ ему поцаловаться. Жена иногда въ знакъ повинности припадала къ ногамъ супруга и касалась челомъ его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты (Fletch. 247). Наконецъ, священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и передавала опять мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ноги чарку и топталъ ее, разомъ съ женою, приговаривая: «пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптавы тѣ, которые стануть

посѣвать между нами раздоръ и нелюбовь». Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить ногою на чашу, тотъ надъ другимъ будетъ сохранять первенство; но какъ ни старались воспользоваться этимъ жены, однако рѣдко имъ удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысячскій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и невесты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвѣнчались въ добромъ здоровьѣ. Въ то же время дружка разрѣзывалъ коровай и священникъ отсылалъ его (вѣроятно, черезъ того же дружку) отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни (Fletch. 247), и оба рода давали обѣтъ быть людьми одного стола и одного хлѣба — *хлѣбосолами*—и жить дружно, какъ зѣрна одного колоса. Объ этомъ обычаѣ рассказываетъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно, обычай соблюдался черезъ посылку. Впрочемъ, вѣроятно онъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, ибо тамъ равенства между семьями не было и быть не могло.

При выходѣ изъ церкви, сваха осыпала новобрачныхъ сѣменами льна и конопли, желая имъ счастья; другіе дергали жену за рукавъ, показывая видъ, будто хотятъ разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому. На знатныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты (Паэрле 50). Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, у простаго народа съ свадебными пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царской свадьбѣ въ тотъ покой, гдѣ было окручиваніе; но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣда, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и короваи уносили въ сѣнякъ къ постелѣ, а царь ѣздилъ по монастырямъ и, возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣда, новобрачные разрѣжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену привозили въ домъ мужа и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и благословляли новобрачныхъ. При входѣ въ домъ, потѣшники, по распоряженію ясельничаго, играли въ сурьмы и бубны чинно, немятежно, благолѣпно, доброгласно. Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста. Невѣста была уже открыта, и должна была непременно плакать, выра-

жая разлуку съ родителями и страхъ новаго образа жизни, а женщины и дѣвицы пѣли печальныя пѣсни. Ни женихъ ни невѣста ничего не должны были ѣсть, хотя передъ ними и ставили кушанья. Когда гостямъ подавали третью перемѣну—лебедя, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружка бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, второю изъ трехъ скатертей, положенныхъ на столѣ передъ новобрачными до вѣнчанья. Онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ: «благословите вести молодыхъ опочивать». Тѣ отвѣчали: «благослови Богъ!» и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать уходила къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ символическую курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣчники и коровайники и ставили свѣчи въ кадъ съ пшеницею, стоящую у изголовья брачнаго ложа. Тысячскій, дружка, свахи вставали. Вставали женихъ и невѣста и подходили къ дверямъ; отецъ бралъ за руку невѣсту и говорилъ жениху: «Сынъ нашъ! Божимъ повелѣніемъ (если же «свадьба устраивалась по приказанію царя, то прибавлялось: и царскимъ жалованьемъ) и благословеніемъ нашимъ и матери твоей велѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять *такую-то*; приеми ее и держи, какъ челоуѣколюбивый Богъ устроилъ въ «законѣ нашей истинной вѣры, и святые апостолы и отцы предаша». Сынъ бралъ свою жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ до сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать или сваха въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ и осыпала новобрачныхъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходили въ покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали съ новобрачными въ сѣнникъ и раздѣвали ихъ: дружка жениха, сваха невѣсту и сами потомъ уходили къ гостямъ.

Тогда встарину между женихомъ и невѣстою происходилъ обрядъ разуванія, очень древній обрядъ, дошедшій къ русскимъ отъ времени язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ покорности, должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапоговъ была монета. Если ей удавалось снять прежде тотъ сапогъ, въ которомъ была монета—это значило, что ей будетъ счастье; въ противномъ случаѣ значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этомъ, мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую соупутницу своей жизни по спинѣ плетью, полученною отъ тестя.

Когда молодые были въ сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. По прошествіи въкотораго времени, отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьѣ новобрачныхъ; если женихъ черезъ дверь отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, это значило, что между ними *доброе совершилось*,

и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невѣсты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьѣ; дружка за то получалъ подарки, и всѣ свадебные гости отиралялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день; теперь пищею для нихъ была та самая курица, которую дружка прежде ихъ уносилъ въ сѣнникъ, обернувши скатертью; кромѣ этого символическаго блюда, давали еще и другія кушанья. Въ царскихъ свадьбахъ государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обряду, отломить у ней ножку и крыло и бросить черезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ, этотъ обрядъ совершался предъ положеніемъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ, мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ шли съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укладывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться: тогда веселіе часто переходило въ оргію и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыка не было; только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмы и литавръ и пѣніи пѣсень, въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню съ свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нее снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкимъ и дружкой; тогда молодая жена присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно увязанную жемчугомъ. На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльнѣ, а царицы въ избушкѣ. По выходѣ изъ мыльни, новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ; за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди ихъ сваха несла горшечекъ, или два горшечка, поставленные на одномъ блюдѣ и обвернутые соболями; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха: этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванья; бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣнчанія, ее никто не видалъ; только послѣ этого обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастье увидать ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу. Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею, женихъ, вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысяцкимъ, дружкой и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты. Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ

челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, со всѣми гостями невѣстина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый княжимъ: это названіе было и у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые были всегда выше всѣхъ князей. Когда, въ концѣ пира, подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями. Всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились. Но если бы случилось, что невѣста не сохранила своего дѣвства — общее веселіе омрачалось. Посрамленіе ожидало бѣдныхъ родителей новобрачной. Отецъ мужа подавалъ имъ кубокъ, проверченный снизу, заткнувъ отверстіе пальцемъ; когда свать бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ и вино проливалось на одежду при всеобщемъ поруганіи и насмѣшкахъ. и тогда самая печальная участь ожидала въ будущемъ ихъ дочь въ чужой семьѣ. Впрочемъ, этого избѣгали, если бы такъ и случилось. Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ новобрачный тайно пенялъ тестя и тещу. Вѣроятно же, что такіе случаи не только въ высшихъ кругахъ, но даже и между посадскими, были очень рѣдки, тѣмъ болѣе, что дѣвицы отдавали молодыми.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ нощенія родителей невѣсты, являлся во дворецъ со всѣмъ поѣздомъ, состоявшимъ обыкновенно изъ лицъ, имѣвшихъ право являться къ царской особѣ. Государь принималъ ихъ, сидя, и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьѣ (такой вопросъ считался большою милостью), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболяхъ и разныхъ матеріяхъ или серебряныхъ сосудахъ, а въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романѣи, да по ковчу вишневаго меда: всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрусы. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали ихъ о здоровьѣ. Если же бы случилось, что невѣста не сохранила дѣвства, то мужъ, имѣвшій несчастіе взять за себя такую жену, не смѣлъ явиться царю на глаза.

На слѣдующій день, т. е. на третій день послѣ брака, было пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли новобрачныхъ, а гости дарили ихъ. На свадьбахъ рѣдко дарили деньгами, а по большей частн вещами, также скотомъ и лошадьми. По окончаніи пировъ, дары отсылались на ры-

нокъ и оцѣнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать за нихъ подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что, по обычаю, женихъ долженъ былъ въ теченіе года непремѣнно отдарить всѣхъ, которые ему поднесли подарки послѣ свадьбы; иначе же, если онъ въ продолженіе этого времени не исполнилъ своего долга, то долженъ былъ дарить вдвое. Если же онъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣловщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили. Въ эти послѣсвадебные дни пиршествъ невѣста почти ничего не говорила, кромѣ формальныхъ обрядныхъ рѣчей. Ея малословность считалась достоинствомъ. За то всѣ другія женщины, приглашенныя на свадебное торжество, пользовались болѣею свободою, чѣмъ когда либо, и часто случалось, что доходили до безумія; женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, тогда напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольно впадали въ грѣшки среди общаго смятенія. Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдунны могли портить людей, не огражденныхъ молитвою и богомыслиемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ на кого нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбѣ, въ XVII в., мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степенъ, но, набравши за это денегъ не сдѣлалъ ничего хорошаго, и они подали на него чело-битную.

Царскія свадебныя торжества продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій — столъ отъ царя: нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству, и при окончаніи обѣда патріархъ и власти благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отдаривалъ ихъ деньгами, тканями и чествовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, дноземнымъ людямъ и выборнымъ посадскимъ, которые нарочно къ царскому торжеству пріѣзжали съ поздравленіями. Всѣ подносили царю дары. За то и царь въ эти свѣтлыя въ его жизни дни изливалъ обильно щедроты: нѣсколько дней кормилъ простое духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, посылалъ въ города деньги и молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею по монастырямъ, кормилъ и дарилъ чернецовъ; всздѣ чернецы привѣтствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлѣбъ и соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы, и отпускалъ на свободу узниковъ, посаженныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ,

подносимые царямъ дары принимались: такъ, при бракосочетаніи царицы Натальи Кирилловны царь ихъ не принялъ.

Свадебные обряды были одинаковы какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и третій разъ; по второй бракъ не имѣлъ уже той святости, какою облакался первый. Если оба изъ супруговъ были вдовцы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ на голову, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака состоялъ въ одномъ молитвословіи, безъ вѣнчанія, и вообще третій бракъ не одобрялся церковью. Фотій, въ одномъ изъ своихъ посланій, писанныхъ въ началѣ XV вѣка, приказываетъ священникамъ вообще не допускать мірянъ до третьяго брака, приводя слова Григорія Богослова: «первый бракъ законъ, второй по нужи прощенія слабости ради человѣческой, третій — законпреступленіе, четвертый—нечестіе, понеже свинское есть житіе (Доп. I. 329). Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ, рожденнымъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наслѣдства (П. С. З. I. 828). Нѣкоторые сходились для брачнаго сожитія безъ всякаго благословенія церкви (А. Э. I. 462), и жены такихъ назывались невѣнчанными. Эти браки были въ обычаѣ у козаковъ (А. И. III. 43. 1614 года). Встарину нѣкоторые, вопреки кореннымъ основаніямъ христіанскихъ понятій о семейной нравственности, имѣли у себя двѣ жены разомъ, вѣроятно, по языческому обычаю (Р. Дост. 91).

Новоселье въ старой русской жизни было торжественнымъ событіемъ; хозяинъ, входившій въ новопостроенный домъ, приглашалъ духовенство освящать его и созывалъ родныхъ и знакомыхъ. Гости являлись непременно съ хлѣбомъ и солью — символами желанія обилія и благополучія; русскіе вѣрили, что приносимый хлѣбъ съ солью въ новомъ домѣ изгонялъ вліяніе злаго духа (D. gr. R. v. Mosc. 200). Люди, не чуждавшіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтухомъ, тащили растворенную квашню и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились, и записывали «на хартіяхъ, и ключи въ псалтырь вложить, отуду ложная вѣщующе» (Рум. Муз. рукоп. № 374). Надобно было умѣючи выбирать самое мѣсто, на которомъ хотятъ строить новый домъ; для узнанія, хорошо или дурно мѣсто, наблюдались разныя гаданья: на примѣръ, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замѣчали, что подъ корой; если тамъ находили паука или муравья—то считали мѣсто лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или червюю мурашку, то можно было ставить домъ безопасно. Гадали еще о томъ же

посредствомъ трехъ хлѣбовъ, которые спускали на землю изъ-подъ пазухи: «если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху коркою верхнею, то мѣсто добро; тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставить избу и всякія хоромы; если же лягутъ вверху исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро, а когда же падеть одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ» (Буслаевъ, о Нар. Поэз. 35). Во время пиршества на новосельѣ, комната устлалась травою, и на большомъ столѣ, покрытомъ скатертью, клалъ принесенные хлѣбы и ставилъ въ солоницахъ соль. Послѣ пиршества, каждый изъ гостей долженъ былъ что нибудь подарить хозяевамъ.

Смерть человѣка сопровождалась завѣтными обычаями. По понятію русскихъ, умирать среди семейства, въ полной памяти, считалось благодатью небесною для человѣка. Чувствуя приближеніе смерти, русскій составлялъ завѣщаніе, распредѣлялъ свое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ назначалъ для успокоенія своей души какія нибудь добрыя дѣла. Богоугодными дѣлами, достойными великой минуты смерти, почиталось раздаваніе милостыни, надѣленіе монастырей и въ особенности освобожденіе рабовъ (Herberst. 30). Предъ смертію вспоминалось увѣщаніе церкви, которая хотя и терпѣла рабство, но въ сущности не одобряла его, и поучала, что «мы вси созданіе Господне, вси плотски, и вси муромъ единымъ помазани, и вси въ руцѣ Господни: его же хоцетъ—обнищаваетъ» (Доп. I. 361). Такъ въ завѣщаніяхъ князей нашихъ всегда почти есть распоряженія объ отпускѣ рабовъ (С. Г. Гр. I. 82. 51. 106). Тоже соблюдалось до позднѣйшихъ временъ господами. Нерѣдко господинъ не только отпускалъ на волю всѣхъ холоповъ, но еще раздавалъ отпущеннымъ по нѣскольکو рублей, что называлось выдѣлкою (А. отн. къ юр. Б. 551. 556. 563.—А. г. Шуи, 136). Также благочестивымъ дѣломъ считалось прощать долги (С. Г. Гр. I. 272. 303). Иногда умирающій учреждалъ послѣ себя монастырямъ кормы и кормы на нищую братію, самъ раздавалъ попамъ разныя вещи и суммы на церкви (С. Г. Гр. I. 32), назначалъ по себѣ чтеніе псалтиря. Все это называлось строить душу. Все это соединялось съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ осуждаемъ послѣ кончины по тѣмъ поступкамъ, съ которыми застанетъ его смертный часъ: «въ коемъ бо дѣлѣ вѣдосить ты смерть, въ томъ же осужденъ будешь, ли въ постѣ, ли въ бдѣніи, ли въ лѣности» (Погод. Сборн. № 1298). Около умирающаго собиралось семейство, слуги и близкіе знакомые; ему подносили образа и онъ каждаго благословлялъ особымъ образомъ; въ числѣ окружавшихъ его смертнью постель непремѣнно находился духовный отецъ

(А. Э. II. 86). Многие для большей вѣрности спасенія души облакались предъ смертію въ монашескую одежду, а иные принимали и схиму, какъ это дѣлали цари. Если больной послѣ того жилъ нѣсколько времени, то уже ничего не вкушалъ, и на землѣ находился какъ бы за предѣлами земной жизни; и если бы случилось ему выздороветь, то непременно долженъ былъ поступить въ монастырь (Mejerb. 483). Когда начиналось предсмертное томленіе, тогда читалась отходная. Когда умиралъ царь или особа изъ царской семьи, звонили въ колокола и пѣли великій канонъ; бояре, думные и ближніе люди являлись во дворецъ въ черныхъ платьяхъ.

Какъ только человекъ выпускалъ дыханіе, на окнѣ ставили чашу съ святой водой и мису съ мукой или съ кашей (Комп. 7. — Strauss. 207) (вѣроятно съ кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій не у однихъ русскихъ, но и у татаръ. Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали сорочку и заворачивали въ бѣлое покрывало или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надѣвали царское одѣяніе, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомыхъ и незнакомыхъ стекались въ домъ умершаго; начинался плачь и причитаіе. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая: «ахъ ты, мой милый, мой ненаглядный! Какъ же ты меня покинулъ? На кого меня, спрота, оставилъ? Али я тебѣ не хороша была; али не хорошо наряжалась и убиралась? али мало тебѣ дѣтей народила?» Другіе вопили: «зачѣмъ тебѣ было умпратъ? Ты былъ такой добрый, щедрый! Али у тебѣ не было чего съѣсть и спить? али у тебѣ женужка некрасива была? Али царь тебя не жаловалъ?» Посылали собирать духовенство, и при этомъ обычай требовалъ каждому духовному лицу, приглашаемому на погребеніе, послать въ подарокъ водки, меда и пива. Тѣло лежало на столѣ, пока изготовлялся гробъ. Обыкновенно гробъ дѣлался деревянный, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, съ тою разницею, что у богатыхъ обивался внутри и снаружи матеріями разнаго цвѣта: напримѣръ, внутри червчатымъ, а снаружи вишневымъ бархатомъ. Когда мертвеца клали въ гробъ, нѣкоторые, по какому-то повѣрью, привѣшивали къ гробу кафтанъ покойника, а въ ротъ ему клали нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ. Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро — обыкновенно въ теченіе двадцати-четыреохъ часовъ по смерти, и церѣдко скончавшійся утромъ былъ уже погребенъ при захожденіи солнца. Если по какому нибудь случаю, напр. ожидая прибытія родныхъ, погребеніе откладывалось, то трупъ вносили въ ледникъ, для предупрежденія зловонія. Мертвеца выносили изъ дома закрытымъ гробовою крышкою, сверху покрытою покровомъ,

или же шубою; такъ, на погребеніе князьямъ Черкасскимъ выдавались изъ казны собольи шубы (А. И. IV. 300). Гробъ не везли, а несли на рукахъ, обыкновенно шесть человекъ, и, если покойникъ или покойница успѣвали принять монашество, то непременно монахи или монахини. Въ такомъ случаѣ обыкновенно хоронили въ монастыряхъ. Для эффекта навимались плакальщицы, которыя шли впереди и по бокамъ похороннаго шествія съ распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и зазывались плачевными причетами, то заводили тихимъ, пискливымъ голосомъ, то вдругъ умолкали и потомъ заводили снова; въ своихъ причетахъ онѣ изображали заслуги покойника и скорбь родныхъ и близкихъ. Всѣ, сопровождавшіе гробъ, шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы. Мертваго иногда вносили въ церковь и оттуда, по совершеніи панихиды, выносили на кладбище.

Когда гробъ готовились опустить въ могилу, крышу приподнимали и всѣ должны были подходить къ тѣлу и цаловаться съ мертвымъ, впрочемъ позволялось прикладываться и къ гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хоромъ. Священникъ давалъ въ руки мертваго отпустительную грамоту, которую иностранцы, по невѣдѣнію, почитали рекомендательнымъ письмомъ — сами не знали къ кому, кто думалъ къ св. Петру, а кто къ св. Николаю. Послѣ опущенія гроба въ могилу всѣ цаловали образа, а потомъ ѣли кутью, непременно каждый три раза, наблюдая такой порядокъ, что прежде всего подходила къ кутьѣ жена, за нею дѣти, потомъ родственники, наконецъ гости, слуги и всѣ посторонніе.

Зимою не спѣшили хоронить, и особенно знатныхъ и богатыхъ предавали землѣ не въ первый день послѣ смерти. Тѣло выносили въ холодную церковь и ставили тамъ иногда дней на восемь; въ это время духовенство служило каждодневно литургію и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертваго землѣ. Для людей бѣднаго и даже средственнаго состоянія было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницы или притворы при колокольныхъ, и тамъ держали до весны. Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность эту исправляли особые рабочіе, которые назывались гробокопателями. Они получали плату съ cadaго погребенія. Бѣдники, которымъ не на что было похоронить своихъ родныхъ, просили милостыни на погребеніе, и благочестивые зажиточные люди считали богоугоднымъ дѣломъ похоронить бѣдняка; также пѣзъ христіанской

благотворительности отправляли погребеніе содержавшимся въ тюрьмахъ преступникамъ.

Кладбища располагались отдѣльно за городомъ, но часто хоронили близъ церквей въ селеніяхъ и посадахъ. По понятію русскихъ, мѣсто для кладбища было свято, и тревожить прахъ мертвыхъ считалось преступленіемъ. Такъ, когда Іоаннъ III перестроилъ Москву и переставляли церкви и монастыри, его поступокъ возбудилъ негодованіе архіепископа Геннадія. «А вѣдь тое для— писалъ онъ— что будетъ воскресеніе мертвыхъ не велѣно ни съ мѣста двинути, oprичъ тѣхъ великихъ святыхъ.» Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьевъ. Это считалось нечестіемъ, на основаніи словъ Второзаконія: «не насадиши садовъ, ни древа подлѣ требника Господа Бога твоего» (Посл. Генн. А. А. Э. I. 482). Неприкосновенность кладбищъ долго наблюдалась свято, и въ 1672 г., когда до свѣдѣнія царя дошло, что въ Архангельскѣ на мѣстѣ, гдѣ было кладбище, поставилъ торговые амбары, царь велѣлъ ихъ снести (Доп. VI. 208). Въ самой Москвѣ повсюду при церквахъ были могилы, и земля подъ кладбищами считалась церковною; духовные, пользуясь этимъ, строили на ней свои лавки и амбары; но въ 1681 г. опять велѣно прекратить такія постройки (А. И. V. 117).

Издавна могилы родителей и предковъ были святыней для русскаго народа, и князья наши, заключая договоръ между собою, считали лучшимъ знаменіемъ его крѣпости, если онъ будетъ произнесенъ на отцовскомъ гробѣ (С. Г. Гр. I. 35).

Утопленниковъ и удавленниковъ не хоронили на кладбищахъ; напротивъ, существовало даже вѣрованіе, что если гдѣ нибудь похоронятъ утопленника или удавленника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на этомъ основаніи встарину народъ, приведенный въ волненіе какимъ нибудь несчастіемъ, напр. неурожаемъ, выгребалъ такихъ мертвецовъ изъ могилы (Поѣздка въ Кирил. Б. монаст. 2. 37). Но вообще ихъ хоронили въ убогомъ домѣ, если они не были самоубійцы. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Въ нихъ хоронили вообще отверженныхъ, которые не считались достойными быть погребенными на кладбищѣ. Такъ и воровъ и разбойниковъ, казенныхъ или умершихъ отъ ранъ, хоронили въ убогомъ домѣ (Врем. XI. 35) безъ отпѣванія. Самоубійцъ зарывали въ лѣсу или въ полѣ, но даже и не въ убогомъ домѣ (Врем. XI. 34).

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти. Тѣло государя шесть недѣль стояло въ домово́й церкви въ гробу: крестовые дяки денно и ночью читали надъ нимъ псалтирь, и попеременно дневали бояре, окольниковъ и стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, кото-

рые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью; эти панихиды по всѣмъ церквамъ и монастырямъ царства русскаго служились въ теченіе шести недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ. Въ сороковой день послѣ кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отсюда стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены. Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобъ важнѣйшія особы, архіереи и патріархъ, шли сзади прочаго духовенства, а за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольничіе, за ними царское семейство, а за нимъ боярыни. Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различія достоинства. Прощанія съ царственными особами не происходило при опущеніи гроба; съ ними прощались ближніе прежде, при вносѣ въ домашнюю церковь послѣ кончины. Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ сорокъ дней послѣ смерти опредѣлялись на поминовеніе. Семейные занимали духовныхъ читать псалтирь по усопшимъ. Чтеніе это у ивнхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ: въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ, и каждое утро при зажженной свѣчѣ монахъ или церковный дячекъ читалъ псалтирь (Olear. 316). Семейные носили скорбное платье цвѣта чернаго или синяго, и непременно худое и изодранное; быть одѣту опрятно и прилично въ это время считалось неуваженіемъ къ памяти усопшаго. вмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ отправляли кормы, или поминальные обѣды: такихъ было, смотря по обстоятельствамъ и желанію семейныхъ, не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ—въ третій, девятый и двадцатый и наконецъ очистительный въ сороковой день, такъ называемый сорочины: тогда свимался трауръ. Чаще всего поминали три раза; толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу: въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на томъ свѣтѣ: въ третій день ангелъ приводитъ душу на поклоненіе Богу. «Яко жъ бо отъ царя земнаго послани будутъ воины привести пѣкоего и связавше его повѣдаютъ ему повелѣвіе царево, трепещетъ же и держащихъ и ведущихъ его неми-

любовно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу человѣчу». Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ «утѣшеніе отъ скорби преже бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго, и разумѣетъ отъ водящаго ю ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей принесена, и такъ радостна бываетъ». Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ. Душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная посѣщаетъ мѣсто, гдѣ она «имѣяше обычай дѣлать въ правду». Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она согрѣшала, и ей необходима для ободренія молитва церкви. Наконецъ въ сороковой день, ангелъ приводитъ ее снова къ Богу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: «добрѣ держитъ святая церковь въ четиридесятый день, память сотворяя о мертвомъ» (св. Макарія. Погод. Сборн. Публ. Библ. № 1321). Кутья была главною принадлежностію постнаго обѣда. О кутьѣ говорилось такъ: «кутья благовѣрная святымъ воца; святіи бо не ядятъ не пьютъ, но воню и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть» (Публ. Библ. рукоп., стр. 203). Обычай поминovenія былъ и во времена язычества и потому къ нему примѣшивались посторонніе обряды, неодобряемые церковью. Такъ преподобный Θεодосій запрещаетъ ставить по усопшимъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; безъ сомнѣнія, яйца и вода были символами древняго языческаго поминovenія.

XXI.

ВѢРОВАНІЯ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ принятіе христіанства выставляется какъ бы безъ борьбы; кажется, будто Русь, омывшись въ купели крещенія, тотчасъ же забыла свой прежній языческій міръ со всѣми твореніями его вымысла. Не совсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались такіе отрывки духовнаго противодѣйствія остаткамъ язычества со стороны духовныхъ пастырей, что мы по нимъ не можемъ себѣ уяснить теперь ни сущности языческихъ вѣрованій, ни степени ихъ перерожденія, ни исторіи ихъ измѣненій, ни приложенія къ разнымъ видамъ внутренней и внѣшней жизни. Духовные равнымъ образомъ порицали и преслѣдовали все, что носило на себѣ память язычества — были ли то дѣйствительныя вѣро-

ванія и убѣжденія, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшія уже прежній смыслъ и серьезное значеніе, такъ точно какъ теперь купальный огонь, вожанье козла на масляницѣ, или малороссійское колядованье. Изъ многого, что осталось и теперь, мы не знаемъ, то ли значеніе оно имѣло въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ въ XIX. Выше было показано, что въ XVI вѣкѣ купальское празднество, какъ народная забава, съ примѣсю таинственнаго вѣрованія, отправлялось во всей силѣ. Точно также и языческое веселье: призваніе мертвыхъ выразилось въ обрядѣ жечь солому и кликать мертвыхъ, осуждаемомъ «Стоглавомъ». Въ XVII вѣкѣ во многихъ мѣстахъ отправлялись разныя увеселенія—остатки язычества. Въ 1620 г. царь Михаилъ Федоровичъ велѣлъ кликать кличъ черезъ бирючей, чтобы люди не ходили съ кобылками, не сходились на игрища мірскія и коледы и овсена и плуга не кликали (А. И. III. 96). Но соединялся ли съ этими забавами какой нибудь смыслъ для народа, и въ какой степени—неизвѣстно. Долѣе и полнѣе всѣхъ языческихъ вѣрованій сохранялись, кажется, остатки поклоненія роду и рожаницамъ. По свидѣтельству «Домостроя», въ XVI вѣкѣ еще вѣрили въ *родословіе*, рекше въ *рожаницы* (Домостр. 33). По толкованію въ словѣ св. Григорія въ сборникѣ, хранящемся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон. 2. 93), видно, что ученые люди стараго времени признавали родъ и рожаницъ божествами славянъ-язычниковъ наравнѣ съ упырями и берегинями (извѣстными намъ изъ чешскихъ памятниковъ), Церуномъ, Хорсомъ, Мокошью (о которыхъ упоминаетъ намъ несторова лѣтопись) и виламъ, нимфами, о которыхъ фантастическія преданія сохранились у сербовъ. Обряды, сопровождавшіе поклоненіе роду и рожаницамъ, состояли въ приношеніи этимъ фантастическимъ существамъ въ жертву хлѣба, сыра, меда, куръ и какого-то смѣшаннаго питья (Вопросы Кирилловы изъ парамейнаго списка XV вѣка). Обряды эти имѣли смыслъ какъ для рожденія, такъ и для смерти человѣка. Бабы (воспринимавшія младенцевъ) варили кашу на собраніе *рожаницамъ*; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и рожаницамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и рожаницамъ (Ст. Срезневск. въ «Архивѣ» Калачова VI. 1. 162. 163). Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 181), можно заключить, что поклоненіе роду и рожаницамъ сопровождалось разными увеселеніями: пляскою, музыкою, пѣснями, зажиганіемъ огней; по крайней мѣрѣ объ этомъ говорится разомъ: «не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти: иже есть плясба, гудьба, пѣсны бѣ-

совскія, и жертвы идольскія, иже огневи молятся и виламъ, и Мокоши и Симу реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна». Что при поклоненіи роду и рожаницамъ дѣйствительно пѣли пѣсни, видно изъ Троицкаго сборника XVI вѣка, гдѣ въ укорѣ говорится: «а вы поете пѣснь бѣсовскую роду и рожаницамъ.» Въ одномъ старинномъ переводѣ пророка Исаи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еврейскій народъ порицается за поклоненіе идоламъ, эти идолы нѣсколько разъ названы родомъ и рожаницами, съ очевиднымъ намѣреніемъ переводчика примѣнить мѣсто пророка къ современнымъ заблужденіямъ: это показываетъ, что вѣрованіе роду и рожаницамъ держалось долго и сильно. Что собственно разумѣлось въ языческія времена подъ этими именами, объяснить трудно и было бы здѣсь несумѣстно, еслибъ существованіе этого остатка язычества не удерживалось въ описываемое нами время. Подъ родомъ, кажется, слѣдуетъ понимать вообще судьбу или участь—долю (греческое слово *Επιχορηγία* переведено словомъ *рожденіе*). Родъ употребляется всегда въ единственномъ числѣ, и слѣдовательно по древнему вѣрованію существовалъ одинъ родъ для всѣхъ; напротивъ, рожаницы всегда въ множественномъ числѣ, и это показываетъ, что для каждаго полагалась своя рожаница. Существовало вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, по вліянію рожаницы, давался ему *норовъ* и *осудъ*. Это вѣрованіе совпало вмѣстѣ съ астрологическими вѣрованіями о вліяніи планетъ на рожденіе человѣка; ибо въ одномъ азбуковникѣ о рожаницахъ говорится, что «рожаницами елины называли семь звѣздъ, называемыхъ планеты, и кто въ какую планиту родился, тотъ по той планите любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца». Несомнѣнно, что рожаницы были гевіи—хранители жизни. Ихъ изображали кумирами, какъ это видно изъ выраженія: «служать Богу и волю его творять, а не рожаницамъ—кумирамъ суетнымъ». Передъ этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницамъ.

Что поклоненіе частнымъ семейнымъ, языческимъ божествамъ оставалось долѣе другихъ вѣрованій язычества, это понятно и естественно, потому что человѣкъ изъ сферы міеологіи долѣе удерживаетъ то, что относится къ его личности и къ тѣсному кругу жизни, и напротивъ легко забываетъ преданія и складъ понятій о существѣ міра, твореніи земли, исторію боговъ и героев. Мы однако не знаемъ, въ какой степени, и гдѣ именно, и между кѣмъ въ XVI и XVII в. удержались эти поклоненія старымъ божествамъ.

Поляне обрисовываются для насъ языческіе обычаи у финскихъ народовъ, населявшихъ сѣверную Русь. Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ въ Водской пятинѣ (нынѣшней Санктпетербургской губерніи)

сельскіе жители были только по имени христіане. Они совершали моленія деревьямъ и каменямъ, и приносили жертвы, сопровождаемыя пированьемъ. вмѣсто священниковъ, они призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*: рождался ли младенецъ—прежде позовутъ арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ. Не носили хоронить мертвыхъ на кладбища, а погребали ихъ на курганахъ и коломищахъ (?). Эти полухристіане не соблюдали постовъ и въ особенности не терпѣли Петрова поста, — вѣроятно потому что тутъ у нихъ было время языческихъ празднествъ, — убѣгали христіанскаго брака и предпочитали жить съ женщиною по взаимной любви, безъ вѣнчанія. Архіепископъ Макарій обратилъ вниманіе на такія уклоненія отъ церкви, приказывалъ священникамъ сожигать мольбища, вѣнчать тѣхъ, которые соединились бракомъ безъ обряда, освящать ихъ святою водою, какъ бы возобновляя утраченную благодать, принятую нѣкогда въ таинствѣ крещенія, и увѣщевать арбуевъ, а непослушныхъ изъ нихъ отправлять въ Новгородъ. Дѣти боярскіе, поселенные въ этихъ мѣстахъ, были обязаны наблюдать, чтобъ народъ не убѣгалъ отъ церковныхъ обрядовъ. Въ Пермской землѣ въ XVI вѣкѣ (Chensl. Nacl. 213.) люди ходили на поклоненіе истукану золотой бабѣ; когда кого постигало бѣдствіе или болѣзнь, передъ истуканомъ колотили въ бубны и этимъ думали помочь своей бѣдѣ. Такимъ образомъ финскіе народы на пространномъ сѣверѣ тогдашней Россіи были въ такомъ же положеніи, какъ теперь чуваша и черемисы или какъ въ прежніе, болѣе отдаленные вѣка были крещеные русскіе, когда, по свидѣтельству Іоанна Пророка, приносили жертвы болотамъ и колодцамъ, и безъ благословенія пастырей сходились и расходились съ женами (Прав. Іоан. 94). Около Казани и во всѣ стороны въ ея окрестностяхъ, въ XVI вѣкѣ, такъ называемые новокрещенные чуваша, черемисы и вотяки не ходили въ церкви, не соблюдали постовъ и призывали къ родильницамъ не поповъ, а бабъ; хоронили на кладбищахъ татарскихъ; по необходимости повѣнчавшись въ церкви, совершали еще разъ брачныя обряды дома, или вмѣсто женъ держали у себя плѣнныхъ ливонковъ (А. А. Э. 438).

Въ описываемое нами время русскій народъ, если и потерялъ старыя формы язычества, но сохранялъ его духъ въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Безъ знанія законовъ, безъ малѣйшаго понятія о существованіи ихъ, неразвитый челоувѣкъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ чего-то такого, на что хочетъ опереться въ своемъ безсиліи. Обычныя явленія природы наводили страхъ: явленіе кометы, затмѣніе солнца, падающіе камни производили волненіе умовъ и увныіе (А. И. IV. 331).

Въ народномъ воображеніи существовали разныя фантастическія существа, помѣщаемыя въ природѣ. Обыкновенно, отдаленныя страны служили для воображенія мѣстопребываніемъ такихъ существъ и сценою чудесныхъ событій. Такъ на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣсистомъ, суровомъ, народная фантазія помѣщала пещеру змѣи аспиды, змѣи крылатыя съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами, — эта пестрая змѣя живетъ въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари — обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать. (Аспидъ, змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичей и два хобота, и въ коей землѣ вселится — гу землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копаютъ ямы и садятся въ ямы съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себе угліе горящее: да разжигаютъ клещи, и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ яко горѣ потрястися, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ дыру малу, начнетъ битися; человекъ же ухвативши ю клещами горящими держатъ крѣпце; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои и не трои, и тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣты и на земли не садится, только на камень. Погод. Сбор. Публ. Биб. 1344). Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зміева, гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень (Olear. 361). Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растеть животное-растеніе — баранецъ; ово привноситъ плодъ, похожій на ягненка. Стебель его идетъ черезъ цупокъ и вышашается на три пяди; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть какъ у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живетъ, не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца».

Съ утратою мифологическихъ образовъ, съ потерю антропоморфическихъ представленій силъ природы, еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда истекаетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по мѣрѣ большей или меньшей личной наклонности къ мистической

созерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ систему. Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ волховники или сборники примѣтъ и гаданій, въ назиданіе людямъ. Вотъ, напримѣръ, какого рода примѣты имѣли знаменательность для воображенія: храмъ трещитъ (трескъ въ стѣнѣ), ухозвонъ, кости подъ колпиками свербятъ—путь будетъ; длани свербятъ — пѣнзая имать; очи свербятъ — плакать будутъ; воронограй, куролякъ (пѣніе курицы) — худо будетъ; утица крикнетъ, гусь гогочетъ, окомигъ (дрожь въ рѣсницахъ), огонь бучитъ (трескъ дровъ), песь воетъ, мышенискъ (пискъ мышей), мышъ порты (платье) грызетъ, кошка въ окнѣ мышца держитъ, сонъ страшень, слѣнца встрѣтитъ—изгоритъ нѣчто; огонь пищитъ, искра изъ огня, кошка мяукаетъ—падетъ человѣкъ; свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока поцекочетъ, дятель желна (долбитъ дерево), стѣнощелкъ (червячки въ стѣнахъ), жаба воркуетъ (Русск. Вѣстн. 1842. 2. 259). Нѣкоторыя примѣты служили къ предузнанію погоды и физическихъ явленій: дымъ высоко въ избѣ ходить (въ куриной)—къ погодѣ; мышъ въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ — снѣгъ великъ будетъ, и погода будетъ. Другія служили признаками войны, голода и другихъ народныхъ бѣдствій; наприм. «берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тлпуть, и облака дождевыя и снѣжныя и вѣтряныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачотъ — моръ будетъ, и война возстанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умалится» (Рум. Сбор. рукоп. № 374). Вотъ сколько примѣтъ, и сверхъ того втрое было больше, чѣмъ здѣсь означено; и изъ нихъ многія сохранились до сихъ поръ. Вѣрили въ сонъ, и составляли обширную систему знаменательныхъ истолкованій; вѣрили въ чохъ, въ полазъ (вѣроятно насѣкомыхъ, —выводъ предвѣщаній изъ различныхъ ихъ движеній), вѣрили въ встрѣчу (А. И. IV. 152. С. Р. Барбер. 43), то есть считали встрѣчу съ одними предметами счастливымъ, съ другими несчастнымъ предзнаменованіемъ. Къ несчастнымъ въ древности принадлежали: встрѣча съ монахомъ, съ лысымъ коземъ, съ свиньею. Преподобный Феодосій въ XII вѣкѣ укорялъ (Изв. Акад. VI. 278) тѣхъ, которые при такихъ встрѣчахъ ворочались назадъ. Эти примѣры изъ XII вѣка безъ сомнѣнія существовали въ XVI и XVII вѣкахъ, потому что сохранились и въ наше время. Кромѣ множества гаданій, которыя и теперь служатъ святочной забавой, встарину были цѣлыя системы гаданій, записанныя въ книгахъ и гадальныхъ тетрадахъ. Онѣ носили общее названіе—Рафли

(А. Э. III. 259. Стогл., вопр. П. 22); къ такимъ квигамъ принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрыль» и астрологическія гаданья, занесенныя къ намъ съ запада: «Острономы», «Зодѣй», «Альманахъ», «Звѣздочетъ»,—сущность послѣднихъ состояла въ отысканіи вліянія, какое имѣли на судьбу человѣка и на обстоятельства его жизни небесныя свѣтила, дни и часы: «о злыхъ часѣхъ и о народженіи человѣчествѣмъ въ которую звѣзду или часть, добръ или золь, и получая счастковъ и богатству и нищеты и въ народженіи добродѣтелемъ, и злобамъ, и долголѣтству житія и скращенія смерти — и сія вся кошуны и басни суть» (Пог. Сборн. № 1294). Въ этихъ разнообразныхъ учебникахъ волшебства заключались, по выраженію одного іерарха (Прав. Собесѣдн. 1855. Кн. 11. 64), такія вещи, «ихъ же не подобаеъ не точію описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многія скверности и отступничества». Къ этой категоріи гаданій относились такъ называемыя *рождественныя волхвованія*, которыя производили чародѣи по призыву матерей надъ младенцами, узнавали и опредѣляли ихъ судьбу (Ст. Срезн. Арх. II. 1. 105). Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родить, давала изъ рукъ своихъ медвѣдю (конечно ручному, которыхъ часто водятъ скоморохи на потѣху людямъ) хлѣбъ и прислушивалась къ голосу, какой издастъ звѣрь: если онъ рыкнетъ — значитъ, она родить дѣвицу, а если замычитъ, то мальчика (Рукоп. Румян. Муз. № 374). Объ образованіи младенца составились полужыцескія, полухристіанскія вѣрованія. Одно писаніе говоритъ, что человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: «сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ свята Духа» (Рум. Муз. № 358). Другое писаніе объясняетъ, что во время беременности женщины ея ангель-хранитель беретъ части «у земли, или у воды, или у желѣза, или у камня, или у древа, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возметъ отъ того ангель материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зараждается въ немъ духъ» (Погод. Сборн. Публ. Библ. № 1315). Человѣческія свойства зависятъ отъ преобладанія какой нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: «отъ земли—тѣло: тотъ человѣкъ темень, неговорливъ; отъ моря—кровь въ чловѣцѣ и тотъ человѣкъ прохладенъ; отъ огня—жарь: тотъ человѣкъ сердитъ; отъ камня — кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ; отъ солнца—очи: тотъ человѣкъ богатыревагъ и безстрашенъ; отъ вѣтра—дыханіе: тотъ человѣкъ легкоумень; отъ облака—мысль: тотъ человѣкъ похотливъ; отъ свѣта—свѣтъ: тотъ человѣкъ святъ, не мыслить земнаго, но мыслить небесная» (Тамъ же). Къ другимъ гаданьямъ прибѣгали въ разныхъ предначиваніяхъ, чтобы узнать,

удачно ли они пойдутъ, въ разныхъ неудачахъ и бѣдствіяхъ, чтобъ узнать, чѣмъ помочь. Одинъ изъ старинныхъ родовъ гаданій назывался *получай* (Домостр.) Какъ онъ совершался — неизвѣстно, — но его названіе заставляетъ думать, что цѣль его была — отысканіе средствъ къ пріобрѣтенію.

Самое распространенное вѣрованіе было въ могущество человѣческой воли и выражающаго ее слова. Все собственно такъ называемое наше старое чародѣйство основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи въ силѣ воли и слова. Волшебникъ или чародѣй въ обширномъ смыслѣ былъ человѣкъ, который силою своего слова могъ производить желаемое, узнавать будущее, измѣнять направленіе обстоятельствъ, властвовать надъ судьбою другихъ людей и даже повелѣвать силами природы. Заговоръ или *примолвленіе* игралъ главную роль въ волшебствѣ. Правда, волшебники дѣйствовали и посредствомъ разныхъ вещей; но народное понятіе приписывало силу не самымъ вещамъ, а слову, которое имъ сообщало эту силу. Сила исходила не изъ природы, а изъ человѣка, изъ его души. То была сила духовная. Даже самое меченіе или отравы людей посредствомъ травъ приписывались не цѣлебному или вредоносному свойству самыхъ растений по ихъ природѣ, а человѣку, который сообщалъ имъ это свойство своею волею, и потому леченіе травами преслѣдовалось церковью наравнѣ со всякими другими волшебствами, подъ именемъ *зелейничества*. Полагали, что растеніе, совершенно безвредное, можетъ быть убійственно, если волшебство сообщить ему злокачественную силу. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, запрещено было ввозить въ Московское государство хмѣль, потому что лазутчики донесли, что какая-то *баба вѣдунья* наговариваетъ на хмѣль, чтобы тѣмъ хмѣлемъ, когда онъ будетъ ввезенъ въ Московію, произвести моровое повѣтріе (А. А. Э. III. 283). Волшебники носили разныя наименованія, которыя имѣли свои особые оттѣнки, хотя часто значеніе ихъ смѣшивалось. Между такими видами волшебниковъ были волхвы, чародѣи, чаровницы, *зелейщицы*, *обаянники*, *кудесники*, *сновидцы*, *звѣздохеты*, *облако-прогонники*, *облако-хравительники*, *вѣдуны*, *вѣдуньи*, *лихія бабы* (Доп. къ Суд. Д. И. I. 252). *Обаянниками* назывались *фокусники*, которыхъ призывали или «посѣщали, хотяше нѣкая увидѣти отъ нихъ неизреченная» (Домостр.). Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. *Кудесникъ* совершалъ разныя заклинанія и чародѣйственныя обряды (*кудесы бьютъ*) и предвѣщалъ будущее. *Сновидцы* разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ.

Иногда рассказывали о собственных видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій, они толковали народу причины несчастья, часто указывали на какія нибудь лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному мщенію. Облако-прогонники, какъ ихъ называетъ «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ XI вѣкѣ и въ Суздальѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и стѣстные запасы. Въ XVI вѣкѣ рассказывали, что во время осады Казани, въ 1552 году, татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣвахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну («погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголихъ невѣгласи снѣдаемое солнце». Ип. Лѣт.). Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками («влъкодлаци луну изѣдоша или слънце». Арх. II. стр. 48). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали одни другимъ свое искусство и промышляли имъ, помогая тѣмъ, которые къ нимъ прибѣгали въ житейскихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины (Правосл. Собѣс. 1855. кн. II. 64), но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которые жили на сѣверѣ въ Корельской землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій князь Василій Іоанновичъ, когда, женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобъ они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуній и преимущественно въ Замоскворѣчьи. Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Оеклица, Машка Козлиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокии (О ворожбѣ, Забѣлина. Ком. 491—492). Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою нибудь вещію. Такимъ образомъ къ московской чародѣйкѣ Наськѣ Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать сердце и ревность у мужьева*; а когда жены жаловались на холодность мужьева, приворожить ихъ и отнять *серце и умъ*. Она наговаривала на соль, мыло и бѣлила, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣ-

лится бѣлилами, а соль давать въ питье и въ ѣству мужьямъ, брала у женщины воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пеплѣ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила : «какъ тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ». Надъ мыломъ говорилось : «сколь скоро мыло съ лица смоеся, столько бы скоро мужъ жену полюбилъ»; когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила : «какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ». Сожженный воротъ рубашки служилъ также слугамъ для умплотивленія господъ : надобно было этого пепла насыпать на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти. Одна изъ такихъ жертвъ обмана наивно сознавалась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой переменны поведенія и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя, что нѣтъ помочи отъ чародѣйства, бросила съ досады наговорныя вещи. Ревнивые мужья хотѣли отъ ворожей узнавать о невѣрности своихъ женъ. Ворожей призывали въ домъ : она присматривалась къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности и отдавала цевинную на произвольную расправу мужа. Если въ домѣ случилась пропача, призванная ворожея пристально присматривалась къ брюху. Другія колдуньи своими наговорами помогали купцамъ, когда у нихъ заляжется товаръ. Тогда колдунья наговаривала на медъ, приговаривая : «какъ пчелы ярося роятся, такъ бы къ такому-то торговому человѣку купцы для его товару сходились». Потомъ она приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ. Мужчины-колдуны заговаривали ратнымъ людямъ отъ стрѣльбы и отъ меча, когда тѣ шли на войну, отъ «ласковости отъ человѣкъ», когда подначальвый хотѣлъ расположить своего начальника; охотникамъ на ловленіе звѣрей, а охотникамъ до прекраснаго пола на блудъ (Прав. Собес. 1855. кн. II. 64). Если на кого царь или князь гнѣвъ держитъ — надобно при себѣ носить полъ лѣвою пазухою правое око орла, *завязавъ въ ширинку*. Этого орла нужно поймать непременно на Ивановъ день о вечернѣ, повести на распутье между дорогъ и заколотъ острою тростію. Лѣвый глазъ того же орла, смѣшанный съ коровьею кровью, рекомендовался охотникамъ и рыболовамъ : «лѣвое око его добро смѣщать съ коровьею кровію и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ снѣгъ и платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ пѣпу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многимъ ловушкамъ годна—ко звѣривымъ и птичьимъ и ко всякой ловлѣ» (Бул. о Нар. Поэз. 31). Начинаяшій судиться или позванный черезъ при-

става или недѣльщика къ судебному отвѣту спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ (Арх. Калач. II. 2. 50). Идя на судъ, надобно снять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: «такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ (имрекъ) и его языкъ трепетался» (Бусл. о Народн. Поэз. 30). Когда еще въ обычаѣ были судебныя поединки, чародѣи являлись на помощь; нерѣдко спорщики готовы были помириться, но чародѣи начинали предъ ними *бить кудесы* и разжигали снова (Стогл., вопр. 17). Чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запастись силою для судебного поединка «убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуи на томъ же мѣстѣ. Идя прочь назадъ, не оглядывайся. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ ты, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковыя, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы». Когда холопъ обкрадывалъ господъ и бѣжалъ, призывали ворожею и она произносила заклятіе надъ бѣжавшимъ.

Невозможно перечислить всѣхъ вещей, надъ которыми вѣдуны и вѣдуньи совершали свои таинственныя заклинанія и примовленія, но между прочимъ онѣ совершались надъ кореньями, зельями, водою, огнемъ, костями, громовыми стрѣлами, камнями, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой мертвеца, надъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги слѣдомъ, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и проч. Вѣра въ чудодѣйственную силу кореньевъ была распространена въ Россіи повсемѣстно. Цари и сильныя міра боялись отъ кореньевъ не только вреда своему здоровью, но даже политическихъ перемѣнъ. Влюбленные и охотники до прекраснаго пола прибѣгали къ колдуньямъ просить приворотнаго порошка или приворотныхъ зелей, собираемыхъ, какъ думали, въ таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался «обратимъ», т. е. обращающій (Доп. 1. 9.). Колдунья давала этотъ корень женщинѣ; та должна была положить его на зеркало и смотрѣться въ него. «Какъ смотрюсь въ зеркало да не насмотрюсь (приговаривалось при этомъ), такъ бы такой-то на меня не насмотрѣлся». Въ одномъ изъ травниковъ XVII в. подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, на примѣръ травѣ *кукоосъ*: «въ ней корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка: мужичекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы станетъ любить.» Тоже приписывалось травѣ *одоенъ*: «кто тебѣ не любитъ, то дай

пить, — не можетъ отъ тебя до смерти отстать; а когда пастухъ хочеть стадо пасти и чтобъ у него скотъ не расходился—держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешь звѣрей приучить, — дай ѣсть, то скоро приучишь» (Арх. 1859. I. 78.). Къ числу вѣрованій о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ «симтаринѣ», которую называли во травахъ царь трава, о шести листахъ: «первый синь, другой червленъ, третій желтъ, а четвертый багровъ; а братъ вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человѣка, изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь противъ мужа,—только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его — добро; если которая жена мужу не вѣрна или мужъ женѣ, стерши мизиннымъ перстомъ, дай пить» (Буслаева, о Народн. Поэз. 31). Насылка на вѣтеръ и выборъ слѣда были чародѣйства злыя: они производились съ цѣлю сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись особенно. Въ подкрестныхъ записяхъ на вѣрность царю вѣрноподанный присягалъ, между прочимъ, *вдовствомъ по вѣтру никакого лиху не насылати, на слѣду не вынимати*. Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пыль и примолвляя, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней сбывалось все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ-подъ ноги сохраняется до сихъ поръ. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали, и оттого изсыхалъ тотъ, изъ-подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Впрочемъ, выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, чтобъ приворожить къ себѣ. Заговоры надъ мертвыми человѣческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *на татьбу мертвого зубы волшебеніе* (Прав. Собес. 1855. кн. III. 64). Тогда, какъ и теперь, воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ въ домѣ, когда хотѣли ихъ обокрасть. Встарину также наговаривали на просфору. Приносили просфору къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней примолвленія, и этой просфорѣ сообщалась сила давать успѣхъ въ дѣлахъ тому, кто ее держитъ у себя. (А. А. Э. I. 229.). Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ передачи волшебной силы были наузы или узлы; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйствен-

вые узлы и навязывали ихъ на дѣтей («Баба начнетъ на дѣти наузы власти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать»). Этотъ древней обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхвованія); ему волхвы навязали наузу на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостивъ на кровопролитіе»). Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ наузы для предохраненія отъ всякаго рода опасностей («вѣркакая бѣсовская обаянія наузы»).

Встарину узлы навязывали на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «завяжу я по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на шпцаляхъ, на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ шпцали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія: въ мощхъ узлахъ сила могуча!» На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ, и отъ зломыслия враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ, и уширцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ черница и черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и уширца» (Арх. Калач. кн. II. полов. 2. 53). Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить. Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «завязанный свѣтъ!» «Мині якъ завязано» (т. е. не удается). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобъ сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобъ предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка, обыкновенная болѣзнь, представлялась бѣсомъ-трящею («ведуги лѣчатъ чарами и наузы, вѣ котораго бѣса глаголемаго трящу прогоняюще». Арх. II. полов. 2).

Этому бѣсу трясцѣ подвластны выходяшія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ, дочерей Иродовыхъ (Невѣя, Синя, Легкая, Трясувица, Желтувица, Мученица, Огненная, Акимедъ, Временная, Безымянная, Осенняя, Листопадная. Имена семи—не русскія: Лилія, Хорторія, Загрѣя, Невея, Тухія, Нешія, Злыдиѣ, еще старшая Трасавица; а низшія всѣ повинны настъ слушати (вѣроятнѣо каждая изъ настъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ; другіе писали имена лихорадокъ на яблокѣ, и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры (Арх. Калач. 2. 51). Лечение состояло въ томъ, чтобъ отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примолвленія, разныя манипуляціи и зелья (А. Э. I. 462). Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, когда придетъ случай («Хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйницъ наузовъ.... глаголюще нанъ наузы навязывати»). Примолвки и заговоры употреблялись какъ для предотвращенія болѣзней, такъ еще болѣе какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившаго болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какіе нибудь предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своего желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ болѣзняхъ, когда признавалось, что онѣ постигли болящаго отъ призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызгнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи уговаривала воду обмыть съ хвораго хѣтки и прѣтки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и повести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынтъ. Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озеряхъ во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время (А. И. IV. 225). Время предъ восходомъ солнца считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло

и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣеть что-то особенно важное (Рум. Муз. рук. № 374). Кромѣ воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснокъ, на уксусъ, на соль; а когда заговаривали грыжу, то употребляли медвѣжьей ноготокъ и громовую стрѣлу, обмывали ихъ и приговаривали: «какъ старой женкѣ дѣтей не раживать, такъ бы у такого-то грыжи болѣзни не было». Громовыя стрѣлки (Домостр. 38), то есть камышки наподобіе стрѣлъ, которые почитались упавшими съ неба во время удара молніи, служили у ворожей средствомъ при многихъ леченіяхъ; но церковь преслѣдовала ихъ, какъ и всякія другаго рода средства. «Стрѣлки, топоры громовныи—нечестивая, богомерзская вещь; аще недугы и подсыванія и огненныя болести лѣчить, аще и бѣсы изгоняетъ, и знаменія творить—проклята есть, и ти изцѣляемъ ею» (Румянц. рук. № 231. Кормч.). Если у кого нибудь случалась жаба въ горлѣ, ворожея лечила тогда *придавливаніями* съ примолвленіями; когда больной жаловался на боль въ желудкѣ, ворожеи называли это вообще *нутряною* болѣзнію и лечили разными манипуляціями, между которыми самый обыкновенный способъ былъ накладывать горшки съ примолвленіями. Для всякихъ болѣзней были свои особыя примолвки и свои обряды, по правламъ патологии знахарей. Наружное обмываніе или мазаніе большого тѣла было обычнымъ приемомъ волхвовъ: для мазанія употреблялись всевозможнѣйшія вещи, какія только могли прийти необузданной фантазіи: «мастію, коею либо мажутъ или скипидаромъ, или нефтью, или мышьякомъ, или кровію человѣческою, или млекомъ женскимъ и скотскимъ, или медомъ, или росю, или сѣрою, или дегтемъ; или хмѣлемъ» (Румянц. Муз. рукоп. № 374).

Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали въ XVII вѣкѣ орловъ камень, рога единорога и змѣнные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрію, «Богъ далъ дивныя угоды таковы, что не свѣдущимъ людемъ нельзя про него и вѣры взять». Воображали, что этотъ камень находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. «А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганья дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золь» (Буслаева о Народн. поэзіи, стр. 28). Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоцѣннымъ средствомъ не только для исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г. соглашался за три такіе рога заплатить десять тысячъ рублей соболями и мягкою рухлядью (А. И. IV 242). Говорили, что онъ длиною до шести пядей и свѣтелъ, какъ свѣтло

(Рум. Муз. рук. № 374). Небогатые не могли доставать такихъ дорогихъ средствъ и употребляли такъ называемые змѣйные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой нибудь внутренней болѣзни. Эти змѣйные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простыя кости (А. И. II. 46). Нѣкоторыя предохранительныя симпатическія средства назначались для скотины: «около скота волхвуетъ: и съ каменемъ, и желѣзомъ, и сковородою, и съ иконами спускаютъ скоты свои» (Рум. Муз. рук. № 374). «Если хочешь скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца и вкопай посреди двора, и скотъ будетъ вестися; а если у кого скотъ мретъ, и ты съ умерлаго вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ѣшь съ той сковороды что хочешь, а скотъ твой съ тѣхъ мѣстъ не мретъ и здоровъ будетъ. Кто животину купить приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣтъ растянуть поясъ женскій отъ веревъ до веревъ, да замокъ положить къ веревѣ, а колоду замочную къ другой веревѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять опоясаться, и черезъ мужской поясъ животину водать же отъ веревъ до веревъ растянувши» (Бул. о Нар. Поэзіи 35).

Къ числу чародѣевъ принадлежали, какъ выше было сказано, и зелейщики — знатоки силы травъ и кореньевъ: у нихъ былъ свой травникъ, который они передавали другъ другу. Эти травники переходили изъ рукъ въ руки въ спискахъ. Травы собирались *знаючи*, то есть съ таинственнымъ умѣньемъ доставать ихъ: въ какихъ мѣстахъ, въ какое время и какимъ способомъ. Купальская ночь признавалась лучшимъ временемъ для этого; нѣкоторыя травы считались цѣлительными въ извѣстныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. По приказанію Алексѣя Михайловича, одинъ сибирскій знахарь сообщилъ чрезъ воеводу правительству подмѣченныя имъ свойства нѣкоторыхъ травъ. Изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ мы узнаемъ, что у знахарей были травы на всѣ болѣзни и на всѣ случаи. Изъ донесенія упомянутого выше знахаря видно, что въ грыжѣ давали сѣмя травы, называемой зелейщиками — *елкій*, настоенное для взрослыхъ въ винѣ, а для дѣтей въ молокѣ; другіе совѣтовали пить въ укусѣ траву *ушко*; въ болѣзняхъ застоя мочи и въ трудныхъ родахъ давали въ окуневой теплой ухѣ или въ молокѣ траву *колума*. Корень девясила употреблялся для жеванія отъ зубной боли; ирвой корень настаивался на водкѣ и давался отъ удушья; отъ запоровъ давали губку листовницы, называемую *кимана*, въ винѣ или въ горячей водѣ; отъ той же болѣзни сибирскій знахарь рекомендовалъ

корень травы, называемой *земляная свѣчка*. Изъ травы подъ названіемъ *пѣтушковы пальцы* дѣлали припарку противъ желваковъ и другихъ затвердѣній. Отъ побоевъ и ранъ лечили питьемъ изъ звѣробоя на водкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ употребляли винный настой травы *излюденъ* и травы *мартя*. По другому травнику отъ побоевъ и ранъ рекомендовали травы: *девятисилъ* (или *девясилъ*), *хмельникъ*, *ужикъ*, и *папутникъ* (Арх. 1859. I. 82). Настой послѣдней травы давали пить внутрь и примачивали имъ больныя мѣста снаружи. Иногда знахари лечили микстурою изъ разныхъ травъ, кореньевъ и животныхъ веществъ; вотъ, напримѣръ, образчикъ знахарскаго рецепта: «знаеть (онъ) около Якутска масло, ростомъ кругло, что *яблоко* большое, ходитъ живо, а живетъ въ глухихъ и глубокихъ озеряхъ; будетъ какой человекъ болѣнъ нутряною красною грыжею или ломъ въ костяхъ, или мокрота бываетъ нутряная, и сидѣти въ банѣ и послѣ того баннаго сидѣнья сдѣлать составъ: часть того масла, бѣольшую часть нефти, часть скипидару, часть деревяннаго масла, да добыти полевыхъ кузнечиковъ зеленыхъ, что по травамъ скачутъ, да наловитъ коростелниковъ красныхъ, что летаютъ по полямъ, и тѣ статьи положить въ горячее вино, и дать стоять день одинадцать или тринадцать; и послѣ того баннаго сидѣнья велѣтъ того больнаго человека тѣмъ составомъ тереть по всему тѣлу, и велѣтъ быть въ теплой хоромнѣ, пока тотъ составъ войдетъ; и дѣлать такъ не по одно время; и то масло ѣдятъ и пьютъ отъ многихъ нутряныхъ болѣзней» (Доп. VI. 364). Нѣкоторымъ травамъ приписывалось чародѣйственное вліяніе противъ душевныхъ недуговъ и вредоноснаго дѣйствія зависти одного человека къ другому. Тотъ же сибирскій знахаръ совѣтуетъ настаивать на винѣ или на укусѣ земляныя груши и ѣсть ихъ сырыя въ случаѣ тоски или сердечной болѣзни; а противъ испуга или дурнаго вліянія, оставленнаго осужденіемъ завистливаго человека, указываетъ, какъ на цѣлительное средство, на траву, называемую *ерол*: слѣдуетъ болящаго окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча въ водѣ, давать ѣсть (Ibid. 361). Были травы, которымъ приписывали значеніе универсальныхъ лекарствъ; такъ въ одномъ травникѣ XVII вѣка (Арх. 78) о травѣ *излюдинъ* (растетъ по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: «кто тое траву ѣстъ, и тотъ человекъ, живучи, никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу». Трава *кудрявый купырь* имѣла силу предохранять отъ отравы того, кто ее ѣлъ натошакъ. О травѣ *плакунъ* говорится, что ее надобно заранѣе приобрѣсть для того, чтобъ искать всякую другую траву, «а безъ тое травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ». Существовало по-

вѣрье о разрывѣ-травѣ, съ помощію которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава въ травникѣ, о которомъ упомянуто выше, называется *бѣль*: растетъ въ водѣ, а коренья добры; возьми и положи въ замокъ, то отомкнется. Другимъ травамъ приписывали предохранительную силу; о травѣ *Петровъ крестъ* говорится, что отъ нея «никакая скорбь не вяжется, помилуетъ Богъ отъ всякія напасти; а въ пиръ поѣдешь, возьми ее съ собою отъ еретика и напрасныя смерти». Тоже думали о *паперть*, которую доставать слѣдовало только въ купальскую ночь и потомъ носить всегда при себѣ; «гдѣ пойдетъ — на того человѣка никто сердить не бываетъ, хотя и не другъ, а па зло и не помыслить». О травѣ *полотой нивъ* существовало такое наставленіе: «налобно кинуть золотую или серебряную дѣпгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будетъ рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ хватать траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую, и беречь ту траву отъ мерзкаго часа; а хочешь иди на судъ, или на бой, иво никто тебя не переможетъ» (Бул. о Нар. поэз. 30). Траву *осотъ* рекомендовали держать торговымъ людямъ. «хочешь богатъ быть — носи на себѣ; гдѣ ни поѣдешь, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, а въ людяхъ честно вознесишься». Зелье *попутникъ*, повѣшенное на дворѣ, отгоняло всякихъ гадовъ и вредныхъ пасѣкомыхъ. Травѣ *переносъ*, кромѣ такихъ же предохранительныхъ свойствъ отъ укушенія гадовъ и дѣйствія нечистыхъ духовъ, приписывалась такая сила, что если изъ нея «сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода разступитца»; а травы *прострѣль* (сонъ трава) и *укрой* предохраняли дома, гдѣ ихъ держали, отъ нечистыхъ духовъ. Когда рвать прострѣль, то слѣдовало положить на то мѣсто, откуда взять корень, великодевское яйцо. Подобныя средства употреблялись противъ порчи: подъ этимъ именемъ въ обширномъ смыслѣ разумѣлось вообще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства, при участіи нечистой силы; во въ тѣспомъ смыслѣ сюда относились по преимуществу тѣ нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такихъ явленій надобно искать исключительно во вліяніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши: въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона или мощи святаго, — вообще мѣста, прославленныя религіозною святостію. Кликушами онѣ назывались оттого, что выкликали или клякали на кого нибудь, то есть указыва-

ли, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка, они *метаются всякими казнодѣйствами*. Женщины страдали этимъ преимущественно. О такихъ бѣснующихся ходили изустныя и письменныя исторіи самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенную и неосѣненную крестнымъ знаменіемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали ее и мучили. Она дѣлалась беременною и раждала чудовищъ, на подобіе змѣй, которые сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій, эта страдалица испѣлилась спасительнымъ вліяніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными недугами, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ воображенія, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпѣ видъ, будто пророчествуютъ. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобъ онъ повелѣлъ жителямъ гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда въ множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали народу разные заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ: «бабы, не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Другія же подущали людей на всякіе пороки. Появленіе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею челоуѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подущали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобъ потомъ придратъся и обирать послѣднихъ; а если кто нибудь, обезумленный страданіями пытки, насажаетъ на себя, что онъ дѣйствительно колдунъ, того сжигали въ струбѣ. Между тѣмъ правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ нибудь краѣ, посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдунъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь челоуѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ (А. г. Шуй 95. — Опис. Шуй 337. 340). Большое воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происходитъ отъ супостатъ (С. Г. Гр. III. 265). Томить сухота сердечная, вѣтъ

пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ,—вѣрно напустили, можетъ быть изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть земля чревоотравнаго дала, что чаровница собирала въ ночь Купала. Домашніе придумывали, отъ кого бы могла случиться бѣда. Она имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобъ только запоздрили въ вѣдовствѣ — до пытки не далеко, особенно если у истцевъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 году, въ Перми производилось дѣло о томъ, что нѣкоторые вѣдуны выпускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операцій подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ: священники, посадскіе, старосты и цаловальники съ выборными обывателями подавали голоса для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобъ обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ при Михаилѣ Феодоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашлы у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ (Olear. 134).

Порча сообщалась черезъ разные предметы. Выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка посредствомъ вѣтра и вышмыки слѣда. Равнымъ образомъ колдуны пересылали свое зложелательство черезъ *подметъ* разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ на примѣръ: въ Шуѣ въ 1672 году производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда (Оп. Шуи 341). Волшебство также легко переходило черезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобъ «лихой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихова въ ихъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку». Въ 1598 году, русскіе присягали Борису, своему государю «въ ѣствѣ и въ питъѣ, и въ платьѣ или въ иномъ въ чемъ лиха напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ, да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати» и проч. (А. А. Э. II. 58). Во время войны боялись, чтобъ чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью (О ворожбѣ, Забѣл.

485); и успѣхи самозванца всеобщее мнѣніе ничему другому не могло приписать, кромѣ вѣдовства (Доп. I. 225). Опасеніе, чтобъ лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили, сглазили или напустили на нихъ худобу. Женщины, составлявшія дворню царницы, жили по большей части въ непріязни между собою, соперничали одна съ другой и взаимно одна на другую доносили. Если въ домашнемъ царскомъ быту возникалъ какой нибудь споръ между супругами—и этому искали причины въ вѣдовствѣ и порчѣ (О ворожбѣ, Забѣл. Ком. 490). Болѣзнь царскаго младенца приписывалась сглазу и порчѣ, и оттого маленькихъ царевичей и царевенъ старательно оберегали отъ человѣческихъ взоровъ, полагая, что дурное дѣйствіе недобраго глаза легче подѣйствуетъ на малолѣтняго, чѣмъ на взрослого (Коших. 14). Тоже господствовало и въ домахъ знатныхъ господъ; господа, заболѣвши, подозрѣвали слугъ, что они нанесли имъ вредъ вѣдовствомъ; а слуги, разсердившись на господа, дѣйствительно прибѣгали къ вѣдунамъ и вѣдуньямъ, чтобъ съ помощію ихъ знаній отомстить господамъ. Между тѣмъ, волхвы, знахари, ворожеи, вѣдуны пользовались всеобщимъ легковѣріемъ и дѣлались повѣренными въ житейскихъ дѣлахъ всѣхъ классовъ народа: одни портили, другіе снимали порчу, предохраняли отъ нея или отгадывали, кто испортилъ. Такимъ образомъ между чародѣями происходили своего рода поединки, гдѣ оружіемъ было ихъ искусство. Они соперничали другъ съ другомъ; одинъ думалъ своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другаго, а между тѣмъ кто нибудь доказывалъ на нихъ, и обѣ стороны попадались въ руки блюстителей порядка и правосудія, собиравшихъ равные плоды и съ злаго и съ добраго колдовства, а еще болѣе съ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ тому и другому роду колдовства. Церковь строго преслѣдовала всякое вѣдовство, не щадя даже и леченія, принадлежавшаго вообще къ зелейничеству. Въ монастырскихъ имѣніяхъ волхвовъ и бабъ ворожей считали наравнѣ съ ворами и разбойниками. Правительство въ XVI в. опредѣлило, слѣдуя внушеніямъ церкви, преслѣдовать волхвовъ, чародѣевъ и звѣздочетовъ, какъ клятвoprеступниковъ, хулителей и подстригателей усовъ (Доп. къ судеб. А. И. I. 252.). Не только преступниковъ подвергали кнуту и лишенію имущества, но цѣлая община, гдѣ жили чародѣи и волхвы, облагалась денежною пенею (А. А. Э. I. 263). Въ XVII вѣкѣ повсемѣстно преслѣдовали вѣдуновъ, вѣдуній и зелейщиковъ (Доп. III. 79.); сажали подъ стражу профъзжихъ людей за то единственно, что находили у нихъ корешокъ (А. И. III. 225); заточали въ монастырь того, кто вздумалъ бы попробовать поучить-

ся заговорнымъ словамъ (А. А. Э. IV. 31.); сожигали и тѣхъ, кто имѣлъ ихъ при себѣ (Дѣло о Ст. Раз. А. И. IV). Народная мѣсть преслѣдовала колдуновъ и колдуній въ эпохи общественныхъ бѣдствій, напр. засухи или излишней мокроты, вредной для хлѣба; тогда дѣлали заключение, что несчастье происходитъ отъ вѣдуновъ, умѣющихъ владѣть обиліемъ и скудостію, и обрекали на сожженіе тѣхъ, къ которымъ рѣдкій изъ народа не прибѣгалъ прежде въ своихъ нуждахъ (Поѣздка въ Кирилл. Бѣлоз. мон. II. 37). Вообще преслѣдовавшіе чародѣйство, какъ зло, часто уступали всеобщему суевѣрію и обращались къ нему за помощію. Самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ, столь преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ купальскую ночь искать серебряннаго цвѣта, иптериновой мятной травы и дягилю (Доп. III. 254); а предъ концемъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ (Доп. VI. 376) воеводамъ въ Сибири, которая по своей отдаленности представлялась въ народномъ воображеніи страню таинственныхъ силъ и чудесъ, собирать знахарей, узнавать отъ нихъ о травахъ и самыя травы присылать въ Москву.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастья, кромѣ молитвы, и приписывать ихъ чему бы то ни было, кромѣ Божія гнѣва.

Во время мороваго повѣтрія при Алексѣѣ Михайловичѣ многіе полагали, что бѣдствіе это происходитъ отъ звѣздъ глетворныхъ, и воздыманій, воспареній, и праховъ и зловонія мертвечины, и дождей лѣтнихъ и морскихъ; другіе же укоряли такихъ толкователей и доказывали, что другой причины, кромѣ кары Божіей за грѣхи, не слѣдуетъ искать. Патріархъ Никонъ, не отвергая послѣдняго толкованія, допускалъ однако и толкованія перваго рода (П. С. 31. 395 — 399), и на этомъ основаніи доказывалъ, что тотъ не грѣшитъ, кто уклонится изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ зараза, что, напротивъ, тотъ, кто подвергаетъ себя явной опасности, равняется тому, кто самъ на себя наложитъ оружіе. Но такъ какъ въ старину, даже въ «Стоглавѣ» объяснено, что Богъ наказываетъ страну, человѣковъ и скотовъ надежемъ и глетворными вѣтрами, иногда же пожарами, иногда же голодомъ и войною за тяжелые пороки и, въ томъ числѣ, за содомскій грѣхъ (Стогл. гл. 15.), то старыя благочестивцы вооружались противъ подобныхъ умствованій и совѣтовали, по примѣру святыхъ мужей, Бога ради переносить съ благодареніемъ многообразныя недуги и болѣзни (Домостр. 4).

Убѣгая чародѣйства, набожныя люди вѣрили его силѣ въ про-

стотѣ ума, и если случалось кому заболѣть, то хотя и приписывали свое несчастіе напуску или волхованію, однако не прибѣгали къ добрымъ колдувамъ, а искали помощи въ религіозныхъ обрядахъ и всегда были подѣ страхомъ вліянія таинственныхъ силъ; вездѣ видѣли бѣсовъ, которые очень часто въ ихъ воображеніи походили больше на шалуновъ, чѣмъ на искусителей къ пороку. Духовныя лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бѣсовъ, а другихъ ими пугали и требовали, чтобъ человѣкъ былъ всегда на сторожѣ противъ враговъ человѣческаго рода, вооруженный молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Иногда бѣсы поселялись во дворахъ и домахъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр. «сожечь совиныя кости и тѣмъ дымомъ хранину свою кадить и дворъ курить — и исчезнетъ бѣсъ, а потомъ ослинымъ саломъ назnamenуѣ двери, и всякое зло, которое найдетъ на дворъ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое камне: отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому что тотъ камень крестообразно растетъ». Набожные люди прогоняли изъ домовъ своихъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласитъ надпись на оградѣ церкви Гребенской Божіей матери въ Москвѣ. Ангелъ хранитель всегда стоитъ на стражѣ вѣрной ему души противъ дѣйствія злаго духа, и потому къ нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, въ первый часъ дня, ангелъ хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно всегда прилѣжно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно когда ангелы являются для поклоненія Богу (Рукоп. Рум. Муз. № 358). Этою молитвою человѣкъ предохраняетъ себя отъ навѣтовъ злыхъ духовъ. Приступая къ какому нибудь дѣлу, слѣдовало прежде всего помолиться и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ; иначе бѣсы сдѣлаютъ какую нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь или варить ѣству, или садится она за пильцы, — слѣдовало прежде всего умыть руки, сдѣлать три земныхъ поклона, проговорить: «достойно естъ», перекреститься и, принимаясь за самую работу, еще разъ призвать Божіе благословеніе, сказавши: «Господи благослови!» Если это исполняется, тогда сами ангелы помогаютъ невидимо, и дѣло спорится и хорошо дѣлается, и ѣства и питье выйдутъ въ прокъ, и шитво крѣпко сошьется. Напротивъ, если при работѣ начнутся смѣхи, игры и празднословіе, тутъ нечистые духи — бѣсы радуются и посмѣиваются, а ангелы отойдутъ въ сторону и тоскуютъ: тогда и ѣство плохо сварится, и хлѣбъ дурно спечется, и шитво сошьется не крѣпко и не ладно (Домостр. 27. 28.). Идя по

воду къ источнику или рѣкѣ, женщина должна была, опускаая въ воду ведра, сказать молитву, а иначе бѣсы какъ разъ испортятъ воду. Многие освящали свою посуду и, принося въ церковь, просили священниковъ окропить ее святою водою, прочитавъ надъ ней молитву и пропѣвъ духовную пѣснь. Послѣ этого надѣялись, что кушанье, сваренное и поданное въ такой посудѣ, будетъ и лучше и неприступнѣе для шалостей бѣса. Ложась спать, слѣдовало окрестить кругомъ ложе и всѣ углы, чтобъ не допустить бѣсовъ до какихъ нибудь проказъ надъ спящимъ. Существовали особыя молитвы, которымъ приписывали бѣсоизгонительную силу. Между прочимъ обращались и въ этомъ къ святому врачу Никитѣ, такимъ образомъ: «за шесть дней бѣгайте отъ меня бѣсы молитвами святого, славнаго мученика, врача Никиты. Благословенъ Богъ во вѣки аминь. Самъ Господи блюди раба своего (имрекъ) на пути, на постели, у воды, на встрѣчѣ и на всякомъ мѣстѣ владычества Его; отпусти сатана и отъ сего дома, и отъ всего созданія, и отъ всѣхъ сихъ четырехъ стѣнъ и отъ четырехъ угловъ. Здѣ святая Богородица Христа рождаетъ, здѣ четыре евангелиста почиваютъ, здѣ святые апостолы Петръ и Павелъ, здѣ святыи Кирилль крестъ держитъ и хранитъ ложеніе раба Божія (имрекъ) во имя Отца и Сына и святого Духа. Крестъ на мнѣ, крестъ у меня, крестъ надо мною, крестомъ ся огражаю, крестомъ діавола побѣждаю и отъ 4-хъ стѣнъ, отъ 4-хъ угловъ; здѣ тебѣ, окаянный діаволе, ни части ни мѣста, всегда нынѣ и присно и вѣки вѣковъ аминь. (Рук. Рум. м. 359.). Передъ посѣвомъ приносили хлѣбное зерно въ церковь и святили его; такъ дѣлали и послѣ жатвы (Fletch. 217. 251.). Во время ѣства или питья благочестивые крестились чуть не за каждымъ глоткомъ, прогоняя дьявола (Petr. 317.). При выѣздѣ изъ дома, непременно нужно было призвать священника и отслужить молебенъ; иначе бѣсы чего нибудь настролятъ въ дорогѣ. Когда дворянинъ отправлялся въ дальній путь на восводство, тогда ужь недостаточно было моленія простаго священника, онъ отправлялся къ архіерею и получалъ отъ него благословенную икону (Расх. кв. Ник. Врем. XI.). Некоторые были столь благочестивы, что носили въ рукахъ четки и, при всякомъ свободномъ случаѣ, перебирали ихъ, ходя и сидя, шептали сряду шесть сотъ разъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго»; а потомъ сряду сто разъ: «Владычица моя Богородица, помилуй мя грѣшнаго!» Грамотные объясняли, что если кто такъ дѣлаетъ три года сряду, то въ первый годъ въ него вселился Христосъ, во второй годъ Духъ святыи, а въ третій годъ самъ Богъ отецъ (Домостр. 19). Такимъ образомъ при всякомъ начинаніи дѣла, и важнаго и неважнаго, русскій благочестивый человѣкъ всегда прибѣгалъ къ религіозному обряду. Одно старинное поученіе

о крестномъ знамении говоритъ: «безъ него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и спя и вставая, и дѣлая, и путемъ шествуя, аще или по морю плаваеши, или рѣкою возишися — вся своя узы животворящимъ крестомъ утверди и не причинишь тебѣ зло» (Рум. М. 186.). Быть благочестивымъ по понятію большинства значило: знаменоваться крестомъ, класть земные поклоны, почитать образа, ходить въ церковь съ приношеніями, слушаться духовенства и хравить посты.

Чѣмъ кто былъ благочестивѣе, тѣмъ больше у него было въ домѣ образовъ, тѣмъ наряднѣе они были украшены. Иконы были первою необходимостію; гдѣ не было иконъ, тотъ домъ для русскаго не могъ показаться христіанскимъ. Украшенія образамъ давались часто въ благодарность за оказанную помощь: на примѣръ, русскій купецъ молится предъ образомъ св. Николая и проситъ успѣха въ торговлѣ; если ему повезетъ, онъ, въ знакъ признательности, дѣлаетъ угодику золотой или серебряный окладъ. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идутъ дѣла, несмотря на его усердныя молитвы, онъ, помогая себѣ въ житейскихъ нуждахъ, сниметъ съ образа окладъ. Повсюду было множество чудотворныхъ образовъ. Они являлись гдѣ нибудь на поляхъ и въ лѣсахъ, производили чудеса; о нихъ доносили правительству, а правительство устанавливало празднество (А. И. IV. 52). Кромѣ такихъ св. иконъ, которыхъ чудотворенія признавались церковью, были въ частныхъ домахъ иконы, которыя почитались чудотворными въ тѣсномъ кругу семейныхъ знакомыхъ. Моделщикъ замѣчалъ, что желаніе его исполняется, когда онъ молится особенно такому-то образу. Дѣйствіе приписывалось не только заступничеству святаго, котораго ликъ изображался на образѣ, а смѣлъ, заключающейся въ самой иконѣ. Поэтому, если, на примѣръ, русскій былъ съ кѣмъ нибудь въ ссорѣ или тяжбѣ, то боялся, чтобъ соперникъ его не помолится этому образу и чтобъ такимъ образомъ не получилъ успѣха противъ него самого. Изъ уваженія къ св. иконамъ считалось грѣхомъ прикоснуться рукою къ лику святаго, и это вѣрованіе было между прочимъ поводомъ къ тому, что иконы обкладывались одеждою (Джевк. 359). Когда образъ несли, то изъ благоговѣнія держали надъ головою высоко, и всякъ, кто встрѣчался, долженъ былъ креститься и кланяться (Herberst. 28). Если въ комнатѣ совершалось что нибудь непристойное — образа задергивали целеною. Уваженіе къ иконамъ не дозволяло выражаться, что образа покупаются; говорили же: мѣняются; хозяинъ, желая промѣнить свой старый образъ на новый, приносилъ его въ иконную лавку, оставлялъ и клалъ деньги: если купецъ находилъ, что даютъ дешево, то, ни слова не

говоря, отодвигалъ отъ себя деньги, и покупатель долженъ былъ прибавлять, пока купецъ находилъ достаточнымъ. Если образъ сгорить, непристойно было сказать: онъ сгорѣлъ, а слѣдовало выразиться: *онъ выбылъ*, какъ и о сгорѣвшей церкви говорилось: она вознеслась, а не сгорѣла. Впрочемъ, старые образа позволялось бросать въ рѣку, сказавши *прости* (Колл. 9); но тотъ, кто находилъ образъ на водѣ, почиталъ такую находку знакомъ благодати. Поруганіе св. иконъ, по русскимъ понятіямъ, наводило гнѣвъ Божій на цѣлый край; въ 1642 году многіе подавали царю совѣтъ начать войну съ турками на томъ основаніи, что турки овладѣли въ Азовѣ образомъ св. Іоанна Предтечи: это внушало опасность навлечь на всю Россію мечь святаго (С. Г. Гр. III. 389). Въ равной степени русскіе чувствовали книгу св. Евангелія, хотя бы и въ частномъ домѣ. Св. Евангеліе слѣдовало брать въ руки не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, съ повикшею главою и послѣ крестнаго знаменія (Relig. des Moscov. 13).

Св. крестъ считался знаменіемъ мира и союза. Всякій договоръ или обѣщаніе по своей важности подтверждались цалованіемъ креста, а нарушеніе такого договора называлось преступленіемъ противъ крестнаго цалованія. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные заурещали снимать крестъ съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться въ рѣку или мыться въ мыльнѣ (Румянц. Сборн. 359). Коль скоро приводилось что нибудь важное обѣщать или утвердить истину сказаннаго, снимали его съ себя и цаловали. Встарину было въ обычаѣ мѣняться грудными крестами; сдѣлавшіе такую мѣну, считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни.

Св. мощи были всеобщимъ предметомъ поклоненія; къ нимъ стекались болящіе и искали исцѣленій. Независимо отъ поклоненія мощамъ, хранившимся въ церквахъ и монастыряхъ, многіе богатые люди имѣли у себя въ домѣ частицы мощей въ крестахъ или на образахъ; возбранялось носить крестъ съ мощами на шеѣ (Румянц. муз. рукоп. № 359). Вода, которою обмывали мощи, считалась цѣлительною и употреблялась набожными людьми въ разныхъ недугахъ. Встарину очень часто появлялись мощи, и кромѣ тѣхъ, которые были открыты и признаны церковью, возникало въ разныхъ мѣстахъ поклоненіе памяти усопшихъ, которые, по образу жизни, заслуживали уваженія народа. Такъ въ 1626 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ народъ сталъ собираться около рябины, которая выросла на могилѣ убитаго разбойниками ивока Адріана, и народный говоръ гласилъ, что многіе страждущіе получали на этомъ мѣстѣ исцѣленіе (А. И. III. 229).

Съ этими вѣрованіями соединялось уваженіе къ храму Божию. Строить церковь считалось дѣломъ христіанской добродѣтели и лучшимъ средствомъ ко спасенію и отпущенію грѣховъ. Нельзя было пройти мимо церкви, не сдѣлавши троекратнаго знаменія съ поклономъ.

Благочестивый человѣкъ считалъ большимъ грѣхомъ не пойти въ церковь въ праздникъ не только къ литургіи, но къ вечернѣ и къ заутрени. Когда вы услышите клепаніе въ церкви — говоритъ одно духовное поученіе — оставляйте всякое дѣло и идите въ церковь (Рум. Муз. рукоп. № 359). Слѣдовало въ церкви стоять со тѣнѣмъ и трепетомъ, не обращая взоровъ, потупивъ глаза и сложивъ крестообразно руки, и не вести другъ съ другомъ пустошныхъ рѣчей: «велико милосердіе Божіе (говоритъ тоже поученіе), что огонь, — не сойдетъ съ неба и не пожретъ ведущихъ разговоры во время божественнаго пѣнія». Склоняться на стѣну и переступать съ ноги на ногу отъ усталости считалось грѣхомъ; равнымъ образомъ считалось недостойно славы Божіей уходить изъ церкви прежде окончанія служенія (Рум. Муз. рукоп. № 359). Палку оставляли внѣ церкви. Во избѣжаніе сходства съ католиками, встарину православные не становились на колѣни, но благочестивые люди усердно клали поклоны и отъ этого на лбу у нихъ были шишки (Колл. 26. Дженклинс. 338). Женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ; знатныя госпожи становились въ церквахъ за рѣшетками, стояли потупя глаза въ землю и старались особенно показывать видъ скромности, когда мимо ихъ проходилъ священникъ. Простыя женщины не такъ часто ходили въ церковь, какъ мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобъ поклониться иконамъ (Mejerb. 169. Olear. 348). Всякому сколько нибудь достаточному человѣку вмѣнялось въ благочестивую обязанность явиться въ храмъ Божій съ приношеніемъ, напимѣръ со свѣчею, съ просфорою, емміамомъ, ладномъ, кутьею или милостынею (Злат. Матица Публич. Биб. стр. 203). По толкованію набожныхъ людей, даръ тогда только принимался Богомъ, когда было приношеніе отъ праведнаго имѣнія (Домостр. 9), и когда богомолецъ не таитъ въ душѣ ни къ кому ни злобы, ни гнѣва. «Аще кто идетъ къ церкви со страхомъ Божіимъ, со всѣмъ сердцемъ, гнѣва не имѣетъ, но сіяетъ душа его яко солнце, и восходитъ молитва его яко темьянъ: тогда ангель мой исходитъ изъ алтаря, нося кисть въ руку своею и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ святой» (Рум. Муз. рук. 182). Давать въ монастыри считалось особенно спасительнымъ дѣломъ: «что имате потребно — несите къ намъ, то бо все въ руку Божию влагаете» (Поуч. всяк. христ. рукоп.). Кромѣ денежныхъ вкладовъ и недвижимыхъ имѣній, нѣкоторыя

дарили одежды (С. Г. Гр. I. 343) и посылали братіи кормы, то есть съѣстные припасы. Нѣкоторые знатные люди доставляли въ монастыри каждагодня пропорціи. Во время болѣзни или предъ кончиною страждущіе думали уменьшить тяжесть грѣховъ вкладами въ въ церковь, и завѣщали иногда въ разныя церкви и монастыри особые вклады (А. отв. къ Юр. Б. 557) и кормленія на братію (Доп. I. 186). Если умирающій не успѣвалъ распорядиться формально, то наслѣдники, зная его волю, считали долгомъ поскорѣе исполнить ее для успокоенія души усопшаго (Доп. I. 5.). Нерѣдко старый человекъ, чувствуя истощеніе силъ, поступалъ въ иноческій чинъ и при этомъ всегда давалъ даръ или доходъ; въ такихъ случаяхъ богатые помогали бѣднымъ, давая имъ на постриженіе (Врем. XIII. Расх. кв. 39). По народнымъ понятіямъ, сдѣлать вкладъ по душѣ значило проложить душѣ вѣрный путь къ спасенію, и это вѣрованіе было причиною большихъ богатствъ монастырскихъ.

Но уже распространилось достаточно ученіе о томъ, что давать на монастыри недвижимое имѣніе не только не спасительно, а даже вредно. Въ книгѣ «Златой Матицѣ» (Погод. Сб. № 1024), въ одномъ поученіи разсказывается, что нѣкій святой отецъ имѣлъ видѣніе объ одномъ умершемъ, котораго считали всѣ спасеннымъ, потому что онъ записалъ въ монастырь имѣніе, и который въ самомъ дѣлѣ за то самое былъ осужденъ: «и осуждена бысть душа его мучиться святаго ради, и молящися святѣй Богородицѣ и предтечѣ Іоанну о душѣ той и слышахъ гласъ глаголющъ: «кто дастъ село, да отпустятъ то село отъ монастыря, тогда душа отпущена будетъ отъ муки».

Священники и монахи были лучшими совѣтниками и друзьями благочестивыхъ людей. Каждый имѣлъ у себя духовника, къ которому прибѣгалъ въ своихъ житейскихъ нуждахъ: приглашалъ для совѣта и утѣшенія во время какойнибудь печали, болѣзни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Онъ былъ наставникомъ и другомъ, занималъ въ домѣ всегда первое мѣсто; для него не щадили приношеній; ему кланялись до земли (Домостр. 21). Осуждать духовныхъ считалось, по нравственному ученію, большимъ грѣхомъ: «вѣсть вамъ подобно на священники хулы возвѣщати», говоритъ одно поученіе (Пог. Сбор. Публ. Библ. № 1313), «ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся вѣрныя службу творять и завтра, и въ полудни, и въ вечеръ молятъ Бога въ церкви и въ домѣхъ, и у креста молитвы творять... Ученія его (священника) слушай, и аще право учить, не пытай его ученія и не укоряй его, добре бо за тя Бога молятъ. Клеветы же не пріймай ни на единого чернца глаголь; аще видиши согрѣшивша, послушай Бога рекшаго: не осу-

жайте, да не осужени будете; минувшу же ты на пути не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышленіе о судномъ днѣ (Сборн. XVII в. принадлеж. професс. Буслаеву) восклицаетъ: «огоре тому человѣку въ день судный, аще кто станетъ попа укоряти: не попа укоряетъ, по церковь Божию». Государи, столь неприступные, преклонялись предъ духовными властями, и Алексѣй Михайловичъ обращался съ патриархомъ Іосифомъ столь почтительно, что кланялся ему до земли (А. А. Э. IV. 78). Конечно, этотъ обрядъ смиренія не мѣшалъ царямъ поступать иногда очень самовластно съ духовными лицами. Съ своей стороны духовенство, котораго было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобъ не получить выгоду отъ своихъ совѣтовъ. На большой дорогѣ и на берегу рѣкъ всегда можно было встрѣтить духовныхъ, которые, завидя проѣзжаго, спѣшили благословить его крестомъ, чтобъ получить какую нибудь награду за свое благословеніе (Карл. 32).

Послѣ духовныхъ, благочестіе обращалось къ такъ называемымъ юродивымъ и нищимъ. Въ какомъ почетѣ были встарину юродивые, видно изъ того, что самъ Иванъ Васильевичъ Грозный терпѣливо выслушалъ горькія рѣчи юродиваго, приглашавшаго его въ постъ поѣсть мяса, на томъ основаніи, что царь ѣстъ человѣческое мясо. Кромѣ юродивыхъ мужчинъ были также юродивыя жонки, ходившія со двора на дворъ, уважаемыя хозяевами и вмѣстѣ забавлявшія хозяйскихъ дѣтей. Иногда юродивые жили при домахъ, особенно при архіерейскихъ; такъ Никонъ, когда выѣзжалъ въ дорогу, то бралъ съ собой какого-то юродиваго Василія Босаго.

Вѣра, что подача нищему есть достойное христіанское дѣло и ведетъ къ спасенію, поражала толпы нищенствующихъ на Руси. Не одни калѣки и старицы, но люди здоровые прикидывались калѣками. Множество нищихъ ходило по міру подъ видомъ монаховъ и монахинь и странствующихъ богомольцевъ, съ иконами, — просили какъ будто на сооруженіе храма, а въ самомъ дѣлѣ обманывали. Въ каждомъ жилищномъ домѣ поношеное платье раздавалось нищимъ (Дом. 51). Въ большихъ городахъ на рынкахъ каждое утро люди покупали хлѣбъ, разрѣзывали на куски и бросали толпѣ оборванныхъ и босыхъ нищихъ, которые такимъ образомъ выпрашивали себѣ дневное пропитаніе. Случалось, что эти самые нищіе, напросивши кусковъ, засушивали ихъ въ печкѣ и послѣ продавали сухарями (Олеар. 317); а потомъ снова просили. Часто дворяне и дѣти боярскіе, пострадавшіе отъ пожара или непріятельскаго нашествія, просили милостыни, стыдись заняться какою нибудь работой. Если такому попрошаю скажутъ, что онъ здоровъ и можетъ работать, дворянинъ обыкновенно отвѣчалъ: «я дворянинъ, работать не привыкъ; пусть за

меня другіе работаютъ! Ради Христа, Пресвятыя Дѣвы и святаго Николая чудотворца, и всѣхъ святыхъ, подайте милостыню бѣдному дворянину!» Часто такія лица, наскуча просить милостыню, перемѣняли нищенское ремесло на воровское и разбойничье (Petg. 314). Вообще, прося милостыни, нищіе возбуждали состраданіе унижительными причетами, напримѣръ: «дайте мнѣ и побейте меня. Дайте мнѣ и убейте меня!» Другіе читали нараспѣвъ духовные стихи жалобнымъ голосомъ. Благочестивые люди приходили въ умиленіе отъ этого рода пѣсень. Между нищими вообще было множество злодѣевъ, способныхъ на всякія беззаконныя дѣла. Въ XVII вѣкѣ они крали дѣтей, уродовали ихъ, калѣчили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то ихъ хоронили въ погребкахъ, а если переживали муку, то возли по селеньямъ, чтобъ возбуждать видомъ ихъ страданій участіе. Случалось, что вдругъ пропадетъ дитя, игравшее гдѣ нибудь на улицѣ: его смащивали нищіе, соблазняя яблоками и орѣхами. Въ XVII вѣкѣ рассказывали одинъ ужасный случай. Пропало у матери дитя. Черезъ нѣсколько времени въ толпѣ нищихъ мать услышала жалобный крикъ: «мама! мама!» Окрылось, что эти нищіе, числомъ четверо, отправляли уже семнадцать лѣтъ такую спекуляцію и много дѣтей украли и изуродовали (Mejerb. 166—167). Несмотря на такіе случаи, расположеніе къ нищимъ отъ этого не охладѣвало. Русскій, видя несчастнаго, который проситъ подавнїя во имя Христа и святыхъ, не считалъ себя вправѣ судить его, а полагалъ, что долгъ христіанина помочь тому, кто проситъ; справедливо ли, или несправедливо онъ проситъ, и куда бы ни употребилъ то, что ему дано—въ этомъ судить его Богъ. На такомъ основаніи русскіе также сострадательны были къ колодникамъ, преступникамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, которыхъ посылали съ сторожами просить милостыни для пропитанія. Благочестивые люди отправляли въ тюрьмы кормы и раздавали колодникамъ передъ праздниками одежды. Самъ царь въ урочные свѣтые дни, когда ради вселенскихъ церковныхъ воспоминаній кормили нищихъ и раздавали имъ подавнїе, отправлялся лично въ тюрьмы къ заключеннымъ и подавалъ имъ милостыню изъ собственныхъ рукъ. Даже иногда *тюремные сидѣльцы* получали сравнительно болѣе, чѣмъ содержавшіеся въ богадѣльняхъ раненые воины (Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1853, янв. 58). Иностранцамъ казалось странно, что люди наказанные кнутомъ не только не отмѣчались народнымъ презрѣніемъ, но еще возбуждали къ себѣ участіе и внушали даже нѣкотораго рода уваженіе къ своимъ страданіямъ. Никто не стыдился не только ласково говорить съ ними, но даже вмѣстѣ съ ними ѣсть и пить (Olear. 175). Съ другой стороны и палачи не были въ презрѣніи (Strauss, 25); это званіе

отдавалось иногда торговымъ людямъ и такъ было выгодно, что его перебивали другъ у друга. Такимъ образомъ всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло въ несчастномъ видѣть одно несчастье и подходить къ нему съ добрымъ движеніемъ сердца, а не съ осужденіемъ.

Храненіе поста было для всѣхъ безусловною обязанностію. Начиная отъ царя и доходя до послѣдняго бѣдняка, всѣ строго держались употребленія пищи по предписаніямъ церкви въ извѣстныя времена. Великій постъ и усупенскій, среды и пятки соблюдались съ большею строгостію, а прочіе два : петровъ и рождественскій (Филипово заговѣнье) слабѣе (Румянц. Муз. рук. 359); лицамъ, находящимся въ супружескомъ союзѣ, не предписывается тѣлеснаго воздержанія въ эти посты; многія благочестивыя семейства въ продолженіе четыредесятвицы ѣли только въ опредѣленные недѣльные дни, а въ другіе совѣмъ не вкушали пищи. Послѣдніе два дни передъ Пасхою почти повсемѣстно проводились безъ пищи, по церковному уставу. Постъ считался средствомъ умилостивленія Божія гнѣва и въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и въ частныхъ несчастіяхъ. Въ эпоху смутнаго времени, въ 1611 г., наложили постъ на недѣлю : въ понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу сухояденіе (А. А. Э. II. 247). Въ 1650 году, по поводу съѣденія хлѣба саранчею, наводненій, пожаровъ и скотскаго падежа, положено въ рождественскій постъ поститься строже обыкновеннаго и ходить каждый день къ заутренѣ, литургіи и вечернѣ (С. Г. Гр. III. 459). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всеобщій постъ налагался на жителей въ предупрежденіе бѣдствій, о которыхъ носились слухи со стороны; такъ въ 1668 году, по случаю разнесшейся вѣсти о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ, наложили строгій постъ. Если въ какойнибудь общинѣ, посадской или сельской, случалась болѣзнь, скотскій падежъ, неурожай или какоенибудь другое несчастье, жители думали избавиться отъ него положеніемъ строгаго поста на всѣхъ членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, налагались обѣтныя пятницы, то есть столько-то пятницъ проводить безъ пищи. Другіе, по благочестію, сверхъ установленныхъ церковью каждонедѣльныхъ постныхъ дней—среды и пятницы, постились постоянно по понедѣльникамъ. Но если по понятіямъ маломыслящаго постъ достаточно достигался соблюденіемъ воздержанія отъ пищи и неотступленіемъ отъ налагаемыхъ обычаемъ правилъ, то для истинно благочестиваго наружный постъ былъ бесполезенъ безъ дѣлъ христіанской любви. Въ одномъ старинномъ словѣ «о Хлѣбѣ» говорится : «кій успѣхъ убо челоуѣку алкати плотію, а дѣлы разоряюще; кій успѣхъ

человѣку отъ яди воздержатися, а на блудъ совокупятися; кая убо польза немьющемуся, а нагого не одѣжуше. Кая польза есть плоть свою изсушающему, а не кормящему алчнаго; кій успѣхъ есть улы съкрушати, а вдовицъ не милovati; кій успѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти» (Погод. Сборн. № 1024). Другое поученіе съ такою рѣзкостію выражается о безплодіи соблюденія наружнаго поста безъ внутренняго благочестія: «аще кто не пьетъ питья, ни мясъ ясть, а всяку злобу держитъ, то не хуже есть скота; всякъ бо скотъ не ясть мясъ, ни питья пьетъ; аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зломыслить на друга, то ни тако хвалися; скотъ бо постели не требуетъ, ни постеляющаго имать» (Рум. Муз. рук. № 186).

Несмотря на глубоко-нравственное значеніе, какое вообще придавали строгому подчиненію церкви, русское благочестіе основывалось больше на вниманіи къ внѣшнимъ обрядамъ, чѣмъ на внутреннемъ религіозномъ чувствѣ. Духовенство почти не говорило проповѣдей, не было училищъ, гдѣ бы юношество обучалось закону Божію.

Русскіе вообще рѣдко исповѣдывались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполненіемъ этихъ важныхъ обрядовъ только однажды въ годъ — въ великую четьридесятницу. Другіе не исповѣдывались и не подходили къ святымъ дарамъ по нѣскольку лѣтъ. Притомъ исповѣдь для толпы не имѣла своего высокаго значенія: многіе, чтобъ избѣжать духовнаго наказанія отъ священниковъ, утаивали свои согрѣшенія и послѣ даже хвалились этимъ, говоря съ насмѣшкою: «что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться» (Mejerb. I. 81—182). Часто владыки жаловались на холодность къ религіи и обличали мірянъ въ уклоненіи отъ правилъ церкви. Въ XVI вѣкѣ митрополитъ Макарій замѣчалъ, что въ Новгородской землѣ простолюдныи не ходять въ церковь, избѣгаютъ причащенія; а если и приходятъ когда нибудь въ храмъ, то смѣются и разговариваютъ между собою, не показывая вовсе никакого благочестія (А. И. И. 297). Въ XVII вѣкѣ до свѣдѣнія патріарха Филарета дошло, что въ Сибири русскіе, сжившись съ некрещеными народами, забыли даже носить на себѣ кресты, не хранять постныхъ дней и сообщаются съ некрещеными женщинами (С. Г. Гр. III. 245). Нѣкоторые русскіе въ восточныхъ провинціяхъ Московскаго государства, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями ихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру (А. Э. I. 438). Коль скоро нѣтъ внутренняго благочестія, наружное соблюдается только до тѣхъ норъ, пока дѣйствующія извнѣ обстоятельства поддерживаютъ привычку; въ противномъ случаѣ и самыя об-

ряды не тверды, и человекъ гораздо легче ихъ нарушаетъ, нежели какъ кажется, судя по той важности, какую онъ придаетъ имъ. Собошники Стеньки Разина ѣли въ постъ мясо, безчинствовали во время богослуженія, кошунствовали надъ святынею и убили архипастыря, несмотря на его священный санъ; а при Михаилѣ Оедоровичѣ Иванъ Хворостининъ, какъ только познакомился съ литературными трудами Запада, тотчасъ началъ вести такую жизнь, что навлекъ на себя укоръ патріарха въ томъ, что противъ свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, до свѣта за два часа ѣлъ мясную ѣству и пилъ вино (С. Г. Гр. III. 332).

Отдѣленные отъ прочихъ народовъ, съ своей особой вѣрой, русскіе составили себѣ дурное понятіе о другихъ христіанскихъ народахъ, а долгое страданіе подъ игомъ нехристіанъ укоренило въ нихъ непріязненность вообще къ иновѣрцамъ. Русскіе считали только однихъ православныхъ въ цѣломъ мірѣ христіанами и въ отношеніи вѣры смотрѣли съ презрѣніемъ на всѣхъ иноземцевъ (Oleag. 189); хотя они мало по малу сближались съ ними, принимали начала ихъ жизни въ свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя, что они многому должны отъ нихъ учиться, вознаграждали это непріятное сознаніе національнымъ высокоомѣріемъ. Греція передала намъ къ мусульманамъ свою антипатію, которая еще болѣе усилилась на русской почвѣ, соединившись съ воспоминаніями татарскаго ига. Всѣ западные христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными (Доп. III. 250). По понятію строгаго благочестія не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобъ стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика (Herberst. 83). Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и армянами (А. Э. I. 463) и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближенію съ иностранцами. Въ 1620 году, духовенство просило не допускать нѣмцевъ покупать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ нѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе (А. И. III. 115). Такъ патріархъ Никонъ, человекъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры (Библ. для Чтен. XV, отд. III. стр. 101). Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкѣ неаивисть къ католичеству. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклятая (Дѣло Башкина А. А. Э. I. — С. Г. Гр. III. 24), и католики считались погибшими для царствія Божія людьми (Контор. III). Послѣ смутной эпохи

ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать объ нихъ; имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго государства (Olear. 317). Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять изъ города всѣхъ уніатовъ, и требовалъ, чтобъ тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію (А. И. IV. 261); а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками (А. И. IV. 227). Народъ ненавидѣлъ также наравнѣ съ католиками и жидовъ (Olear. 317); ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лекарствъ.

Съ непріязнію къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для русскихъ достояніе чужеземщины. Такимъ образомъ русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли какъ на колдовство или наважденіе дьявола (Crull. 143). Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ (Olear. 189). Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою; и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили заператься въ свои избы, «какъ будто бы — говоритъ одинъ англичанинъ — мы были зловѣщія птицы или какія нибудь пугалы» (Карл. 205); только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы (Olear. 346).

Правительство хотя подавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину, взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользовалось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи, одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови (Флетч. 15), и оправдывалъ передъ ними свои злодѣйства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми (Das. Gr. Reich v. Mosc. 152 — 153). При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правовѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ,

и наконецъ при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Остановившая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобъ народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянь, поносными словами (С. Г. Гр. IV. 469); а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно (А. И. IV. 109) и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще непріязнь къ иноземцамъ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной непріязни къ иностранцамъ: она была только религіозная, какъ къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ (Herberst. 31). Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ (А. отн. къ Ю. Б. 556). Такимъ образомъ разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностію, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ (Доп. V. 285). Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему польскому — въ смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и официальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западнорусской рѣчи (А. И. II. 357).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Жилья мѣстности.	7
—II. Города.	10
III. Москва.	19
IV. Посады.	26
V. Слободы.	31
VI. Села и деревни.	32
VII. Дворы и дома.	36
VIII. Домашняя мебель и утварь.	50
IX. Одежда.	62
X. Пища и питье.	81
—XI. Образъ домашней жизни.	93
XII. Здоровье и болѣзни.	99
—XIII. Семейные нравы.	103
XIV. Порядокъ домоуправленія	110
XV. Выѣздъ изъ дома и путешествіе.	119
XVI. Приемъ гостей. — Обращеніе.	125
XVII. Пиршества. — Пьянство.	129
XVIII. Увеселенія. — Игры. — Забавы.	139
—XIX. Праздники.	149
XX. Домашніе обряды. — Родины и крестины. — Бракъ. — Новоселье. — Смерть. — Погребеніе.	154
XXI. Вѣрованія.	180
